

Литературный альманах

ПАЛИСАДНИК

Под редакцией Эллы Леус

Сборник основан в 2016 году

Выпуск 1
Дайджест 2014–2016

Одесса • Астропринт • 2017

УДК 821.161.1.2(477)-1/3

Учредитель:

Общественная организация «Одесский литературный центр»

Редакционная коллегия:

Элла Леус — главный редактор,
Ирина Иванченко — заместитель главного редактора,
Игорь Потоцкий и *Леонид Костюков* — редакционный совет,
Наиль Муратов и *Элина Заржицкая* — отдел прозы,
Марк Эпштейн — отдел поэзии,
Любовь Купцова — отдел детской литературы,
Екатерина Слобода — координатор редакции

Составители:

Ирина Иванченко, Наиль Муратов

Сайт издания: <http://palisadnik.org.ua/>

Литературный альманах «ПАЛИСАДНИК» — украинское издание, предоставляющее возможность знакомства с текстами современных авторов на украинском и русском языках. В дайджесте представлена поэзия и малая проза.

Для изучающих тенденции развития современной украинской литературы, преподавателей, студентов, критиков. А также для широкого круга читателей.

Тина Арсеньева

Одесса

БОГЕМА

Плутало племя Божье,
Влачась на зов свирелей;
Хранило бездорожье
Могила менестрелей.

С прорехой да заплатой,
Под крышей ли, в подвале, —
Сандалии крылатой
Вовек не целовали.

На дальнем ли, на близком
Платили полустанке
По закладным распискам
Безносой маркитантке...

Заказан пышный ужин —
На то ума палата!
А суженый мне ссужен,
И близится расплата.

И все мне бредить, бедной,
Бренча, как грош поддельный,
Заказной, заповедной
Землею запредельной...

И вот уже ни корки,
Ни шепота из зала;
Печальные пригорки
Распутица слизала.

Същись бы тут вещица, —
Всё лыко да мочало...
А злая ростовщица
Костяшками стучала,

Шалила да веночки
Сплетала на досуге...
К ней шли поодиночке,
Не зная друг о друге.

Как в жизнь: поодиначке,
Не взяв благословенья, —
Растерзанной цепочки
Растерянные звенья.

ЦЫГАНСКАЯ МАГДАЛИНА

Ладану да воску! — воскурят да жги
Всем ее святым
За ее прическу (злато ли? — ни зги!)
С гребнем золотым.

Мягко лен, да жестко в сон да в зол-пырей...
Смертный, не гляди!
Жгучая известка всех монастырей —
В белизне груди.

С ладану-то нудно, то ли волос в лоск
Вымыть поутру...
То и сердце блудно, что душа, как воск,
Да в чужом пиру.

Шалой бы да шалей, камешков да бус, —
Вот как Бог велик,
Каменных скрижалей потяжеле груз —
Сердца сердолик!

Колокол колодца, ладно ли — до дна!
На кого, дай срок,
Кос ее прольется косная волна,
Присмирив у ног?..

Юлія Баткіліна

Харків

ВІЧНА ІСТОРІЯ

Досвітнє вогке тепло затопило стайні,
Ні розвідки, ні навали, ні сну, ні герця.
Він просить її: «Кохай мене, як востаннє,
І я не помру ніколи, бо так ведеться».
Біла земля до могил промерзає — лютий.
Диханням він зігріває її долоні.
В їх поцілунку — темна п'янка отрута,
Та уві сні гонитвою марять коні.

*Все, що я хочу — це падати проти сонця і проти неба,
в білі водойми, розчахнуті, як обійми, в шал весняного
яблучного розмаю. Тільки жене мене клята оця потреба.
Кажуть, жадаєш миру — то меч не вийми. А я виймаю.*

Він каже: «Я не загину, бо так ведеться.
Тільки триматиму небо і оборону».
Його проводить вона і стара фортеця
Та колотнеча запльованого перону,
Де продають воякам пироги з грибами,
Де малюків і старших долає спека.
Що з нами буде? Що з нами було? Хіба ми
Можемо бути поряд і так далеко?

*Все, що я чую — як тонко співає вітер, і все — ні слова,
все, що я бачу — це синє шалене небо, чорне твоє волосся
на полотніні. Все, що я знаю — що смерть відімкнула
браму, іде на лови, все, що я можу вимовити — про тебе,
отак віднині...*

Летять лелеки...

СОН ПРО ПОЧАЙНУ

Стою — і тече крізь мене забута вода Почайни, за вітром
пливуть знамена, ідуть вояки з мечами, і ті, що не вийшли
з бою, і ті, що зазнали болю, зібгавши святкові шати, ідуть
і ідуть по полю.

Мені не озветься жоден, розмелені ми між жорен.
Несуть і несуть знамена, гарчать геральдичні звірі. Дру-
жинно — не поіменно, по кісточки у зневірі. По стег-
на — у сподіваннях, по пояс — у муках ранніх, тече і тече
Почайна, останніх несе і крайніх.

У зраді — по самі груди. Вода замерзає. Грудень.
Легенди — сумні і прісні, аж поки той лід не трісне.
Ідуть по воді оружні, ідуть по воді затяті, несуть за со-
бою мужність, знесиленість і прокляття, і все, що давно
втонуло, і все, про що час забути, засмоктусь, наче мулом,
і в'яже, неначе пути.

До моря тече Почайна, до чайок і ще — до чайок.
І плеск її заколише того, хто на берег вийшов.

Та підуть чайки у море —
І сон волоцюг не зморить.
Повільні віки — нестерпні.
Прокинься під небом серпня.

Наталка Бельченко

Київ

* * *

Ти різнобарвніший за біль,
Що ним охоплені вигнанці,
Твої слова — Фомині пальці —
Іще чіпляють мимовіль.

Хоч шал купальських божевіль
Ще відчувається і вранці,
Та хміль не втримався в карафці —
Непередбачуваний хміль.

Вже від'єдналась пуповина
І висохла священна глина
У ластів'їному гнізді

І в нірці у водомороза.
І не розмочать глину сльози,
Які ліпили нас тоді.

* * *

Ой, що то воно за ріка?
Немає у ній каламуті.
Водиця настільки тонка,
Що всі покоління — почуті.
Купатися в ній — голяка.

Століттями на берегах
То юшку варили, то довго
Шукали, де всядеться птах
Звістити щасливу долю,
Шляхи — по піснях і зірках.

У лоно нічної води
Вдивляючись, мусим вгадати,
Чи йдуть вже по нас прадіди,
Чи справді зарано до хати,
І як нам біди уникати,
Коли не уникнеш біди.

* * *

Десь кров тече: від злаку і до знаку
Відкритий шлях між степових річок.
Душа-блукачка вимовить подяку,
А той, що греблі рве, пришвидшить крок.
О гребелько, та belle, закрийся, люба,
Хай випнеться вагітна глибина.
Зупинить кров один цілунок в губи,
На другому закінчиться війна.

* * *

Вкраїна-мама мила рану,
Поволі вимивала гній.
Цілуй хатиночку саманну,
Але пиши буквар новий.

Те, що здавалось неможливим, —
Тепер в буденності подій.
Чи сподіватися на диво?
Лишень в біді не збайдужій...

СОФІЯ КИЇВСЬКА

Відбити липневу атаку,
У листя пірнути мерщій,
Вгадати по вірному знаку
Обіцяне справдження мрій.
Дістатись підвалин Софії,
Тих вуст небуденних її,
Чий обереги святії
Ще й досі лежать у землі.
І знов пережити пологи,
Чи верхнім, чи нижнім шляхом
Потрапити в ті діалоги,
Де Мудрість — одна з хромосом.
Мовлям народитись одразу,
Бо віще промовити зміг,
Людську пуповину до часу
Тримаючи, мов оберіг.

Юлія Березко-Каминська

Ірпінь

* * *

Різдво в смереках тихе і м'яке,
Загусле в ніч, одтворене в безмежжя.
Мольфарка п'є настояний лікер
На зимних зорях у ковшах ведмежих.

Сокрита в кожнім гостра голизна
Під снігом, ніччю, у теплі овчинки.
Мольфарка — добре знають, що одна,
Одна як відьма і одна як жінка.

І що в тій окаяній, там, на дні
Душі жаскої, в капищі глибокім?
Також Різдва безхитрісні вогні,
Потреба в диві і вечірній спокій?

За кого п'є задобрене питво?
Кому несе усі свої трофеї
Від тих, хто молять Бога на Різдво,
А в час біди вертаються до неї?

* * *

Там, де немає нас, у снігах Карпат,
Вечір прийшов давно і розвів вогонь.
Пахне дровами і травами спокій хат,
Кожен тут знає кожного, як свого.

Вечір святий — усюди. Грибний навар
Тягнеться в осінь, зрізану попід ніж.
Кожен в Різдво хоч трішечки, та казкар —
Можна ледь-ледь домислити — всі свої ж!

Вітер бреде навромаївки, дме на млин,
Жилки тонких потічків пульсують десь.
Там, де немає нас, ти сходив один
Мало не всі Карпати, мов світ увесь.

Тож і сьогодні ввечері, в розпал свят,
Хай не дивуються й ті, хто живе давно —
Просто, проходячи мимо соснових хат,
Важко не зазирнути в чуже вікно.

* * *

У чужому місті, що пахне кавою,
Де вузькі провулки — лоза між каменем, —
Сонце озиралось услід ласкаво нам,
Ти гадав, що вічність — не менше — знав мене.

Розчинявся вечір, як не тримай його,
(Ми іще про нього колись напишемо).
Все було так просто — ні слова зайвого...
Дерев'яні сходи зітхали тишею,

Осипались клени, і в невагомості
Осідала осінь на дно бруковане.
Місто це залишиться в підсвідомості
Листопадом лагідним, зацілованим,

Урочистим небом у сонмі зорянім,
Золотим настилом, недбало скинутим...
Місто це залишиться не повтореним
В наших долях більше ніде, ні з ким отак.

Кава пахла, ніби з життя минулого,
Післясмак якого гірчить і досі нам.
За рікою ж пам'яті береги забули ми...
Що робити будемо із цією осінню?

В паралельні будні навіки викине
Час проточний з гавані міста чинного.
Як же тонко й щемно нам долі виткано!
Кавою просипано нерозчинною...

Звенига Бильченко

Київ

МОНОЛОГ ДЖОРДАНО БРУНО

Галилео, мой друг, ты — вдвое хитрей меня.
Из галактик к тебе слетаются звёзды-вестницы.
Я хотел бы, как ты, кивком избежать огня,
Чтобы после сказать: «И всё-таки она вертится!»

Я хотел бы, как ты, смешком одурачить суд:
Их невежество, их величество твердолюбое.
Притвориться, что ты — их пряник, движок, хомут.
Подыграть им, отсрочив час своего надгробия.

Попытаться понять их коды и номера:
«Люди — братья» и «всяк — мастак на свою позицию».
«Думай шире», — меня учили профессора.
«Будь покорнее», — говорили мне инквизиторы.

«Мерь объемнее, — наставлял меня мудрый йог. —
Видишь, сколько дорог? На каждой — своя изюминка».
Я ответил, что у меня только пара ног
И они направляют шаг на одну, безумную.

Там, где площадь Цветов, там пламя — всегда алей:
На кострах вырастает свежее поколение...
Не читай меня.

Не жалея меня, Галилей!
Знай: душа — бесконечна. Это и есть — Вселенная.

МИСТИКА ДЛЯ СОБАК

Помнишь, малыш, нам было по десять лет??
Ты говорил с собаками на пали
И получал от них неплохой ответ:
Мы и собаки спали в одной пыли.

Помнишь тот город — с будками вместо крыш?
Там, говорят, война и полно зверья.
Там, говорят, ты умер... Но я, малыш,
Знаю, что ты — живой, а погиб здесь — я.

Впрочем, какая разница — кто и где?
Главное, мы навеки — и навсегда.
Ветер разводит музыку по воде,
И на пали, как псина, поёт вода.

А за Собачьей речкой — растут коты:
Жирные, будто дрожжи прошедших дней.
Кто-то до дрожжи Родненький с высоты
Смотрит на них, поскольку Ему видней.

Детство эпохи — вечный священный бунт:
Первый, кто лёг на плаху, — навек спасён.
Помнишь, малыш, когда мы играли в будд,
Мы, как собаки, знали о мире всё?

Мир протянул нам лапу — и был таков:
Маленький Джим большого, увы, не спас...
Помнишь, малыш, нам было по сто веков? —
Жаль, что собаки опередили нас.

Станіслав Бондаренко

Київ

* * *

Н. Л.

Збігає час — як молоко на плиті,
прудкіше, ніж плавиться свіча:
все менше білого. І світлого на лицях.
А ти все та ж — палке моє дівча.

Збігає час — як молоко збігає,
та перш ніж він до крапельки збіжить
і нас, як листя стомлене, зібгає,
є час каштанів-свіч — кохатъ і житъ.

ОДЕСНУЮ ОДЕСА

*Еллі Леус та Володимир
Шовкошитному*

Одесную Одеса,
а Київ — ошую.
Траса — засіб від стресу:
і лікує, й віншує.

Від столичних каштанів
до одеських платанів
висне шворка в тумані
із білизнами планів:

з рушниками портретів
дружбанів і поетів,
з голубим простирадлом,
хором чайок на злеті.

...Вже пташині гортані
наші строфи гортають:
це пташине братання
із людьми, що літають.

А як прийде неділя,
попрошу я Наїля,
щоб Одеса — опую,
а Печерськ — одесную...

...Хай пряде від платанів —
до печерських каштанів
Аріаднину нитку
пам'ять, в морі умита.

БУДИНОК БЕТХОВЕНА

У домі Бетховена підлога скрипить,
підлога скрипить, а музика спить.
Скрипки — в домовинах футлярів.

Смички, як ткачі, тихо музику тчуть,
яку лиш глухий, може, здатен почути —
підшкірно, як гул капілярів.

Як пара коханців чи брат і сестра,
що мають на двох два фантомних крила,
притислися два фортеп'яно...

І скрип затихає, і скрипка мовчить.
Нам тишу не вивчити — тільки повчить...
А ходиш — від музики п'яний.

Дмитрий Бураго

Киев

ИЗ ЦИКЛА «ПОЗДНИЕ ВРЕМЕНА»

ПРИЗНАНИЕ

Человек, напомнивший о тебе,
предлагает выйти в открытый космос,
приближая рюмку к губе,
как свирель. Вскидывая голову, космы
придают значение рукам.
Дирижер выпивает сам.

Из картонных скрипок, бумажных труб
оркестранты выдавливают звук, как сок
из лимона в чай. И горит висок
от нажатой клавиши — выстрел груб.

Безмятежность чаек, стряхнув со скал,
Дирижер заказывает вокал.
От шампанских вин до шампанских вин —
пережиток повести «Ой, ля ля».

Дон Кихот, Мюнхгаузен, Насреддин
открывают космос, как счет с нуля.

Под торжественный аплодисмент
дирижер уловил момент
и шепнул не имя, скорей число,
предлагая множить, затем делить
на остаток, а дробь цедить
барабанам в такт, чтоб тебе назло
оркестранты выпили в твою честь.

Дирижер открывает месь, как антракт,
раскланиваясь ночам,
из которых вырос, как из терпенья,
потому расставление ударений
по плечу лингвистам и палачам.

Дирижер наносит на нотный стан
плечи, талию, ускользание.
Его ноты — только лишь подражание,
даже если вмешивается орган,
расправляя звуки, как полотно.
Дирижер беспомощен все равно.

Человек, какой бы он ни был, — повод,
чтоб, забывшись, проститься снова.

* * *

Я просыпаюсь в чудо-пустоте,
никто не ждет и никому не должен.
Мой город-наваждение тонет дольше,
чем отражение облака в воде.

Я грусть смирю, как ласкою собаку,
она прижмется мордою к коленям,
нам будет все так необыкновенно,
как будто снег смирительной рубахой
покрыл изгибы суматошных улиц.

По площадям, проспектам и бульварам
топочет сумрак с ледяным кинжалом,
маячат тополя на карауле,
скрывая очертания в оврагах.

Царят снега, укачивая звуки.
Вороны, любознательные слуги,
слетаются в бесшумные ватаги,
подстерегая что-то у дороги,
пока хозяйка красную луну
медлительно впрягает в тишину
у неба на невидимом пороге.

Еще немного, и, сорвав покров,
вскричит луна над снеговой завесой,
из-за реки, из-за холмов, из леса
рванутся в город табуны ветров,

пронзая окна, разрывая крыши,
выдавливая, вышибая звук,
сливаясь в оголтелый перестук,
как будто кто-то может это слышать.

Но город не качнется, не ответит,
он недвижим, он бесконечно глух,
и даже перепуганные дети
не потревожат его мертвый слух.

Мой город утопает в безразличье,
хозяйка-ночь, кровавая луна
не потревожат тягостного сна,
лишь воронье предчувствует античность.

* * *

В чернильных заводах бумага хладнокровна.
Ей все равно, какие словеса
здесь проступают, пряча голоса.
Татуировка памяти условна,

как бригантины образ на спине
матросу не поможет в бурю.
Мне часто снится, будто на войне
я был контужен и жую пилюли.

В прифронтовой больнице медсестра
меня переворачивает на бок,
как раненного в голову крота,
как покореженного краба.

Я просыпаюсь и включаю свет —
на той войне так часто погибают,
и до сих пор храню, как пистолет,
трофейной памяти гербарий.

Растет ребенок, что я расскажу?
Какую притчу выдумать о прошлом,
оно во мне работает, как поршень,
я сам в себе, как висельник, вишу.

Во мне документальное кино,
как черновик бумажного восстания...
Я словеса готовлю для закланья.
Во время оно — прочее равно.

Талина Вдовиченко

Львів

НЕ БІГАЙ ЗА БІЛКАМИ

Не минуло й п'ятнадцяти років, як моя люба тітонька дала мені нову пораду. Другу за усе життя. Це мене неабияк здивувало, бо тітка Люба поради не дає. Принципово. Незважаючи на свій похилий вік та багатий життєвий досвід, за що й люблю.

Коли мені було років сім, а їй відповідно вже близько сорока, ми гуляли у парку. Тремтячи від піднесеного нетерпіння, я намагалася нагодувати горішками рудих пухнастих білок — вони наближались дрібними квапливими перебіжками, напорошували вушка, поблискували очками-гудзиками, але від найменшого мого поруху назустріч кидалися геть, видряпувались стовбурами вгору, губилися у верховітті каштанів.

«Не бігай за білками», — зронила тітка. І я, на диво, послухалась — припинила гасати, присіла навпочіпки у розсипи покрученого, опалого листя. І навіть намагалася не шарудіти. Цок-цок-цок горішком до горішка — вистукувала ледь чутне запрошення на обід вертким пострибункам. Вони вигулькували зі своїх сховків, обережно наближались до нерухомої дитячої фігурки, дуже близько, на відстань доторку, блискавично вихоплювали гостину з долоні та влаштовувались неподалік розгризати смаколики. Мені на втіху.

«Не бігай за білками» — це була слухна порада. Я її не раз згадувала у багатьох випадках, коли зайва метушня

та надмірна активність могли лише зашкодити.

І ось — нова порада від моєї тітоньки. Не минуло й півтора десятки років. «Спостерігай за людьми». За якими людьми? — не второпала я. — За будь-якими, чоловіками, жінками, дітьми, головне — аби з цікавістю, каже тітка Люба. Коли тобі погано і голова пухне від тяжких думок, спостерігай за людьми. Це краще, чим страждати за своїм Максимом.

Тут вона у десятку влучила, бо не було такої хвилини за останні дні, щоб я про нього не думала. Мало під колеса машини не втрапила, не зауважила, що на червоне світло йду пішохідним переходом.

Від таких чоловіків варто йти, і нехайно, — у голосі тітки жодного притиску, сама лиш спокійна констатація факту. — Відпусти його зі своїх думок, чуєш, дай йому піти. — Ага, кажу, завтра! — Правильно, погоджується тітка, завтра, а сьогодні спостерігай за людьми. На вулиці, на зупинці, у транспорті, будь де. Розглядай їх. Ні про що не думай, просто пороздивляйся як слід. Яке у них взуття, як вони ходять, як дістають з кишень цигарки, як розмовляють по телефону...

Добре, що вона більше не розповіджувалась про Максима, про те, що він мене не вартує, що він вчинив підло і не заслуговує на те, щоб я за ним по-

ПАЛИСАДНИК

бивалася, і що у мене буде ще не один хлопець, і таке інше, і таке інше, і таке інше. Наче я сама не розумію, що його треба чимшвидше забути, усе я розумію. Я зробити із собою нічого не можу. Непідвладні мені мої думки і відчуття.

— Не думай про своє, вивчай людей, хоча б один день, — наполягає тітка.

— І що це дасть?

Тітка лагідно зупиняє торгівлю:

— Годі паякати, зроби, як прошу.

...От їду я тепер маршруткою і прислухаюся до музики — поруч хлопець, це у його навушниках лунають скрипки... Класика, хоч як дивно. Скошую очі. У хлопця татуювання на лівій руці, від ліктя до тильного боку долоні, я роздивляюся на цю картинку, це якась графічна абстракція, так і хочеться, аби він повернув руку, щоб було краще видно.

— Виходите? — від неочікуваного запитання здригаюся та привстаю, даючи йому можливість вийти. Посунулася до вікна, звільнила місце для зосередженого дядька з пакетом у руці. Від його синтетичної футболки тхне різким потом. Ще й перегаром відгонить. Стиснуті губи посмикуються, руки жмакають рипливий целофан торби, він наче веде нечутний діалог, доводить щось комусь, може, й самому собі.

Тепер вже я прошу випустити мене: дозвольте... Тримаючись ближче до виходу, обводжу салон довгим, уважним поглядом. Третина пасажирів розмовляє по мобільках, хто майже нечутно, хто голосно. Дві жінки завзято обговорюють між собою якісь дурниці. Зміст розмови вхопити неможливо. Решта занурилась у свої думки, не помічаючи нічого й нікого навколо. І чомусь усі сумні й заклопотані. Ось цього з книжкою розглядатиму. Стоїть, захопивши поруччя у згин ліктя, втупивши погляд у книжку. Підручник? Примружилась, витягла шию... Це проза. Роман чи оповідання. Коли я востаннє бачила хлопця у маршрутці з розгорнутою книжкою? Мабуть, ніколи. Картата сорочка, заковчені рукави, потерті джинси, старі кросівки. Зсунуті брови. Що він так зосереджено

читає? Зробила кілька кроків до нього, він перегорнув сторінку, запхав руку до кишень сорочки — там без звуку вібрував телефон. «Я, — озвався стиха, помовчав, слухаючи; тоді: — У шафі. Або, чекай, здається, під столом. Давай!»

Я встигла пробігти очима абзац. Щось про море. Хлопець сховав мобільку, перегорнув назад сторінку, нагадавши собі попереднє речення, і повернувся до наступної. Моєї цікавості не помічає. Я уявила, з ким він щойно розмовляв. Можливо, з мамою. Або з сусідом по кімнаті у гуртожитку. Про що була мова?.. Та що завгодно могло бути у шафі чи під столом, наприклад, кіт. Хлопець гмикнув, усміхнувшись чомусь прочитаному, хитнув головою: ти ба... Наче почув мої думки. Я теж, мабуть, кумедно часом збоку виглядаю, коли ось так занурююся у свої спогади про Максима, коли починаю шукати йому виправдовування... Має рацію моя тітка — свої думки з маршрутки я можу пригадати, а хто був поруч, які люди, як виглядали — ні. Ось так і мене, мабуть, не помічають. Хоча ні, ось один цікавий погляд з глибини салону перетинається з моїм. Цей чоловік на мене, мабуть, не першу хвилину дивиться. Усміхається. Взагалі небачена реакція як для маршрутки. Я йому теж від несподіванки усміхаюся.

Вже на вулиці, на зупинці, вихопила поглядом дідуся, «сфотографувала» його худорляву постать, сапку у руці, загорнуту у газету, перемотану мотузкою, мабуть, на дачу зібрався. Мене обганяє якийсь високий дивак у закоротких джинсах, кадик випирає, хода пірнає, старанно прилизане волоссячко прилипло до чола. Кумедний переросток. Шкарпеточки, між іншим, білі, білі до чорних мештів. Мабуть, він не має дівчини і ніколи не мав. Хіба можна такого покохати?

— Я перепрошую...

Озираюся: це той, з маршрутки, що спостерігав за мною. Зблизька молодший, ніж здалеку.

— Перепрошую, у вас такий погляд... живий, людський...

Я засміялася.

— А міг бути нелюдський?
— Подумав — шкодуватиму, якщо не підйду, — у нього гарна усмішка.

Він підшукував якісь слова. Мені захотілося йому допомогти. І я сказала, що виконую одне психологічне завдання, спостерігаю за людьми (нюанси я пропустила). Така гра, мовляв. На спостережливість. І він підхопив: так-так, я помітив, так мало хто на інших дивиться. Довів мене до самої роботи. Коли просив номер телефону, трошки загикувався, та я сказала: не варто. Він погодився, кивнувши, сказав: шкода. І ще раз повторив: шкода.

І я пішла собі, а настрої у мене, відверто кажучи, помітно покращився. І в повітрі пахло осіннім листям і хризантемами.

Ввечері, дорогою додому, я знову грала у «спостереження». На зупинці сімейна пара, обидва грубасики, з пакетами їжі у кожній руці, весело перемовлялися, мабуть, планували, що готуватимуть собі на вечерю. А може, готувалися до якогось родинного свята. Повна гармонія. Хлопець і дівчина цілувалися біля кіоску, незважаючи на людей. Отакої! Ранковий знайомий. Білі шкарпетки до чорних мештів. Ось тобі і маєш. Дівчина домінувала, хлопець слухняно відповідав їй тим, чого вона від нього чекала. Не такий він вже й недоладний, якщо придивитися... Водій у маршрутці мав гарні руки музиканта, зовсім не шоферські у водія були руки, білі, пещені, з тонкими пальцями... Він мав нещодавно якусь іншу роботу.

— Завдання виконано, — сказала я тітці. — Можу описати багатьох, кого зустріла на шляху. Нічого особливого, відверто кажучи. Для чого це все?

— Ти мала відчутти задоволення від спостереження за людьми. Тільки й усього. Відволіктися від себе та своїх думок. Просто зауважити, як багато людей навколо. Які вони цікаві. Я теж на знак солідарності сьогодні грала у спостережливість...

— І що?

— І нічого, — зніяковіла вона.

Вона чогось недоговорювала.

Через місяць ми, нарешті, побачили бойфренда тітки Люби. Вона з ним у трамваї познайомилася, каже, видався їй кумедним. Симпатичний такий дядько, вдівець, на шарпея схожий, шкіра обличчя уся у крупних зморшках. З почуттям гумору усе гаразд. Вони, коли разом, поводяться наче підлітки, і здається, кремпуються одне одного, аж смішно дивитися. У їхньому-то віці.

А мені так і не вдалося видерти з серця Максима. Наразі не вдалося. Так, щоб із корінням і назавжди. Але я вже не роблю спроб йому зателефонувати, а це вже неабияке досягнення. Хоча ще трошки, десь у глибині душі, чекаю дзвінка від нього. Второпала нарешті, що якщо чоловік захоче — він зателефонує хоч із Місяця, а як не захоче, то завжди знайде відмовку.

— Слушна була порада — помічати людей навколо, — сказала я тітці Любі.

— Це була швидше пропозиція. Я порад не даю.

— А хто мені колись сказав: не бігай за білками? — нагадала я тітці.

— Коли я таке казала?

— Давно. У парку.

— Не пам'ятаю, — сказала вона.

Не пам'ятає вона... А я завдяки їй вже майже навчилася не метушитися даремно, вже майже не беруся розв'язувати те, що не надається розв'язанню. Вже майже погодилася, що надмірна активність у багатьох випадках лише шкодить, і не варто випереджати природний хід подій. Вони самі визріють і складуться. Часом достатньо лише слабенького, схожого на азбуку Морзе, сигналу — хай навіть схожого на постукування горішків. Або уважного погляду на людину, що випадково опинилась поруч. Навіть якщо вона на перший погляд видалася кумедною.

Анатолій Власюк

Борислав

СЕКС У БУДИНКУ БІЛЯ КОЛІЇ

Вероніці САВЧЕНКО

1

Те, що я зробив помилку, придбавши цей будинок, зрозумів у першу ж ніч.

Мені давно хотілося мати свій будинок. А тут я несподівано на свій книжці заробив гроші. Наступного дня мене чомусь занесло на іншу вулицю, на якій я, здається, до цього ніколи не бував. Ще здалеку я побачив на паркані надруковане великими літерами, що цей будинок продається.

Мене тут влаштовувало все: і скромні кімнатки, і невеличкий сад, і колія неподалік. З господарем, який після смерті дружини перебивався до доньки у Львів, сторгувалися майже відразу.

Через тиждень я переїхав, забравши майже всі свої речі, а головне, два чемодани з рукописами, які міг закінчити лише в наступному житті.

Колія дала про себе чути в першу ж ніч. Тільки-но я засинав, йшов товарняк, і весь будинок здригався. Вдень я цього не помічав. Знесилений, засинав лише під ранок, аж поки не зрозумів, що це — доля...

2

Хтось любив читати книжки, хтось не міг жити без полювання, а в мене навіть не хобі, а сенсом життя став секс.

Це все почалося в четвертому класі, коли я пробудилася від того, що тато й

мама колишалися в ліжку, яке немілосердно скрипіло. Я боялася собі навіть зізнатися, що вже не сплю. Звісно, я тоді мало що тямала, аж поки мене у восьмому класі не звабив двоюрідний брат.

Але все по-справжньому почалося тоді, коли я вийшла заміж у дев'ятнадцять років. Я зрадила своєму чоловікові через тиждень після весілля. Ми з ним багато займалися сексом, і мені це подобалося, але коли в автобусі невідомий ніби ненароком поклав мені руку на коліно, я зрозуміла, що він гарячіший і палкіший за мого чоловіка. А коли траплялися холодніші, я не давала спокою чоловіку, і він думав, що я з кожним днем кохаю його все більше й більше, хоча я просто надолужувала втрачене.

Я розуміла, що рано чи пізно все може скінчитись, і шкодувала саму себе, а тому ніколи не давала можливості розслаблюватися чоловікам, закохуючи їх у себе до нестями.

3

Я добре пам'ятаю цей день, коли вперше побачив її, — 17 квітня. Все було класично: спершу звернув увагу на розкішні груди, потім погляд ковзнув по струнких ногах, а вже потім, з пристойності, затримався на обличчі.

Здається, всю сонливість ніби вітром змело. Не знаю, чи вона помітила мій погляд, чи взагалі помітила мене,

але марево закоханості вже витало наді мною.

Можливо, я вже занадто змучився, чи поїздів у ту ніч було менше й гуркотили вони тихіше, але я спав. І, звісно, снилася мені вона, ота незнайомка, що йшла нашою вулицею й видавалася мені неземним дивом.

Я не пам'ятаю, що конкретно було в тім нічнім сновидінні, але добре запам'ятав запах жінки. Він не був схожий на щось звичайне — типу яблука чи груші, а ніби занесений з космосу.

Снився мені саме цей запах, і коли він наповнював кімнату, в голові зримо виринав образ незнайомки.

4

У мене сьогодні був один із тих невдалих днів, коли я не те що не зустріла чоловіка, вартото моєї уваги, а навіть не відчула тяги до когось з тих, хто проходив повз мене. Я би могла, як і в минулі рази, сказати собі, що старію, що, як у собаки чи, вірніше, суки, в мене збився нюх, але я знала, що завтра буде новий день, і я знову візьму слід, і в моїх обіймах забуде про все на світі нова жертва.

Я не отримала задоволення від чоловіка і, коли він заснув, стала пригадувати, кого взагалі сьогодні зустрічала. Звичайно, коли кількість жінок перевищувала кількість чоловіків, сподіватися на удачу було марно.

Здається, згадала всіх, і тільки обличчя того чоловіка, який визирав з-за паркану, розглядаючи мене впритул, ніби більше на світі жінок не бачив, було оповите туманом.

Звісно, я думала тоді про щось своє сокровенне й не надала цьому чоловікові належної уваги. Чи не вперше самка, мабуть, назавжди втратила самця, який міг її приголомшити чимось незвіданим.

5

Якщо на світі й існує Муза, то це, звісно, та жінка з розкішними грудьми й стрункими ногами. Вона — Муза — надовго поселилася в моєму будинку,

і тепер я знав, чому купив його і чому не повинен спати ночами.

Я не просто писав свій роман, який застряг десь на середині шляху, я тепер творив. Ще звечора я не знав, що буде з моїми героями до ранку і чи взагалі вони удостоятися честі, аби я писав про них, чи видумував когось іншого.

Услід за іншими творцями я би міг сказати, що пишу не сам, що це хтось невидимий водить моєю рукою. Але я знав, що це не так. Ефір переповнював космічний запах неземної жінки. Саме мозок давав наказ руці, й вона виробляла на папері словесні кульбіти.

Зранку я завжди мав якусь роботу, не пов'язану з писанням, після обіду лягав поспати на годинку-другу — і цього мені вистачало, аби писати всеньку ніч і не підбадьорювати себе кавою чи цигарками.

Здавалося, космічний запах неземної жінки поселився в моєму мозку надовго, якщо не навічно.

6

Найперше, що прийшло в голову, коли я прокинулася, — це думка про нього. Такого ще не траплялося в моєму житті, щоби я так тупо думала про чоловіка. Ні, звичайно, я розуміла, що є сексуально стурбованою, але ж секс — це одне, а думати про чоловіка, обличчя якого не бачила, — це з іншої опери.

Я вже уявляла собі, як займаюся з ним сексом у тому будинку біля колії, але прокинувся чоловік. Приймаючи душ, я знову уявила того чоловіка, й еротичні фантазії не на жарт розпалили мене.

Упродовж усього дня я тільки й робила, що думала про нього, ніби на білому світі не існувало інших занять. Найпростіше було би завалитися в той будиночок, адже я приблизно знала, де він знаходиться. За інших обставин я би, мабуть, так і зробила, але щось стримувало мене сьогодні й упродовж наступних днів. Я була сердита сама на себе і вже не шукала нових любовних пригод. Всі мої думки крутилися навколо цього чоловіка.

7

Якби я вам розповів, про що мій роман, ви би, звичайно, розсміялись або й сказали вголос, не соромлячись: «Дурнуватий якийсь!»

Говорити наперед про ще не написаний роман — поганий тон. Якщо я навіть не знаю, чим він закінчиться і чи закінчиться взагалі, то що взяти з читача, якому я повідомлю про це?

Взагалі, як на мене, письменник повинен писати для себе, а не для людей. Як тільки він орієнтується на певну групу читачів, то саме вони можуть забезпечити йому успіх, придбавши ту чи іншу книгу улюбленого автора. Але це успіх дрібний, тактичний, який тішить власне самолюбство. Якщо вас вдовольняє ще й власний автор на своїй книжці, подарованій читачу, — то сьоме небо знаходиться явно не там.

Мій роман, я відчував, мав бути зовсім іншим. І чим більше я занурювався в себе і писав про це, пізнаючи, без перебільшення, тайни своєї душі, тим більш панорамним і глибинним видавався мені мій твір.

8

Коли я зрозуміла, що завагітніла, то готова була себе вбити. Ні, звичайно, я висловлююсь фігурально, але тоді переважала злість. Мої плани відвідати той будиночок біля колії летіли шкереберть.

Чоловік тут був ні до чого і все пояснив моєю вагітністю. А я й справді потрохи ставала мегерою і дивувалась, як він ще мене терпить. Втім розум і серце підказували мені, що все внутрішнє і зовнішнє слід сконцентрувати на дитині.

А потім у голову мені прийшла фантастична думка, що ця дитина — від того чоловіка, обличчя якого я не бачила. Я розуміла, що, звісно, цього не могло бути, бо ми не займалися з ним коханням.

Я упіймала себе на думці, що чи не вперше кажу про зайняття коханням,

а не сексом, і зрозуміла, що, мабуть, хотіла би мати дитину від того чоловіка, який живе в будинку біля колії. Звісно, це було нездійсненним, але мрія, як і маячня, вмирає останньою. Тепер мрія і маячня стали посестрами.

9

Коли я не думав про той космічний запах неземної жінки з розкішними грудьми і стрункими ногами, він мирно жив у моєму мозку, рухав моєю рукою, що виводила словесні кульбіти на білому папері. Але коли я згадував про нього, усвідомлюючи, що рано чи пізно він може вивітриться, той справді почав випаровуватись у моїй уяві.

У житті ми не помічаємо звичних і звичайних речей: що дихаємо повітрям, кліпаємо повіками... Лише коли задумуємося над цим, розуміємо, що все відбувається саме так. Єдине, чого я боявся, що цей запах перестане переслідувати мене, а тоді згасне мій творчий запал.

Інтуїція підказувала мені, що в житті незнайомки відбуваються зміни, які не підуть мені на користь. І чим більше я думав про свій роман, тим глибше грузнув у словах і реченнях, які вже не лилися так вільно, як раніше. Як тільки я думав про кохання до цієї жінки, все поверталось. Але кохання не буває штучним, і все так довго тривати не може.

10

Мої думки про чоловіка з будинку біля колії були чистими і безхмарними. Дитятко в моєму лоні існувало саме по собі, а той чоловік — ніби в паралельному світі. Я би вже нізачо не зруйнувала ідилію і ніколи би не пішла до того будинку біля колії. А тим більше ніколи би не займалася там сексом.

Я навіть ніколи не задумувалася, чи займається мій чоловік сексом з іншими жінками, хоча тепер підстав для цього було більше, ніж треба. Для мене мій чоловік перестав існувати після того, як я відчула в своєму лоні дитятко. Ви-

ходить, що він зробив свою справу і міг бути вільним.

Цей чоловік з будинку біля колії вже не займав стільки місця в розмаїтті моїх думок. Я просто знала, що він існує, що він, можливо, плід моєї фантазії й еротичних захтянок, але цього мені було досить. Він був моїм, навіть якщо про це не здогадувався. Ми це знали з моїм дитятком, і нам не потрібно було слів, бо істина завжди безсловесна.

11

Все, що колись починається, так само рано чи пізно закінчується.

Моє натхнення вичерпалося, ніби його ніколи зовсім не було. Звісно, можна було сказати, що далася взнаки виснаженість, адже я спав усього декілька годин на добу, а вночі працював, немов скажений. Але ж я знав, що Муза просто покинула мене. Мабуть, у цьому житті в неї були більш важливі завдання, ніж нянчити мене.

Я вже звик до нічних потрясінь будинку. І хоча сон по ночах важко повертався до мене, я міг, думаючи про щось своє, навіть не почути, що по колії гуркоче поїзд.

У написанні роману я просунувся далеко вперед, подолав не одну вершину, але до завершення все ж було ще дуже далеко. Можливо, мені би вистачило ще одного подібного періоду творчого натхнення, але я вже сумнівався, що він узагалі може настати.

Неземна жінка з космічним запахом, розкішними грудьми і стрункими ногами, здавалося, назавжди покинула мене, і наряд чи вдасться колись її розшукати.

12

Новина про те, що найкраща моя подруга стала коханкою мого чоловіка, здається, зовсім не вразила мене, ніби я все життя готувалася до цієї події й проблема полягала лише в тому, коли це настане.

Мені стало лише трішки боляче, бо я жила у зовсім іншому світі — паралельному чи віртуальному, назвіть його як хочете. Я чекала дитинку, в мене був чоловік моєї мрії, він жив у будинку біля колії, — а все решта видавалося дріб'язковим.

Вчинок подруги і чоловіка підштовхнув мене до думки, що все-таки слід відвідати отой будинок біля колії. Я знала, що обов'язково знайду його, зможу відрізнити від багатьох інших. Чомусь головним для мене було відвідати саме цей будинок біля колії, хоча я добре розуміла, що кінцевою метою є зустріч з чоловіком, який у тому будинку живе.

Пішли дощі, і я на декілька днів змуснена була відкласти свій план. Коли вони закінчилися, моя сміливість і впевненість у власних силах випарувались. Мабуть, це був знак долі, і я вирішила віддати їй у руки найдорогоцінніше, що в мене було.

13

Коли закінчилися дощі, приїхав старий, який продав мені цей будинок біля колії.

Ми розпили пляшку, і він нарікав на долю. Старий жалкував тепер, що продав будинок, в якому прожив понад тридцять років, але повернути назад уже нічого не можна було.

З'ясувалося, що жити із зятем — це мука. Коли зять з донькою приїжджав до них у гості, все було ніби добре. Після смерті матері донька вже приїжджала сама. Вдома зять виявився звичайнісіньким тираном, донька його боялась, все повинно було крутитися навколо нього. Внуки ходили з опущеними головами, й старому було особливо боляче спостерігати це.

Коли він поїхав, я знову подумав про ту неземну жінку з космічним запахом, розкішними грудьми і стрункими ногами. Треба було позбутися цього видіння, бо воно могло загнати мене в труну.

Випита горілка все-таки змусила мене трохи заснути. Були різні сновидіння, але я запам'ятав лише одне: що займаюся сексом із незнайомкою.

14

Чоловіка майже ніколи не було вдома, і я нудьгувала. Я вже була в декретній відпустці, тож могла собі дозволити гуляти, скільки душа бажає.

Я спеціально не обирала маршрутів своїх прогулянок. Якщо спочатку мене тягнуло в людні місця і я підсвідомо шукала в натовпі обличчя того чоловіка з будинку біля колії, то доволі швидко зрозуміла марність цієї затії. І справді, що я шукаю, коли не знаю обличчя того чоловіка з будинку біля колії?

Мені все більше хотілося побути одній, але не в чотирьох стінах. Я ходила малолюдними вулицями нашого містечка, на яких, здається, ще жодного разу не була, хоча живу тут усе життя, вивчала будинки й паркани. Помітила, що майже всюди висять таблички з надписами «Обережно: злий пес!». Якесь суцільне місто злих псів! Мені хотілося домалювати губною помадою: «Обережно: злий господар!», і я ледве стрималася від цієї затії.

Я вперто не йшла на ту вуличку, де стояв будинок біля колії. Намагалася згадати, а що ж мене тоді привело туди, — і не могла. Ніби все було в тумані й відбувалося не зі мною...

15

Це був тиждень візитів. Услід за старим, колишнім господарем будинку, в якому я тепер жив, навідався син.

Я не бачив його десь півроку, він їздив на заробітки до Польщі. Ми обійнялись, і я грішним ділом подумав, що син нові потрібні гроші. Але він був щирим у стосунках зі мною. Я ще довго потім згадував цей неприємний для мене момент, коли син запитав: «Тату, може тобі потрібні гроші?»

Я розлучився з дружиною років десять тому. «Як мама?» — запитав у сина. Він сумно глянув на мене і відповів: «Хворіє». Я розумів, що це німий докір на мою адресу, бо у хворобі матері син завжди звинувачував мене. «Навіщо ви розлучилися?» — часто запитував він у

мене. І що я міг йому відповісти? Його юнацька агресія вже давно випарувалася, але біль залишився. Він по-своєму любив нас двох.

Син хотів залишитися в мене на декілька днів, але після першої ж ночі не витримав. «Як ти можеш спати у цій божевільні?» — запитав він. Я хотів відповісти по-філософськи, що людина може витримати більше, ніж божевільно, але змовчав.

16

Під час однієї з таких прогулянок я познайомилася з приємним молодим чоловіком. Він зачудовано дивився на мене, ніби ніколи не бачив вагітних жінок. Я не витримала й прямо у нього запитала: «Ви що, ніколи не бачили вагітних жінок?» Він явно розгубився від мого запитання, а потім мило усміхнувся й щиро відповів: «Ви особлива вагітна жінка». Тепер мені стало весело, і я щиро розсміялась, як не робила цього давно.

Коли через декілька днів ми знову з ним випадково зустрілися, то вже поведились, немов старі знайомі, навіть друзі. Здавалося, що ми знали одне одного все життя, просто так склалися обставини, що нам рідко доводилося бачитись.

Чоловік з будинку біля колії нікуди від мене не втікав, просто йому довелося трошки посунутись. Я нічого дивного й поганого у цьому не вбачала, бо місця вистачало всім і навіть залишалося. Вони не кусалися, мирно співіснували в моїй уяві, і мені було комфортно з ними.

17

Усе частіше прихоплювало серце. Я став боятися ночей. Спасіння приходило від чергового поїзда, який навалювався на рейки, аж будинок здригався. Біль ніби вщухав, а потім поволі нароставав аж до наступного поїзда, щоби знову стихнути.

Якщо раніше мій роман просувався черепащачими темпами, то тепер уза-

галі загальмував. Мені здавалося, що кожний втрачений день, коли я не писав, відкидав мене далеко назад, так що не можна було повернутися навіть на завойовані позиції.

У ці дні й особливо ночі я багато думав про дружину. Мені здавалося, що вона кликала мене, і, можливо, так було насправді, тільки моя уявна гордість не дозволяла мені зробити крок назустріч. Внутрішній голос підказував, що треба відвідати дружину, але тіло ніби скам'яніло.

Неземна жінка з космічним запахом, розкішними грудьми і стрункими ногами ніколи не покидала мене, але тепер ніби плила в ранковому молочному тумані, а я ніяк не міг подолати шлях до неї.

18

Подруга ще щось хотіла говорити зі мною по телефону, але з мого тону зрозуміла, що якщо я і не знаю, то принаймні здогадуюсь про її стосунки з моїм чоловіком. А благовірний уже й не приховував, що не любить мене і що майбутнє дитятко йому зовсім не потрібне.

Я не дуже розчаровувалась у цьому, бо свого часу не зачаровувалась своїм чоловіком. Якби все було по-іншому, то, мабуть, моє життя перетворилось би на пекло.

Еротичні фантазії розпалювали мене, й уже стало звичним, що я уявно займалася сексом з двома чоловіками — з тим, який жив у будинку біля колії, і з тим молоденьким, який щиро здивувався моїй особливій вагітності.

Дійства, які приносили мені велику насолоду, могли тривати годинами, тим більше, що чоловіка не було вдома. Починалися вони зазвичай у ліжку, продовжувалися під душем, а потім я ходила по кімнатах і не помічала, що еротичні фантазії й тут переслідують мене.

19

Син зателефонував зранку і, мені здалося, сказав спокійно і байдуже: «Мама померла».

У саду на землю гепнуло яблуко, нагадавши про існування закону земного тяжіння.

В труні лежала чужа мені людина. Мені здалося, що дружина навіть помолодшала з того часу, як ми не бачились. Я не міг нічого з собою вдіяти, але навіть почуття жалю не народилося десь усередині.

Мені хотілося, щоби зараз хтось мене покарав, адже я заслуговував на це. Проте я чомусь подумав, що це мав би бути будь-хто, тільки не Бог. Покарання від Бога мало бути особливим. Якщо й не зрозумілим, то таким, що стосувалося би, власне, мене й було саме карою за гріхи.

Я наривався поглядом на сина, провокуючи його, але він уперто вдавав, що не бачить мене, взагалі не помічає на цьому світі. І це було ще гірше, ніж він би прямо сказав мені, що це я винен у смерті його матері.

20

Мені було шкода цього хлопчину, і я жаліла його, як матір. Він ніжно входив у мене, щораз ніби вперше відправляючись у незвідану путь.

Мій животик ріс уже, здавалося, не по днях, а по годинах. Мій хлопець притулявся вухом і слухав, намагаючись почути, що там коїться всередині. Він щось розповідав, фантазував, а я його не слухала, куйовдила йому волосся. Мені здавалося, що я вже в раю, бо так добре мені ще в житті ніколи не було.

Чоловік з будинку біля колії став ніби позаду мене, аби не заважати мені жити так, як я хотіла. Я йому була за це дуже вдячна. Звісно, це був фантастичний віртуальний світ, але мені здавалося, що і в реальному житті все було би так само.

Коли в мого хлопця померла мама, я сприйняла все, ніби це наша спільна біда. Здавалося, його покійну маму я любила навіть більше, ніж свою — живу.

21

Коли син сказав, що в нього народилася донечка, я навіть не здивувався. Я би, мабуть, здивувався, якби він сказав, що я маю внучку. І справді, як можна дідові мати внучку, якщо син не одружувався? А так з донькою сина все нормально, навіть якщо він не одружений. Ми якось спокійніше сприймаємо те, що не стосується нас безпосередньо.

Я вже добре вивчив сина і знав, що коли його про щось розпитувати, він ні за що не розкаже, а коли змовчати, то дізнаєшся стільки подробиць, скільки й не хотів. Так і сталося. За декілька днів син мені розповів, що зустрічається з жінкою, в якій народилася донечка, але не від нього. Ця жінка заміжня, але, мабуть, розлучатиметься. Вони ще про це не говорили, але він має намір удочерити дівчинку. Вони хочуть назвати її іменем покійної мами.

Я давно вже не думав про неземну жінку з космічним запахом, розкішними грудьми і стрункими ногами, а тут згадав про неї. Мені захотілося з нею зустрітись.

22

Коли мій хлопець сказав, що хоче познайомити мене зі своїм татом, я не пручалася. Звісно, мені було трошки соромно, бо відчувала за собою вину. Я розуміла, що відрізняюсь від свого уже колишнього чоловіка, бо для нього секс був спортом, а для мене це виявилось коханням. А вина полягала в тому, що я зробила рішучий крок і настояла на розлученні. Чоловік, уже колишній, особливо не заперечував.

Мій теперішній чоловік, хоча ми й не одружилися, сказав, аби я залишила колишньому все, навіть відмовилася від аліментів, тим більше що сподівання на них були марні, бо той ніде не працював і не було такого дня, аби не пив. Я справді хотіла з нуля розпочати нове життя, а тому для мене не стало особливою проблемою позбутися спільно нажитого майна.

Коли мій коханий сказав, що хоче познайомити мене зі своїм татом, відразу в моїй легковажній голівці виникла фантастична думка, що його тато — це і є той чоловік з будинку біля колії. Я всміхнулася, бо розуміла, що цього просто не може бути, а мій благовірний, звісно, розтлумачив це по-своєму.

23

Коли син зателефонував і сказав, що завтра приїде з коханою і донечкою, я запанікував. Це була незвична паніка, якась внутрішня, природу якої я не міг зрозуміти.

Здавалось, я вже довгий час готувався до їхнього приїзду, знав, чим маю їх пригостити, а напередодні зробив генеральне прибирання у будинку, ніби відчував, що незабаром вони приїдуть.

А внутрішня паніка стосувалася, звісно, обраниці мого сина. Перша думка була фантастичною. Мені здалося, що його кохана і є тією незнайомкою, неземною жінкою з космічним запахом, розкішними грудьми і стрункими ногами. Мені самому стало смішно від свого припущення, але приступ легкої паніки не спадав.

Я спробував сісти за стіл й щось писати, але це виявилось неможливим. Уночі я також не міг заснути. Згадалося моє перше кохання і тодішній стан душі. Все було дуже схожим на сьогодні.

Уже на світанку я відчув космічний запах неземної жінки, побачив ніби наяву її розкішні груди і стрункі ноги. Я був упевнений, що вона поруч — сидить на ліжку, але коли розплющив очі, нікого не було.

24

Це був той будинок біля колії. Я одразу впізнала його. Ні, не так. Я інтуїтивно відчула, що це був саме той будинок біля колії, який я стільки разів поривалася знайти, але завжди обставини брали гору.

Тепер я розуміла, що від долі не втечеш. Моє серце затріпотіло, мов у пта-

шини, яку загнали в клітку. Потім мені здалося, що воно взагалі зупинилося.

Мій хлопець, якого я би мала називати моїм чоловіком, але ще не могла цього зробити, помітив, в якому стані я знаходжусь. Він подумав, що мені погано. Я намагалася вдавати, що зі мною нічого не відбувається, але це в мене виходило досить погано. Я то червоніла, то блідла і ніяк не могла взяти себе в руки.

Але все минуло в одну мить, коли на порозі з'явився той, про кого я мріяла в своїх еротичних фантазіях. Дивний спокій огорнув мої тіло й душу. Це не була байдужість, а якийсь інший стан, визначення якому я не могла дати.

25

Я відразу зрозумів, що це вона — неземна жінка з космічним запахом, розкішними грудьми і стрункими ногами. Ні, тепер вона була іншою, цілком земною, але з тисяч обличчя я би впізнав саме її.

Вона підстриглась, пофарбувала волосся, космічний запах був замінений густим ароматом парфумів, на груди я не смів дивитись, а стрункість ніг сховали брюки. Я розумів, що це жінка моєї мрії, яку я тоді бачив, але приземлення з небес було таким різким, що із подвоєною енергією закалатало моє серце.

Я би не сказав, що це було розчарування, адже розумів, що стан закоханості здатний із простої жінки зробити богиню. Тепер мені належало подолати зворотний шлях — від богині до простої жінки, яка нічим не відрізняється від тисяч інших. Я розумів, наразі на інтуїтивному рівні, що це може бути болючий шлях, саме шлях розчарувань, і ще не був готовий, аби розпочати його.

До тям мене привів син. Він щось говорив, але його слів я не чув, знайомив зі своєю дівчиною чи дружиною, я не розібрав, казав, що це його донечка, тобто моя внучка.

26

Цей чоловік, який жив у будинку біля колії, викликав у мене збентежен-

ня. Він був звичайним, і за інших обставин я би не звернула на нього жодної уваги. Це не був мій тип чоловіка, на якого я би могла кинути оком. До того ж він був старий. Звісно, не дряхлий дідок, але принаймні вдвічі старший за мене. З такими мені ще жодного разу не доводилося кохатись.

Якщо сказати, що я була розчарована, — значить нічого не сказати. В одну мить я збайдужіла до нього, і моя байдужість — я відчувала це — автоматично переходила на мого хлопця, якого я ніяк не наважувалася назвати своїм чоловіком, бо він формально ним ще не був.

Я намагалася тримати себе в руках, але відчувала, як усередині мене зароджується злість. Це ж треба бути такою дурепою, щоби покохати того, хто не вартував твоєї уваги. Це, мабуть, було якесь неземне кохання, бо в житті годі було таке уявити. Найбільше я боялася, щоби про це не дізналася моя колишня подруга, яка стала коханкою мого чоловіка.

27

Найбільше мене дивувало те, як ця жінка і мій син не помічають очевидних речей. Мені стало зле, коли я побачив дівчинку, яка за іронією долі мала стати моєю внучкою. Вона до болю була подібна на мене. Здається, я густо почервонів, ніби здійснив бозна-який гріх і був батьком цієї дівчинки-внучки.

Звісно, цього не могло бути, бо цього й не було, адже я не мав жодних зв'язків з цією жінкою, не те що інтимних. Це був злий жарт природи, аби донька жінки, яка ще донедавна була моїм ідеалом, стала моєю копією. Я тільки дивувався, чому саме зі мною вирішили провести цей жорстокий експеримент. Поки я думав про це, син несподівано сказав:

— О, тату, дивись, ти справжній дідусь. Наша донька, мов дві краплі води, схожа на тебе.

Сказано це було жартома, але я помітив, що жінці не сподобалось, як мій син назвав її доньку своєю. Можливо,

мені це лише здалось, але неприємний осад залишився.

28

Звичайно, це мені не подобалось. За інших обставин я повз вуха пропустила оте «наша донечка» з вуст мого хлопця, якого так ще й не наважилася назвати своїм чоловіком. Але коли він нині ляпнув, що моя крихітка подібна на цього вайлуватого чоловіка (я його так назвала? справді?), то тут уже було не до жартів. Я ж прекрасно знала, що моя донечка подібна на мого вже тепер колишнього чоловіка, хоча ми з ним ще офіційно не розлучились, але це було лише питанням часу.

Всю ніч, звісно, я не могла заснути від гуркотіння поїздів. Здавалося, що будинок ось-ось завалиться. А ще немилосердно під боком хропів мій хлопець, якому я відмовила у сексуальних домаганнях. На диво, донечка спала міцно.

Я відчувала, що за стінкою не спить цей вайлуватий чоловік. Мені раптом захотілося скинути із себе все і завалитися до нього в ліжко. Але це вже було занадто зухвало, і я ледве стрималася, аби цього не зробити.

29

Звісно, я задрімав лише над ранок. Найперше мене здивувала схожість зі мною чи то моєї внучки, чи то доньки, і навіть не доньки мого сина. Але найбільше мене гнітило інше.

Жінка, яка мала стати моїм останнім коханням, виявилася такою далекою від ідеалу, що мені аж самому ставало страшно. Я гнав подалі всі думки про неї, але з цього, звичайно, нічого не виходило. Чим більше я переконував себе, що це зовсім не ідеал, до якого я прагнув, тим сильнішим був мій потяг до цієї жінки. Здавалось, я вже погоджувався з тим, щоби це була звичайна жінка, а не ідеальна, вимріяна мною в думках, але душа ще чинила супротив, ніби переконуючи мене не зраджувати власним ідеалам.

Я опинився в дурному становищі. З одного боку, жінка моєї мрії була поруч, за стіною, а з іншого — я все більше й більше усвідомлював, що ця жінка є випадковою в моєму житті, а тому аж ніяк не може стати моїм ідеалом.

30

Від самого ранку мене тягнуло якнайшвидше покинути цей будинок біля колії. Він мені осточортів, як і той вайлуватий чоловік, через якого я так дурному втратила голову. Ще ніколи я не почувала себе такою дурепою. Ні, в житті було чимало проколів, коли я припускалася помилок, а потім жалкувала, що зробила той чи інший крок. Але тепер це не був просто прокол. У мене складалося враження, ніби мою душу вивернули назовні, потріпали тріпачкою, прищепили прищепками на мотузці й залишили сушити на сонечку.

Аж тепер я усвідомила, як схожий характером син на батька. Це було те, що я назвала вайлуватістю, хоча насправді не зовсім розуміла значення цього слова. Це ж як треба було не розуміти мене, аби моментально не забратися з цього будинку біля колії, а теревенити з батьком бозна про що, переливаючи з пустого в порожнє. Я ледве загнала всередину свою злість.

31

... Минуло чотири роки...

Я прокинувся від того, що дівчинка сиділа на моїй постелі й уважно дивилася на мене. Саме так. Я відчув її погляд і від цього прокинувся.

— Доброго ранку! — сказала вона серйозно. — Ти завжди так довго спиш?

Я не знав, що їй відповісти, і просто усміхнувся, але посмішки у відповідь не отримав. Моя персона перестала її цікавити, і дівчинка господарським поглядом обвела мою кімнату. Хитрючі іскорки запалали в її очах:

— Ти хочеш сказати, що прочитав усі ці книги?

Книг було справді багато. Вони займали мало не весь простір від підлоги до стелі. Я впіймав себе на тому, що комусь би іншому збрехав, що прочитав усі ці книги, і навіть не один раз, але не міг цього зробити стосовно цієї дівчинки, дивним чином схожої на мене.

— Всіх не прочитав, але більшість таки прочитав, — чесно відповів я.

— Ого! — захоплено сказала мала. — Мені би не вистачило декілька життів, щоби їх прочитати.

Вона з повагою подивилася на мене, ніби я здійснив не знати який геройський вчинок. Тепер дівчинка сама перша усміхнулася до мене, і я відповів на її посмішку.

32

Я намагалася не потрапляти на очі цьому вайлуватому чоловікові, в якого так дурнувато закохалась. Звичайно, він не був винен у тому, що таке зі мною трапилось, але вже не могла приховати свою дратівливість, зганяючи злість на чоловікові й донечці.

Мені здалося, що він теж оминає мене, а коли ми все-таки пересікались у будинку, то намагається не дивитися мені в очі. При цьому я не помічала, щоби він був злий на мене. Навпаки, від нього віяло спокоєм, ніби він усе життя чекав, коли син приведе додому ось таку дружину з внучкою. Дочка не вилізала із його кімнати, так що до обіду я вже стала ревнувати її до цього вайлуватого чоловіка. Ні, я вже не називала його вайлуватим чоловіком, я вже взагалі ніяк його не називала.

Я впіймала себе на думці, що просто хочу поговорити з ним про життя, як з батьком чи старшим братом, з якими так і не знайшла спільної мови. Якби він заговорив до мене, я би відповіла, і ми би собі гарно побалакали. Проте він чи то соромився, чи я йому була нецікавою, але він не сказав мені жодного слова, ніби мене не існувало на білому світі.

33

Внучка не давала мені писати роман, але я не сердився на неї за це. Вона видавалася мені найкращою подружкою, з якою ми не бачилися багато років, а тепер ніяк не можемо наговоритися.

Я думав, що коли приїде ця жінка, то я не зможу писати свій роман. Доволі швидко я зрозумів, що помилився. Такого натхнення, як раніше, не було, але я доволі швидко просувався вперед. Писав як удень, так і вночі. Внучка мені не заважала. Здавалося, вона розуміла, що я маю виконувати свою роботу, і тихесенько сиділа на килимі, бавлячись своїми іграшками. Вона дивним чином відчувала, що Муза покидає мене, і тоді підходила до столу, я садив її на коліна, і ми малювали на чистих аркушах паперу дивовижні істоти. Я змагався з нею у фантазіях і, здається, молодів прямо на очах.

Коли маленька вдень спала або гуляла на подвір'ї, я ловив себе на думці, що скучаю за нею. Лише зусиллями волі я стримував себе, щоб не заглянути в сусідню кімнату чи щоб не вийти надвір. Я розумів, що боявся зустрітися з жінкою моєї мрії. І жінка, і мрія були поруч, але виявилися недосяжними.

34

Мій чоловік посварився з начальником і втратив роботу. Тепер він цілими днями лежав на ліжку або тинявся хатою, дратуючи мене все більше й більше.

Одного вечора він сказав:
— Іду на роботу в Польщу.

Я мовчала, бо не знала, що відповісти. З одного боку, гроші танули на очах і не хотілося бути залежним від дідуся. Так я вслід за своєю донькою стала називати батька мого чоловіка. А з іншого боку, дійсно хотілося, щоби чоловік цілодобово не був зі мною. За всім цим я якось не подумала, як почуватиму себе, коли чоловіка не буде тут. Все-таки я намагалася оминати дідуся, ніби соро-

милась сама себе, а ще більше того, що могла в нього закохатись.

Чомусь мені здалося, що дідусь зрадив новині про поїздку сина до Польщі. Здавалося, він готовий ділити зі мною хліб-сіль, аби син поїхав.

І лише донечка засмутилась. Мені здавалося, що вона нічого не розуміє. Тепер донечка цілими днями не відходила від татуся і щоразу запитувала в нього:

— А ти скоро прийдеш?

35

Я був би нещирим зі собою, якби не зізнався сам собі, що звістка про від'їзд сина мене, м'яко кажучи, не засмутила. Я вже давно відчував, що після мого розлучення з дружиною ми стали з ним чужими людьми. Ця прірва між нами поглибилася, коли дружина померла.

Я ще не думав про те, як буду жити з його дружиною, яка дружиною йому так і не стала, але мене тішило, що залишається внучка. Щодо маленької, в мене сумнівів не було жодних, бо це таки була моя внучка, єдине щастя на білому світі. Здається, ніхто так не розумів її, як я. Здається, ніхто так не розумів мене, як вона. Ми були ніби дві половинки, роз'єднані в часі.

Синові до цього було байдуже, хоча він по-своєму любив свою доньку і справді вважав її своєю. А ось його дружина чи то ревнувала мене до своєї доньки, чи то злилася на мене за мою старість і вайлуватість, але наші стосунки не були ідеальними. Я ж намагався на все це не зважати.

36

Мій хлопець, з яким я так і не одружилась і не назвала своїм чоловіком, поїхав зранку до Польщі на роботу, а десь після дванадцятої години дня, коли я ходила в магазин за хлібом, зустріла свого вже тепер колишнього чоловіка, з яким і не розлучалась.

Мені здавалося, що за цей час я жодного разу не подумала про нього, хоча, мабуть, це було не так, але я точно знаю, що він так і не навідався до нас, аби запитати якщо не про мене, то про свою донечку.

На перший погляд він помолодшав. Це вже потім я дізналась, що він кинув пити, знайшов пристойну роботу. Він якось дивно глянув на мене, ніби бачив уперше у житті.

— Не хочеш повернутися до мене? — запитав він, і я зрозуміла, що це питання в ньому жило вже давно.

Такого болю на фізичному рівні, який ішов від нього, я вже давно не відчувала. Усередині мене ніби щось обірвалось. Я нічого не відповіла своєму чоловікові, навіть не глянула в його бік, хоча відчувала, що він продовжує дивитися на мене.

37

Нарешті настав день, коли я закінчив свій роман і урочисто сповістив про це свою внучку. Вона зраділа, заплескала в долоні, обійняла мене й поцілувала в щоку.

За цим заняттям нас застала її мама. Не знаю, що на неї найшло: чи то ревності взяли гору, чи то був просто не її день, — але вона визвірилась на доньку і на мене. Малій дісталось за те, що вона розкинула свої іграшки по всій хаті, а я був винен у тому, що не поклав її удень спати.

Після прочухана внучка ще довго боялася йти до мене, аби мама не гнівалася, а я з тієї ж причини сидів тихенько у своїй кімнаті. Та все ж, врешті-решт, матуся змилоstellилась чи вдала, що нічого не трапилось, — і мала обережно пішла до мене. Ми ще довго з нею розмовляли, намагаючись не кричати і не веселитись, і весь час озиралися на двері, аж поки мала не сказала:

— Дідусю, я піду, бо мама буде злитись.

Я усміхнувся, кивнув їй головою і поцілував у лобик.

Я знала, що не повинна була цього робити, але вже не могла нічого вдіяти з собою. Тоді я не думала, що зраджую свого хлопця чи його тата, а тому якісь моральні відчуття стали володіти мною значно пізніше.

Мені здавалося, що я давно вже повинна була зробити цей крок, але лише зустріч з чоловіком прискорила прийняття мною цього рішення. Можливо, пізніше я би просто пішла з будинку біля колії, який так і не став рідним для мене. Мабуть, не обов'язково би повернулась до свого чоловіка, а жила би в мами чи ще десь.

Фізична близькість до свого хлопця мене вже не цікавила. Старий узагалі не викликав у мене жодних емоцій, і я навіть сама собі вже не зізнавалась, що колись закохалась у нього. Все-таки якщо хочеш, аби твоя мрія жила, не можна близько бути з нею.

А залишатися в будинку біля колії й чекати, поки із Польщі повернеться мій хлопець, який так і не став моїм чоловіком, — я теж не могла.

Інтуїтивно я відчував, що щастя не може тривати вічно. І писав же про це у своїх романах, але здавалося, що це стосується інших, а не мене.

Коли дружина мого сина, яка так і не стала йому дружиною, сказала, що йде геть, я відчув, ніби земля розверзається під моїми ногами.

Неземна жінка з космічним запахом, розкішними грудьми і стрункими ногами давно вже вмерла в моїй уяві. Насамперед вивітрився космічний запах, а тому нічого неземного в цій жінці я вже не бачив.

Мені здавалося, що смерть швидко прийде до мене, коли я не бачитиму внучку. Але мала виявилася філософом.

— Дідусю, не переживай, — сказала вона. — Ти приїжджатимеш до нас, а я до тебе.

Вона довго обіймала мене, бо теж не хотіла розлучатись.

— Щоб ти не скучав, пиши новий роман, — сказала вона.

Я усміхався до неї, а по щоках текли сльози. Я плакав за нею і за втраченим коханням...

Георгій Толубенко

Одесса

КЕПКА С ХАРАКТЕРОМ

Вот так бывает в жизни: мается человек, мечется по малоухоженному пространству судьбы в поисках своей голубой мечты. А ее все нету и нету. Как сырокопченой колбасы на полках в советские времена.

А тут приезжает он как-то в город Ригу и сразу же видит: так вот она где, его мечта! То есть не колбаса, конечно, и не длинноногая латвийская блондинка, как наверняка думает мой проницательный читатель — и ошибается. Потому что голубой мечтой моей жизни в то время была никакая не латвийская блондинка, а, наоборот, финская кепка. Ее-то я и увидел в витрине первого же попавшегося мне на глаза рижского универмага. И она была прекрасна.

Вельветовая кепка-берет с небольшим козырьком и пумпочкой на макушке была водружена на манекен. Кроме нее, на манекене имелся блузон свободного покроя, выполненный из такого же вельвета, а также клетчатый шарфик, артистически повязанный вокруг шеи. То есть все то, что в идеале мне и требовалось. Зачем? Объясняю: человечество со временем, конечно, начинает кое-что соображать. Например, ум и талант, говорят, стали цениться сегодня дороже. Но главные, фундаментальные ценности остаются прежними. Например, куда бы вы ни пришли, встречают вас по-прежнему по одежке. А значит, чело-

век в таком прикиде, который я описал выше, будет сразу же всеми воспринят как личность незаурядная, творческая, — может быть, выдающийся художник, а может, как в случае со мной, без пяти минут всемирно известный писатель. То есть будучи одетым в такие шмотки и имея у себя под мышкой, скажем, картину собственного изготовления, вы можете спокойно прийти на какой-нибудь престижный аукцион, где ваша картина будет сразу же продана за очень большие деньги.

Ну а если у вас при таком фасонистом гарнитуре имеется рукопись собственного романа, то вы можете сразу же направляться в комитет по выдаче Нобелевских премий. Причем непосредственно в кассу. На что мы с женой, честно говоря, очень рассчитывали. Так как, подсчитав все свои возможности, пришли к неутешительному выводу, что от полного финансового краха в данный момент спасти нас может только непредвзятое, а главное, гуманное решение Нобелевского комитета. И тут уже, согласитесь, без писательской кепки мне было никак не обойтись. Конечно, ее, как и блузон и даже шарфик, можно было давно купить в Одессе, где-нибудь на «Седьмом километре», но все это было бы подделкой. А я всегда говорил и продолжаю настаивать на том, что эксперты Шведской академии

за версту отличают писателя, у которого на голове фирменная писательская кепка, от такого, у которого на голове кепка, сшитая на Малой Арнаутской. Потому что должен же быть у этих экспертов хоть какой-нибудь объективный критерий, по которому они определяют, кому в этом году выдавать Нобелевскую премию по литературе, а кому, наоборот, не выдавать. В общем, явись я в этот комитет в кепке, сшитой, скажем, на Малой Арнаутской, мой роман сразу же был бы признан бездарным и графоманским. Хотя, честно говоря, у меня и такого не было. Но нужно же было с чего-нибудь начинать. Я решил начать с кепки.

— Нет... Это не есть возможно, — замахал руками продавец рижского универмага, — кепка продается только с блузоном и шарфиком. Это ансамбль, произведение искусства, как Домский собор.

— Но у меня сейчас нет денег на весь Домский собор, я могу купить только его шпиль, то есть кепку. Вот двадцать долларов.

— Поймите, — упирался продавец, — эта кепка, и блузон, и шарфик у нас имеются в единственном экземпляре. А вдруг кто-нибудь зайдет и захочет купить весь ансамбль, то есть весь Домский собор. С кепкой! Что я буду ему говорить?

В конце концов жене надоело слушать всю эту белиберду, она достала еще десять долларов, и судьба шпиля Домского собора была решена.

Я ехал в гостиницу, прижимая к груди вождеденную кепку, и душа моя ликовала. Перспектива получения Нобелевской премии становилась практически реальной. Правда, был один момент, на который мне стоило обратить более пристальное внимание: уже в момент вручения, я имею в виду пока только кепки, она неожиданно выскользнула из рук продавца, закатилась куда-то под прилавок, и мы ее довольно долго искали. Теперь-то я понимаю, что это было не случайно. Но тогда... Кто бы обратил внимание на такую мелочь?

В гостинице я торжественно уложил кепку на самый центр дивана, и мы с женой стали собираться на вечеринку, которую рижские друзья устраивали в нашу честь. Приняли душ, переоделись. Я подошел к дивану, чтобы надеть свою новую кепку, и обомлел. Кепки не было.

— Не понял, — растерялся я. — Точно помню, что положил ее на диван.

— Ой, что ты можешь помнить с твоим склерозом? Наверное, сунул куда-нибудь и забыл. Иди и ищи.

— Да нет у меня никакого склероза, — буркнул я.

— Но чудес же не бывает. В ванной смотрел?

— А зачем? Я ее туда точно не заносил. И вообще я в ванной не был.

— Да? А душ ты где принимал?

«Точно, — пронеслось у меня в голове. — Ну конечно, склероз... Но, господи, неужели он у меня уже в такой стадии, что я теперь даже принимаю душ, не снимая с головы кепку?!»

Я побежал в ванную. Нет, слава богу, ее там не было.

— Ищи, ищи, — поторапливала меня жена, — мы опаздываем.

Я опять обыскал весь номер. Даже зачем-то вышел на лестничную клетку. Я даже балкон чуть не открыл, хотя вообще-то в нашем номере балкона не было. Это еще счастье, что массивная стеклянная стена современной рижской гостиницы спасла меня от попыток сделать из нее балконную дверь и выйти на улицу непосредственно с двенадцатого этажа. Но кепки не было нигде.

— Да возьми ты, наконец, глаза в руки, — разозлилась жена, — вот она! Видишь?! В коридоре лежит, под радиатором парового отопления. Сам небось ее туда положил и сам же найти не можешь!

И правда! Кепка лежала в самом незаметном углу нашего номера, затаившись под радиатором. Но я же ее туда точно не клал. Зачем? Я что, вообще идиот какой-то? Впрочем, вопрос этот я жене на всякий случай не задал, рискуя нарваться на утвердительный ответ.

И мы поехали в гости.

Должен сказать, что еще в восьмидесятые годы, когда я впервые побывал в Риге, она поразила меня тем, сколько необыкновенно талантливых и при этом совершенно внутренне свободных режиссеров, композиторов и философов помещалось в этом сравнительно небольшом городе. Думаю, что еще где-нибудь в конце сороковых советская власть вполне могла бы обеспечить всем этим гениям существование на значительно более обширных просторах. Например, на Колыме. Но сегодня, когда Латвия стала свободной страной, моим друзьям бояться было совершенно нечего. Какими блестящими творческими планами делились они со мной в этот вечер, какие изумительные идеи высказывали! Казалось бы, слушай, записывай и пользуйся! Но где там! После выслушивания очередного гениального замысла мы все еще долго и с воодушевлением пили за его осуществление. А водка, чтоб вы знали, на всей территории бывшего СССР всегда была и остается главной, хотя и единственной защитницей наших интеллектуальных прав. То есть вы можете даже в самом отпетом кругу самых исписавшихся членов Союза писателей изложить сюжет стопроцентного мирового бестселлера и идти домой спать, будучи абсолютно уверенным, что у вас его никто не украдет, потому что на следующее утро все равно никто ничего не вспомнит.

Постепенно этот прекрасный вечер подошел к концу. Мы дружной компанией высыпали в переднюю, стали прощаться с хозяевами, одеваться. Я подошел к одиноко стоящей в углу старинной вешалке, на которую, придя, повесил свою кепку, и где, это я уже точно помнил, кроме нее, вообще ничего не было. И... Ну, в общем, теперь и кепки на ней не было тоже. Правда, в этот раз я уже был умнее: не стал сразу поднимать панику, а скромно подошел к хозяину и спросил:

— Простите, где у вас в квартире находится радиатор парового отопления?

— Да вон, в углу, — ответил хозяин. — А зачем вам?

— Да так, знаете ли, испытываю некий писательский интерес, — туманно объяснил я.

Ну не мог же я ему прямо сказать, что уже заметил некоторые странные черты в поведении моей новой кепки.

— А вообще-то у нас не один радиатор имеется, — между тем продолжил хозяин, видимо, стараясь сделать мне что-нибудь приятное. — Их у нас в квартире штук четырнадцать или шестнадцать...

— Боюсь, мне придется заглянуть под каждый, — предупредил я хозяина. — Это вас не затруднит?

— Да пожалуйста, — с истинно латвийским хладнокровием и гостеприимством ответил тот. — Заглядывайте куда хотите и сколько хотите, мы вообще-то поздно ложимся...

Примерно через час, излазав всю квартиру, я вернулся в гостиную и объявил хозяевам о пропаже кепки.

— Но такого не может быть, — растерялся хозяин. — Вы же видели, у нас в гостях были профессора университета, режиссеры с мировым именем, они не воруют кепок!

— Да-да, — согласился я, — конечно, профессора... режиссеры с мировым именем не воруют кепок. Хотя, должен сказать, что в нашей стране был даже один президент, который в молодости... Ну, к вашим гостям это, конечно, не относится.

— И вообще, — продолжал хозяин, — мы в этом районе Риги даже спим с незапертой дверью. И еще не было случая, чтобы сюда кто-нибудь вошел без разрешения.

— Угу, угу, — покивал я. — Скажите, а вот не было случая, чтобы отсюда, наоборот, кто-нибудь вышел без разрешения?

— Что именно вы имеете в виду? — насторожился хозяин.

— Все, — одернула меня жена, — быстро поехали домой. А то тебя здесь, по-моему, уже и так принимают за ненормального.

Мы быстренько попрощались и вышли. Конечно же, пока мы спускались

по лестнице, я постоянно оглядывался по сторонам. Кепки не было. И на улице ее не было, и на троллейбусной остановке. И только в последний момент, когда мы уже садились в троллейбус, я увидел ее. Она катилась по ночной вымытой мыльной пеной рижской мостовой и уже намеревалась повернуть в темный переулок. Я схватил ее за козырек буквально в последний момент. «Ну все, — думал я, — держа кепку обеими руками, пока мы добирались в гостиницу. — Больше никаких экспериментов. Теперь ты от меня никуда не денешься».

На следующий день мы улетали в Одессу. Но я начал готовиться к отлету еще с вечера. Кепку я уложил на самое дно чемодана, сверху положил свои вещи, потом вещи жены, потом придавил все это рижскими подарками, потом закрыл плотно набитый чемодан, перетянул его кожаным ремнем, а ключик положил себе под подушку. «Так будет надежнее», — думал я, засыпая под перезвон колоколов Домского собора.

Утром приехал знакомый, чтобы везти нас в аэропорт.

— Вы вещи уложили?! — с порога закричал он. — Давайте, давайте, а то мы уже опаздываем.

— Все уложили. Можем выходить. Я вот только сейчас эти вещи на минутку обратно выложу, потом опять уложу — и вперед.

— Зачем их выкладывать? — со страхом глядя на меня, спросила жена.

— Ну так, знаешь, на всякий случай... Чтобышний раз не волноваться, — жалко пролепетал я.

Быстренько снял с чемодана ремень, открыл замок, достал подарки, потом наши с женой вещи, потом из чемодана, по идее, должна была появиться кепка. И она, конечно же, появилась бы... Если бы она там была. Но кепки не было.

— Вот теперь действительно все, — разозлилась жена. — Хватит! Ты посмотри на себя! Покраснел весь. Видимо, давление поднялось. Да забудь ты про

эту чертову кепку! Жили же мы без нее тридцать лет и дальше проживем.

И мы поехали в аэропорт. По дороге я ни разу не обернулся по сторонам, чтобы жена, не дай бог, не подумала, что я чего-то тут высматриваю. И только на самой последней улице, после которой начиналась дорога в аэропорт, я машинально повернул голову и взглянул на витрину универмага, где начиналась вся эта история. Так вот, кепка была на месте. На голове у того самого писательского манекена, с которого, как видно, вопреки кепкиным желаниям, я снял ее буквально накануне.

— Мы можем остановиться, — сказала жена, — у нас остался чек, уверена, что нам ее вернут. В конце концов, мы в цивилизованном европейском государстве. Если каждый дурацкий коллапс начнет устанавливать тут свои законы...

— Не нужно, — твердо ответил я, — поехали! Видеть ее больше не хочу! Ну, допустим, даже и вернут. Я привезу ее в Одессу, и ты представляешь, какая жизнь у меня начнется? Она будет исчезать каждый день, а я стану местной достопримечательностью. «А теперь посмотрите направо: это наш бывший писатель. Когда-то подавал надежды. Но последние годы известен только тем, что день и ночь ищет по всему городу какую-то кепку». И потом, знаешь, я понял, в чем тут дело. Просто бывают вещи домашние, которые привыкают к дому, а бывают дикие, вот как эта кепка. Для нее самое главное — свобода. И не мне, человеку, всю жизнь отстаивающему идеалы свободы, бороться с кепкиными принципами. А может, она вообще влюблена в этот писательский манекен с тупой пластмассовой головой, у которого шансов получить Нобелевскую премию по литературе еще даже меньше, чем у меня. Но тогда тут вообще ничего не поделаешь. И, по-моему, уж ты-то, — обнимая жену, закончил я, — как никто другой должна ее понять...

МОЯ СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

У тренера нашей консерваторской команды по футболу была кличка Бетховен. Дело в том, что он был абсолютно глухой. И обладал примерно такого же масштаба склерозом.

— Как фамилия этого Голубеньки, который играет у нас на правом краю? — спрашивал он у нашего капитана Додика Эстермана.

— Голубенко! — орал в ответ Додик, находясь примерно в метре от Бетховена.

— Так как его фамилия?!

— Го-лу-бен-ко!!!

— Как-как?!

— Ничего не понимаю, — чуть не плакал Додик. — Я извиняюсь, Наум Зиновьевич, это вы не слышите или это вы не помните?

— Ну хорошо, — успокаивал его тренер, — не знаешь, как его фамилия, — ну и не надо. Я потом в журнале посмотрю. Так кто он такой, этот Голубеньки?

— Скрипач!

— Ой, точно, я же видел, как он играет на скрипке.

— Вы хотели сказать «слышал»?

— Ну за чем же я буду обманывать? Ничего я не слышал. Я видел. Но мне этого было достаточно. Так вот в футбол он играет примерно так же. Ты ему передай: пусть он, перед тем как ударить по мячу, попробует закрывать глаза.

— Зачем?

— Потому что с открытыми глазами он всю дорогу бьет мимо.

Ах, знал бы наш тренер старик Бетховен, как это его замечание изменит всю историю нашей футбольной сборной! Но об этом после. А пока что он был совершенно прав. Правда, таким мазилой в нашей команде был не только я один. Вообще, спортивная мощь консерваторской сборной по футболу сильно оставляла желать лучшего. Единственное, чем мы могли похвастаться, — это

стабильностью результатов. Всем своим соперникам по первенству города по футболу среди вузов мы проигрывали примерно с одинаковым счетом, а именно 8, 9, 10 или 11:0. Наша экипировка тоже оставляла желать лучшего. И тоже сильно. Мы выходили на поле в длинных сатиновых, как тогда говорили, семейных трусах кто черного, кто синего цвета, в общем, у кого какие имелись. На ногах у нас были разного цвета длинные носки, которые заменяли нам гетры, а также сандалии вместо бот. Наш полузащитник, который в свободное от учебы время пел в хоре местной оперетты, вообще обувал на игру средневековые лакированные туфли, украшенные огромными блестящими пряжками с фальшивыми бриллиантами, взятые им напрокат из театрального реквизита. Одинаковым у нас был только верх, и это было самое отвратительное. Помните, в советские времена продавались такие кальсоны со штрипками? Которые моментально растягивались во всех местах, а потом сползали внутрь штанов в самый неподходящий момент? Ну голубенькая такая байковая дрянь с серым оттенком. Так вот, к этим подштанникам придавались еще и тельнички. Такого же безнадежно-больничного вида. Вот они нам и служили футболками. На каждом тельничке химическим карандашом вкривь и вкось был намалеван номер. В общем, когда мы в этом клоунском «прикиде» появлялись на футбольном поле, нас всегда встречали смехом и аплодисментами. А когда мы покидали его, получив свои заслуженные 9 или 11 штук, смех уже сменялся хохотом, а аплодисменты — свистом. Конечно, постоянно испытывать такие удары по самолюбию было довольно сложно. Но любовь к футболу была для нас выше какого-то там самолюбия. Хотя на отдельные игры, особенно результатив-

ные для наших соперников, некоторые из нас старались вообще не приходить. Кстати, Бетховена наша недисциплинированность тоже устраивала.

— Да, мы опять проиграли, — объяснял он своим коллегам на кафедре физического воспитания, — ну так и что вы можете до нас иметь? Мы же играли в меньшинстве! А это ж даже ребенок знает: стоит судье удалить хотя бы одного футболиста, и вся команда имеет квадратную голову. А тут четыре!

— Что, судья удалил сразу четверых наших футболистов? — с возмущением спрашивали коллеги.

— Нет, — отвечал Бетховен, — просто четыре наших футболиста — это вообще все, кто из нашей команды явился на стадион.

Конечно, игру отменили и нам засчитали техническое поражение со счетом 3:0.

— Минуточку! — говорил самый умный на этой кафедре руководитель секции шахмат. — Я вас правильно понял, Наум Зиновьевич? То есть если бы мы явились на эту игру в полном составе, то мы бы, как всегда, сгорели этому сельскохозяйственному со счетом 7:0 или даже 8? А тут вообще не явились и всего 3? Хм-м-м... Так это же меняет картину. 3:0 — это уже не разгром, это нормальный счет в игре практически равных соперников. Видно, что наша команда боролась. Слушайте, так, может, это и есть наш путь в футболе?!

Но кафедра сочла такой путь непдагогичным и обязала нас являться на все без исключения игры под угрозой неполучения зачета. Конечно же, мы подчинились...

Впрочем, была одна игра в сезоне, являться на которую нас не нужно было обязывать. Мы и так являлись на нее всем составом вместе с запасными и даже травмированными. Это была игра со сборной «водного» института. Ну, им-то мы никогда не проигрывали со счетом 10 или 11:0. Им мы проигрывали со счетом 21:0 или 23. А как могло быть иначе? Все знали, что сборная «водного» института — это не что иное, как

дубль самого «Черноморца». Они потону и учились в «водном» институте, что в жизни ни на какие лекции не ходили, а играли за этот самый дубль, круглые сутки находясь на его спортивной базе и совершенствуя свое спортивное мастерство. Ну а мы-то чего, спрашивается, бежали на игру с ними? Чтобы в очередной раз нам наколотили, как говорили одесские болельщики, «полную торбу»? Это что же, у нас был такой, еще не описанный в психиатрии, вид спортивного мазохизма, что ли?

А вы подождите с выводами! Был тут один секрет, был! Просто главное для нас в игре с водниками наступало после финального свистка. Как только он звучал, команда моряков бежала к центру поля, чтобы поприветствовать и поблагодарить своих болельщиков. Вот тут-то мы всем составом и набрасывались на них, обнимали, поздравляли с победой и в знак вечной спортивной дружбы предлагали, как это принято в большом спорте, обменяться футболками. Ах, какие у них были футболки!!! Сказка! Яркие, из настоящего шелка. А как же? Их водоплавающее руководство привозило водникам спортивную форму прямо из-за границы. В таких футболках можно было пойти не только на стадион, но даже в филармонию. Так вот эту их спортивную одежду мы и предлагали обменять на наше отечественное исподнее. В первый раз, помню, они несколько растерялись и, не зная, как поступить в такой ситуации, начали с нами обмениваться. Представляю, как им потом досталось от их спортивного начальства! Так что к следующей игре наши соперники уже подготовились. Но и мы подготовились тоже. Самые быстрые из нас попросили Бетховена не ставить их в начале матча, а выпустить за пять-десять минут до его окончания, чтобы сохранить силы на последний рывок. И вот, когда водники после финального свистка, уже не прощаясь с публикой, бросились бежать в свою раздевалку, мы кинулись за ними и некоторым удалось-таки сохранить силы для рывка, нескольких из них все-таки

догнали. Обступили примерно в соотношении пятеро на одного и так стали радостно обнимать, что повалили на поле и, не выпуская из дружеских объятий, опять предложили в знак нашей вечной спортивной дружбы обменяться майками, а заодно и вообще всей футбольной формой. То есть их гетрами вместо наших носков, их бутсами вместо наших сандалий, а если получится... Короче, даже трусами.

Не помню, чем это все закончилось, но хорошо помню, что к последней игре, ради которой я и пишу этот рассказ, нашим соперникам наконец удалось выработать стопроцентный способ борьбы с нашим вероломством. А именно: заколотив нам положенные 25 или 26 голов, они, не дожидаясь окончания матча, буквально за минуту до финального свистка вдруг все как по команде неожиданно повернулись и помчались в свою раздевалку. Конечно, мы бросились за ними. Но где там... Через мгновение я огляделся по сторонам и увидел, что на поле, кроме меня, из игроков вообще никого нет. Ну кроме судьи, ко-

нечно. А у меня в ногах мяч, и передо мной, метрах в пятидесяти, совершенно пустые ворота команды «водного» института. Но добежать до них я явно не успеваю! Потому что этот судья сейчас как раз свистнет. И матч будет закончен. И тогда я решился. Я сделал все, как учил тренер Бетховен. То есть закрыл глаза и ударил.

И, представьте, попал!

Ну что сказать? Прошло более полувека. Но фотографии, сделанные на этом матче, до сих пор украшают комнату футбольной славы одесской консерватории. Да, мы проиграли тогда со счетом 25:1. Но не кому-нибудь, а дублю «Черноморца»! И этот единственный гол мы забили практически с центра поля, да еще и с закрытыми глазами. В общем, тот, кто может повторить этот спортивный подвиг, пускай попробует!

А я, рассказывая внукам о своей молодости, с чистой совестью говорю им, что в те далекие годы их дедушка не только плохо играл на скрипке, но и совсем не хуже играл в футбол.

Сергій Дмитрієв

Одеса

ВЕСІЛЛЯЧКО

Горіхи падали у ніч... Здавалось, хтось чужий ходить садками...

Перед великим мурованим льохом сидів Петро Сивчук з двома синами. Вони щойно закінчили роботу й пили могорича. Із-за вікна за ними наглядала стара Филипиha і, шамкаючи беззубим ротом, повторювала: «Робітнички, тряся його матері! Другу пляшку вгавкали!»

— Гей, бабо Ірино! Ходи до нас! — припрошував розімлілий Петро.

— А, що, соколики?! — човгаючи ногами, питала баба.

— Ти подивись, які ми двері тобі до льоху прилаштували! На віки! Тепер жоден кіт не залізе, не те що Пашка Глинар! Налий нам на коня!..

Перехиливши по останній чарці, хлопці покинули подвір'я.

— Филипиha така стара, що й сама не зна, скільки їй років, — міркував Петро вголос, — навіщо їй нові двері до льоху знадобились? Чи ще два віки збирається жити?

— Нам яка турбота? — озвався молодший. — Хоч пару копійок заробили!

— Та й баба казали, що дозволять у льосі харчі перед весіллям тримати! — вставив Олег, який саме збирався одружуватись.

Попили води біля цямриння й потрохи обляглись...

Олег скочив у ліжко, накритися ледь не до лоба теплою ковдрою й задумався:

«Ще два тижні лишилися!» Вони вже подали з Катюшкою заяву до сільради, купили обручки і навіть підписали за-прошення.

Олег був серйозним парубком. Відслужив у війську. Повернувся сержантом. Вивчився на механіка. Руки мав золоті. Хоч машину кому полагодити, хоч трактор, хоч бестарку стару відремонтувати. Ось і йшли всі до нього. Хто міг — ніс гроші, хто не міг — то курку принесуть, то лантух пшениці, то комбікорму, а хто й олії притарабанить. Спочатку зібрав зі старих мотоциклів такий агрегат, що овва, а згодом і старенького жигулятка підлампічив... І вишивав селом — аж гей. Молоді жінки-одиначки та дівчата у всі очі слідували за ним. Та посміхнеться, та словом зачепить. А найхитріші — до себе зазивають: то велосипед їм полагодь, то — коляску дитячу, то крани течуть... Хлопець молодий і дужий. А втриматись — важко! Іноді як гляне дівчина — аж зашпорити тілом підуть. Так і вподобав Олену Гірнячку. Всяке люди про неї казали... Ще дівчиною поїхала до міста вчитись на модистку та й завіяло нею світами. Тільки недавно повернулась. Догледіла хвору бабу Ярину і лишилась одна. Подейкували, нещасливе заміжжя зробило її одиначкою. Чоловіків — ні на дух, хоч гарна була й молода. Жила скромно, працювала вдома: то сукню кому перешіє, то спідницю переробить, то таку

ПАЛИСАДНИК

блузку витне, що хоч на виставку до Парижа. Гроші брала невеликі. Та було у ній щось більше... Була у неї душа велика! Стіни її чепурненької оселі були в таких вишивках та рушниках, що аж очі вибирало! Тільки Божа Рука могла так направляти душу майстрині! Тут і Ісус у мантиях, і Матір Божа у червоних одержах, а Ісусик на руках — мов живий, і Трійця Святая, і Тарас Шевченко в усіх іпостасях... Всього й не перелічити! А які рушники!.. Аж серце співало!

Бачачи ночами вогник свічки у її вікні, люди перешіптувались: «Відьма! Чому електрики не вмикає?! Галдує! Точно галдує!» Аж потому, коли вже вкотре почула у спину «галдуня», не стрималась: «Ну не можу я при електриці вишивати! Не можу! Не бачу я малюнка! Сліпить мене те світло! А свічечка!.. Свічечка — то дар Божий! Її вогник мені все відкриває! Такі малюночки душею відчуваю!»

Що привабило у ній Олега?! Чи душа — тонка, мов полотняна сорочка, яку носила, чи оті чудернацькі вишивки?! Ніхто не знав! Але знали: Олег зачистив до Олени! І вона не гнала його, як інших! Відчувала, певно, яку мав душу! Близьку! Яка вміла її розуміти! Душу майстра! На ніч не лишався. Перестав заходити до бару, що болячкою стояв посеред села. Повертався спокійним, замисленим, ніби пізнавав якусь таїну велику. На розмови батьків мовчав. Кепкувати з нього ніхто не наважувався — поважали! Та й руку мав важку...

— Причарувала! Причарувала відьма! — бідкалась мати, дивлячись Петрові в очі.

— Цить, стара! Нехай ходить! Бачиш, яким стає?! Вдумливим, мудрим!

— Мудрим?! Ти бачиш, очі які сумні? Сохне він за нею! Вже припоїла зіллям якимось! Люди не дарма казали, що відьма вона!

А молодший брат все питав:

— Яка вона? Чому не дивишся на інших дівчат?

— Вона справжня! Жива! Душа у неї тонка... Така висока!

— Ти любиш її?

— Не знаю! Тільки важко мені, коли не бачу довго!.. Тягне до її простоти, до її сили!..

А тим часом піростали дівчата... І видко, ходити б йому ще довго до Олени, якби не Катря! Ох і дівка ж! Як побачив її, аж зашпортнувся! Зухвалий носик, купа сонця у волоссі, горді плечі й гнучка, мов лозина. Мов пісня! Тільки степ народжує таких красунь! І пропав спокій парубочий. Спочатку нишком спостерігав, а згодом — познайомився!

Про їхню любов пішла чутка селом. Дійшла вона й до Олени... Ледь донесла її до хати. Прямо в сінях упала на долівку й завмерла. Скільки так пролежала, й сама не знала. Всю ніч витинала на сірому полотнищі Мавку з Лукашем. Доки ранок не змінив свічку.

Опівдні — знайомі кроки дворичем... Відчинила й стала у дверях хрестом:

— Йди, Олеже! Йди й не приходь більше! Мені у хаті не потрібен чужий жених!

— Ти... ти не так зрозуміла! Який жених? Вона ще мала! Дитина!

— Йди, любий! Не треба! Не гніви Бога!

Мов п'яний, брів подвір'ям... Дві доби не виходив на люди. Перехворів, справився! А ось тепер — весілля!

Від думки про Олену й під теплою ковдрою бив дріж. Бачив очі її, бачив руки білі з довгими пальцями, пасма чорного волосся, що вились по грудях. Кулаки стиснув так, що хрумкнуло хатою: «Вчарувала! Тільки кінчаться скоро чари! З Катрусєю забуду її!»

А хіба ж з нею не забудеш — коли очі затьмарюють розум, коли руки вогняними зорями запалюють тіло!

— Ластівко моя! — казав Олег, мліючи.

— Коханий! Ти будеш єдиним качуром у моєму ставочку! — шепотіла дівчина у його обіймах.

Рання осінь складала молитву небу білими туманами. Клала під ноги мокрі гаптування зжовклих трав, неначе старий, поїдений моллю персидський килим. Час повільно ступав чепурними сільсь-

кими вулицями. У Сивчуків готувалися до весілля. У підвалі бренькотіли пляшки різних калібрів, у двох пузатеньких діжечках квасились огірки та помідори. З горища знімали посуд. Двоє приречених свиней, відчуваючи недобре, часто кувикали у новенькому сажу. Квоктали вгодовані кури та гелґотали індики.

Весілля насувалось, мов хмара з-за гори... І настав день!.. Сонце від рання купало землю, граючи бликами у вимитих шибях.

— Гарна прикмета! — сказав старий Сивчук і перехрестився до ікони.

— Ще б пак! — раділа Сивчиха. — Яка пара шлюб братиме! О! Не забути б у Филипики у льосі холодець та яблука на стіл.

— Та не забудемо! Лише сьома ранку. Буди жениха.

На широкому городі стояв напнутий шалаш. Увесь день збивали і вкопували столи та лави. На подвір'ї пахло свіжою стружкою. Од вітру тріпотіли поліетиленові скатертини, припнуті кнопками прямо до столів.

— Ох! Ну й весіллячко ж буде! — потягнувся Петро, хруснув плечима й побрів з двору.

За ворітьми поблискувала рососою жовто-зелена трава, пастельно пінилась слідами від шин земля, ще волога від учорашнього дощика.

Хатою снував сонний Олег і ніяк не міг второпати, що сьогодні за день. Бажання спати перемогло. Плюхнувся на тепле ліжко й затих.

— А чуєш, Олеже! Вставай! Ще стільки справ переробити треба! Розпис на дванадцятку! — бідкалась Марія. — Либонь, красуня твоя від п'ятої ранку під палікмахершою сидить!

Не відкриваючи очей, Олег посміхнувся: «Сьогодні Катруся стане моєю!..»

— Зараз, мамо! Ну ще хоч п'ятнадцять хвилин!

— Треба ото було менш валандатись уночі! Приперся аж о другій! Де лавив? Добре, хоч не пив на тому «мальчишнику»! Дванадцять п'ять, а дурних звичаїв дотримуєшся!

— Ну чого ти! Хлопцям могорича ставив!

— З якої такої радості? Грошей багато? Ти одружися спочатку, а потім став!

— Та куди воно подінеться од мене, те одруження?! Не бійся! Не втече!

— Та йди ти! Мов горохом об стіну! Казали тобі скільки — наперед не загадуй! Не сміши людей!

Хлопець притих і заснув. За півгодини скочив і побіг у душ! Терся під холодною водою до нестями. Цупкий рушник лишив на спині червону смужку. З любов'ю оглянув свій весільний костюм, сорочку з цупким коміром, лаковані довгоносі черевики, краватку, що переливалась кількома кольорами. Вдоволенний, вийшов на залите сонцем подвір'я і закурив...

Вже за годину почалась справжня метушня. Баби й тітки з усієї околиці ладнали столи. Хтось тягнув чарки, горами несли тарілки різних калібрів і кольорів, дзвеніли ложки та виделки. Над подвір'ям стояла золота курява. До воріт підкотила хлібна машина й зо три десятки круглих паляниць понесли прямо до шалашу. «Це мій подарунок на весілля!» — прогоготів дядько Тимофій, якому Олег частенько лагодив машину.

Об одинадцятій під'їхали музики і втягли до подвір'я апаратуру. Напруження зростало!.. «Мерседес», «Ауді» й «Тойота» стояли у чеканні. Олег, мов нова копійка, вскочив до «Мерса». Заповнилися й інші машини. Рушили. За півгодини весільна процесія вже виходила перед сільрадою, а місцева дітлашня стояла напоготові з повними цеберками води. Пишнотіла тітка Галя, що знала жениха з пелюшок, заплакала й розчулено провела обряд реєстрації шлюбу. Олег виніс кохану на руках і щасливі молодята рушили додому. На всю вулицю гримів туш. Плакали батьки, тримаючи ікони, летіли весільні бокали, піною бризкало шампанське. Стільки щастя не бачили давно! Одружувалась найкраща пара. Під веселу мелодію потекли до двору люди. Олег відійшов з молодого дружиною у бік і прошепотів:

— Чекай тут на мене, кохана! Я приготував тобі сюрприз!

— Чекатиму, любий! — із захопленням проказала Катерина й відпустила його руку.

Напередодні, у місті, придбав пляшку французького шампанського й заховав у льосі баби Филипики, у закутку за картоплею. Вихором влетів у підвал. Ще пахло часником і холодцем...

Стара Филипики поспішала на весілля. Побачивши відчинений льох, підбігла, щільно причинила двері й клацнула величезним замком.

Вилетівши з ями до дверей, Олег щосили почав гамселити кулаками у товстелезні дошки. Але — дарма! Филипики повернеться й почує. Освітив захопленим з собою ліхтариком темряву й побачив, що окрім картоплі, буряка та величезних баняків з самогонкою нічого не було. Так і є! Все заздалегідь забрали! З-за картоплі насмішкувато світилась голівка французького шампанського... Думки плутались! Тьмарилась голова! Хоча б сірники були, щоб ті кляті двері підпалити. Так нема ж...

А тим часом... Постоявши хвилин з двадцять в очікуванні, Катерина пішла до хати, набираючи Олега на мобільний. Виклик йшов, але ніхто не брав. Прислухалась. У сусідній кімнаті вигравала знайома мелодія. Забув мобільник! «От роззява! — подумала дівчина. — Де ж він міг подітись? Чому так довго не йде? Що за сюрприз придумав?» У цей час до хати забігла свекруха і з докором почала:

— Чому ж ви ще тут? Гості чекають! Час йти!

— Так Олежка десь зник!

— Як то зник?

— Сказав, що сюрприз мені приготував, чкурнув у ворота й півгодини вже нема!

— А де той сюрприз продається? Може, у нашому сільпі?

— Та не знаю я! Он — вся на нервах! Тільки плакати не можу! Туш розтечеться — на кого буду схожа?! Мобільний забув удома чи навмисне залишив!..

— Зачекай, доню! У який бік він побіг?

— Та не бачила я! Ворота високі! На музик відволіклась! Хіба ж я думала, що таке станеться?!

«Ага! — міркувала Марія, — тільки вийшла заміж, і вже — чоловік за ворота, а вона на цих стилиг патлатих дивиться! Так-так!»

— Треба послати до магазину хлопців! Нехай пошукають! Може, зачепився з кимось язиками?!

— Та хіба ж він настільки дурний?!

За кілька хвилин про подію дізнались гості й висипали на подвір'я, раз по раз даючи поради й надзвонюючи на мобілку.

— Я знаю, де він!

— А де, доню? — винуватим голосом питала Марія.

— У тої відьми! Я її зараз за чемери від нього відтягну! На все село ославлю!

— Та бути того не може! — перепинила її Сивчиха. — Отямся, доню!

— Може! — і впевненим кроком рушила крізь гурт.

За нею бігли дружки, мати, свекруха й цілий рій дітлашні.

Підведений білим високий паркан стрімко наближався. Першою дісталась воріт й з відчаєм затарабанила у ворота, дрібно молотячи кулачком з новою обручкою. Хатні двері відчинились і перелякана Олена вискочила на подвір'я.

— Що сталось? Хто там?

— Відчиняй, відьмо! — почулося з-за воріт.

— Хто там? — спокійно перепитала Олена.

— Ти ще питаєш, гадюко! — крикнула Катерина.

— Чого ти хочеш?

— Поклич мого чоловіка!

— Я вдома одна! Зайди подивись!

— Я зайду, зайду і хату тобі спалю! Твій шелюг відьмачий!

Олена смикнула засув.

— Заходь! Заходь і шукай! Тільки слів поганих не кажи! Прощу тебе! Немає у мене Олега! Немає! Чуєш?!

Катерина заплакала і впала Олені на груди.

— Вибач! Вибач, Оленочко! Я... я... я не знаю, що думати! Думала, що він у тебе! Пробач!..

Олена пригорнула її до себе, мов старша сестра. Віночок збився й дряпав руки.

— Не плач! Знайдеться! Нікуди він не подівся! Щось сталося!

Катерина перестала схлипувати і підняла очі на Олену. Обидві залились слізьми.

— Ти не відьма! — схлипувала дівчина, — ти найкраща! Тепер, тепер я зрозуміла, чому він тебе кохав! Пробач!..

Невідомо, скільки б це продовжувалось, якби Олена не взяла її обличчя у долоні й не сказала:

— Йди! Він, певне, вже чекає! Дай витру тобі обличчя!

Витерла долонею патьоки й поправила віночок. Довго дивилась услід і, ковтаючи сльози, зачинила ворота.

У дворі робилось щось неймовірне. Всі обговорювали пригоду. Діти носились подвір'ям, музики грали весело. Олега не було!

Сивчиха вибігла вперед і почала прощувати гостей за стіл.

— Заходьте, заходьте! Ну, нема його! Десь затримався! Нічого! Сідайте! Давайте, давайте за стіл! Прийде! Нікуди він не подінеться!

Катерина зайшла до хати. Вмилась. Причепурила обличчя і пішла за стіл.

Тим часом Олег воював з дверима. Він кидався на них, мов загнаний у пастку звір. Але добре підігнані двері стояли, мов кам'яні! Скинувши костюм і сорочку, бив плечем, ногами. І все дарма. Дзвякав замок, прогинались дошки, але ковані лаштунки витримували все. Думки плутались, серце рвалось на шмаття! Насвітлив ліхтарем куток з суліями самогонки. У другому кутку тьмяніли дві запливлені літрові банки з напівзіржавілими кришками. Протер. У глибинах мутного розсолу плавали огірки та помідори.

Друга банка наповнена вишневим компотом та ягідками скориннявілого агрусу. Сулії були заткнуті кукурудзяними качанами, здубілими від часу. Знехотя відкоркував одного й сьорбнув мутної рідини. Усе його єство наповнив сморід. Горло пересохло й пекло. Зрозумів, що хватонув первака. Нашвидкоруч виламав іржаву кришку і запив густуватим розсолом. Тілом пішло тепло. Запахло селерою та кропом. З глибини банки винирнула маленька перчинка. Розкусив її й відчув полегшення. На третій ковток сивуха вже не була такою гідкою. Ще кілька разів кидався на двері й, легенько похитуючись, відходив до настилу. Сідав. Дививсь у темряву й на мить освітлював ліхтариком простір. Про весілля було боляче навіть думати! «Як там моя Катя? Що вона думає? Як мене шукають?» За дверима сіріло. Олега хилило на сон. Притулився спиною до великого ящика й задрімав. За кілька хвилин прокинувся. Наслухав. Чи не йде хто?! Біля хвіртки щось шаруділо... Рипнуло й зачовгало подвір'ям. «Хто ж це?» Шаркання наблизилось до льоху й вилаялось голосом п'яниці Пашки Глинаря:

— От відьма стара!.. Які двері вчепила... Де ж я теперки похмелюся?!

— Пашко! Це ти? — гукнув Олег.

— О, Господи!!! Свят, свят, свят! — хрестився тверезий від ранку Пашка.

— Це я — Олег Сивчук! Поклич кого-небудь!

— Геть, нечистий! Не спокушай! — продовжував хреститись Пашка.

— Пашко! Хіба ти голосу мого не пізнаєш?

Упевнившись, що Филипіха на весіллі, непроханий гість вмотивувався на лаву й заговорив з позиції сили:

— Я бачив у кіні, що ви можете на різні голоси говорити! Це — перше! А друге: якщо жених сидить у льосі, то чому на весіллі п'ють і танцюють?! Неув'язочка...

— Я звідки знаю?! — дратувався Олег. — Збий чимось замок! Я тобі 500 гривень дам!

Олег насвітлив на Пашку крізь шпаринку. Той сидів на лаві у традиційному

спортивному костюмі, помахуючи босою ногою у калоші й кутив.

— Не світи в очі, нечисть! Знайшов дурня! Зіб'ю замок — сяду! Скажу на весіллі, що жених у льосі — на «дурку» запруть... Обидва варіанти мені не підходять! Так що... бувай, перевертню!.. Піду на весілля... може, Сивчуки чарочку наллють...

Подвір'ям зачовгало й стихло...

Десь далеко гупало весілля. Було щось чуже у ньому. Не розумів, як це сталося. Закрив очі й побачив Олену. Сплюнув: «Гай, відьмо, ввижаєшся!» Відчув тепло, як тоді, коли вона клала йому на груди свою тендітну гарячу руку й, дивлячись у очі, мовчала. Скільки любові було у тому мовчанні... Він затремтів, клацнув ліхтарем. Великий павук спускався зі стелі. «Не відпускає! Не можу! Не можу без неї! Невже я видумав собі Катерину?!» Закривав очі. Хотів упіймати її образ, але ніяк не міг. Крізь темряву світилось упокорене обличчя Олени. «Невже я кохаю Олену?! Що ж я наробив? Господи!!! Я ж зламав цю невинну душу! Я... я ж завжди розтоптав її віру в щастя!.. Вона ніколи нікому не повірить!..» Ніби прокинувся з глибокого важкого сну... Тілом лягав липкий холодний піт. Ще раз нахилив пузату сулюю. Алкоголь лише розм'якшував свідомість. Не брав! Обхопивши голову, стискав скроні й мружив очі. Образ безборонної зрадженої ним жінки випікав душу. Катря лишилась десь далеко... Її слова, її обійми... немов чужі, нещирі, хитаві якісь... Лишилось тільки тепло і правда Оленчиних рук, істина її мовчання і сором власної зради. «Оленочко! Люба моя! — застогнав прямо у темряву, — пробач! Зараз! Зараз же до неї! Але як?»

Після «візиту» Олена відчувала полегшення. Хоч і сльози текли, але стало все зрозумілішим: весілля, молода дружина, сім'я... Поралась на обійсті, ладнала розхитаного стільця. На хвилину приляг-

ла... Дрімота передвечірнім туском облягала хату й заколисувала світ... Гасла притомлена свідомість... Снились хмари, залита сонцем стерня, річка за селом, вулиця, якою бігала в дитинстві, й незграбна хата баби Филипіхи у спідниці штахет. Вона часто пригощала дітей величезними червонобокими яблуками, яких незліченно висіло у садку. Садовила на широкій лаві перед льохом і посміхалась до них беззубим ротом. Тільки двері у льосі чомусь не знайомі червоні, а нові — свіжотесані. Хтось вдарив у двері й забарабанив кулаками. Олена прокинулась і сіла, злякана сном. Підійшла до сінешних дверей — нікого. Серце кололо груди, жбурляючи кров у скроні.

— Олег! Він там!

Вилетіла з хати й помчала... Двір зустрів її тишею. Вона швидко відчинила хвіртку, підлетіла до льоху й щосили забарабанила у нові двері.

— Олежко! Ти тут?

— Оленко?! Оленко? Це ти?

Важезний замок подзвякував на кованих петлях. Олена підбігла до дровітні, вхопила велику сокиру й щосили вдарила по замку. Відбиті дужки впали. Двері відчинились і вона побачила Олега. Руки опустились... Він був чужим! Чужим чоловіком! Стояв мовчки. У трусах, шкарпетках та понівечених черевиках. Скуйовджене волосся й свіжий перегар.

— Одягайся і йди! Вони там вже з глузду ідуть! Біжи, Олежко!

— Ні, Олено! Не піду! Не хочу! Я... я все зрозумів! Я тепер тебе нікому не віддам! Я... я зараз!

Вже за мить стояв перед нею у костюмі...

— Ходімо!

— Куди?

— Не знаю! Світ за очі! Не можу я без тебе!

Ніч сідала в село, коли виходили... Він і вона. Туман лягав у траву... Він зняв піджак і накинув їй на плечі...

Василь Довжик

Київ

* * *

Мовчу,
щоб розповісти
про життя.
Про ті серця, замучені коханням,
Про потолочені жита
І ті літа
в зозулинім куванні...

Коли нам чорний порох,
мов троянду,
Понюхати приходить уперше,
І сонце на багнеті
із наряду
Приносити утомлено нарешті.

Мовчу,
щоб розповісти про життя.

* * *

Верби, верби! А ви не застудитесь? —
Цілий день ваші ноги мокрі.
Верби, верби! Мене не осудите,
Я кохану чекатиму, добре?

Верби, верби!
Пробачте,
Що лізу у вашу душу,
Ви так відвернулися дуже...

Верби!
Верби!
А чого це ви плачете?!

ПАЛИСАДНИК

* * *

Чому час цей такий
красивий
і до болю сумний такий?
Тріпотить на стерні павутиння сиве
і мовчать на дротах ластівки.
Насідали, немов на рейки,
ждуть, що поїздом свисне зима,
свій сигнал перельотів далеких
ждуть клітинами тіла всіма.
Налягти б і собі на крила,
кожним мускулом пурхнути в синь
та й до хати,
щоб мати
в сльозах говорила:
— Ой, Михайле, приїхав син!..

Юрина Звса

Харьков

БЕРЕГОВОЕ

1. МАША

По двору тетя Маша с ночи ходит, как часовой.
У калитки стоит, качает стриженной головой.
«Бог, — бормочет она, — где Ленька, внук мой? Ушел вчера,
а уже, погляди, светают листья на дне ведра.

Ведь семнадцать всего паршивцу. Взял бы, помог ему,
если есть Ты, как еговисты мне обещали. Вот
спит в сарае алкоголичка, дочь моя. Почему
до сих пор не прибрал ее Ты? — ровно сорняк, живет.

Скоро сдохну, и всё на водку спустит зараза враз.
Ей бутылка дороже сына... Ты ж, говорили, спас
от ножа одного дитятю, чокнутому отцу
подложив (будь он проклят, ирод!) вместо мальчика — овцу».

«Тетя Маша, — зову, — зайдите, послушайте меня». Но, не глядя, рукою машет, по двору семеня,
мол, отстань. И на полушаге вдруг замираем с ней:
вон идет он, живой, красивый, как молодой Эней;
узкобедный, широкоплечий, весь в золотом пушке;
отшлифованными клешнями краб шевелит в руке.

И когда на колючий щебень возле своих ворот
оседает она беззвучно, чувствуя: горячо,
как еще не бывало, слева, — он, побелев, орет:
«Баб, ты чё? — мы всю ночь купались! Баб, ну ты чё, ты чё?»

ПАЛИСАДНИК

2. ПАША

Только сядем за стол — врывается, как Дидона
разъяренная: «Мой у вас?» «Да с чего б?» Не веря,
в летней кухне шурует лихо, за угол дома,
спотыкаясь, летит, в пристройке ломает двери.

Словно в салки играет, в прятки. Мелькают пятки
в черных трещинах. Что ли, полк пробежал кабаний? —
Всю петрушку за лето вытоптала на грядке,
традесканцию всю повыломала за баней.

А у нас-то зеленый борщ под орехом стынет,
ароматом смущая пять с половиной соток.
И нахальный скворец, пикируя с ветки, тырит
то кусочек лепешки, то колбасы ошметок.

Но безумная Паша — мимо да мимо, глядя
с нескрываемой злобой: все вы — одна, мол, банда.
А у нас кореша в гостях и заморский дядя.
Запотевшая рюмка пляшет в руке у барда.

Наконец, намотавшись, Паша, как спринтер, с круга
неожиданно сходит. У боковой калитки
тормозит, вереща: «Ну точно торчит, подлюга,
у лахудры Наташки или у стервы Лидки!»

...Так все лето она село изводила. Только
мужичок за порог, Прасковья уже на старте
с неизменным своим вопросом: «У вас мой Толька?»
И добегалась, говорят. Схоронили в марте.

Но когда в небесах гремит, и соседский кочет,
ошалело кренясь, в курятник влетает боком, —
мы-то знаем, что это Паша сверху грохочет,
сквозь набрякшую темень грозно сверкает оком,

начиная обход знакомых до боли явок.
И блудливый Толян, угрюмо следя за тучей,
поминает недобро верок своих и клавиок.
И чекушку под лавку прячет. На всякий случай.

3. МАРИНКА

«Дай тридцатник, ведь не отстану! — Идет за мной. —
Помираю. Башка взрывается изнутри.
Видишь, майка в крови?» «Ступай, — говорю, — замой». —
«Ну тридцатник всего!» «Не дам тебе, хоть умри!»

Кто вчера мне подшиться клялся, начать с нуля?»
Но зеленые щуря, выпцветшие глаза,

с удивленьем брезгливым вдруг выдыхает: «Бля...»
Мол, не надо ля-ля, других полечи, коза.

«Постыдилась бы сына!» «Кто ж, как не он, губу
мне расквасил вчера? Да ты погляди, не трусь».
Выползает из тени. Краше лежат в гробу.
«И грозился еще закрыть меня в дурку, гнусь!

Ну так дашь или нет?» «Сказала ж: не дам». «Ну хоть
портвешка для рывка, ведь сдохну сейчас, налей».
Теребит за рукав: «Жалеть же велел Господь
всяку тварь на земле? Так вот она я — жалей.

Не жлобись, одолжи мне». Сморщенное лицо,
как на грязном платке затянутый узелок.
«В понедельник верну. — Покоцанное кольцо
мне протягивает. — Не веришь? Возьми в залог».

«Да не в этом же дело, бестолочь!» Достая
Тридцать сребреников: «Бери и катись к чертям,
потому, что обеим нам не бывать в раю!»
Но Маринка уже одною ногою там,

где начертано: БАР на лучших в селе вратах
и носатый Сурен, три раза налив по сто,
карамельку подкинет: «Закусь даю за так».
И любой тебе — друг. И если не рай, то что?

4

И седую Машу в грязном платочке в клетку,
и ее срамную дочку-алкоголичку,
и жадюгу Пашу, склочную их соседку,
подбери, Господь, в свою золотую бричку.

Видишь, как плетутся, глядя себе под ноги,
за кусты цепляясь и тормозя позорно
на крутых подъемах? Куры так на дороге
загребают пыль, надеясь нашарить зерна.

Тут одно слово — и дурость пойдет на дурость,
и степное эхо бодро подхватит: «Бей их!»
...Отстает одна. Другая, как мышь, надулась.
У нее сушняк. А третья костит обеих:

«Не сыскать у вас и корки сухой на полке!
Полведра картошки не накопать за лето!
Вечно двери настежь. Каждый кобель в поселке
знает, чем за водку платит давалка эта!»

Посади их, Боже, в бричку свою, в повозку.
Брось попонку в ноги, ибо одеты плохо.
И стерев заката яростную полосу,
засвети над ними звезды чертополоха.

Подмигни им вслед пруда маслянистой ряской,
прошурши сухими листьями наперстянки.
Склей дремотой веки и убаюкай тряской,
чтоб друг с другом слиплись, как леденцы в жестянке.

И приснятся им за главной Твоей развилкой,
за холмом, горящим, словно живой апокриф:
тете Маше — внук, Маринке — моряк с бутылкой,
а сквальге Паше — полный солений погреб,

да еще пампушки и сковородка с карпом.
...Кто-то всхлипнет жалко, кто-то заплачет тонко.
А куда везут их с этим бесценным скарбом, —
ни одна не спросит, — не отобрали б только.

Алексей Зарахович

Киев

СТЕКЛОДУВ

1

Воды бродячее стекло
Качает лодку стеклодува
А он забыл про ремесло
...И я забыл про стеклодува
Кому ещё так повезло
На вымостках стоять и видеть
Всю видимость — и сущь и сырость
Весь вымысел — себе назло
Воды разбитое стекло

...На вымостках стоять и видеть —
Оттенки, тайники, приметы
Мальков тревожные полёты
И слышать не тебе советы
И верить — не твои заботы
Так рыбе, взятой под стекло
Приносят воздух в птичьём клюве

...И что ни выдох — ремесло
Трубит о спящем стеклодуве

2

Спал под молочной звездой и смеялся во сне
Снилось — растёт молоко, как цветок на окне

А за окном тополиной охоты рожок
Белого пуха июньский, неталый снежок
Смотришь и видишь, не видишь — глядишь всё равно
Как наливается звоном пустое окно

ПАЛИСАДНИК

Это тебе двухколёсное детство звонит
Сердца не чувствует — всего-то коленкой болит
Снова глядишь и не видишь — глядишь всё равно
Как через край перелившись разбилось окно —
Это забота твоя, запрокинув лицо
Пить, чтоб ни вдоха ни выдоха заподлицо

...Мелко вода пробегает и молоко
Перебежало смеясь далеко, высоко
Так, что и сон в рукаве, и дождь под стеклом
Мокрым снаружи, сухим изнутри сквозняком
Тычутся в руку, покуда течёт на весу
Детская комната окнами на полосу
Шитую ниткой зелёной на голубом
Так чтобы сон в рукаве, молоко перед сном

...А за окном — тополиной охоты рожок
Белого пуха июньский, неталый снежок

* * *

Тополиного пуха медлительный снег
На себя не похожий
Ни тебе снеговик
Ни тебе человек —
Просто вымысел божий
И от этого вымысла всё хорошо
Всё беспечней ненужность
Словно сердце в холодную воду вошло
И нырнуло поглубже
И на месте его — пустота
По краям передместья
Мост растёт на крови. У моста
Машет удочкой детство
Если влево кивок, то чехонь
Если вправо, то жерех
...Всё ты взрослая гладишь ладонь
Завоёванный берег

Сергій Злочий

Кам'янське

МОРЯЧКА

ти проводиш неспішний вітрильник до Смирни
й зігріватимеш довго у мушлі вушній
тихе дзенькання ринди в рипінні сумирнім
щогл і хвилі неспинне згортання в сувій —

ти чекатимеш довго з егейських просторів
не тютюн контрабандний чи прянощів пак
не турецьких прикрас не солоних історій
не фіналу ходінь на безсонний маяк —

ти чекатимеш довго — встроївши чекання
ніби ніж поміж рухів повільних і слів
щоб далекому серцю твоєму — вертання
і в чіпкім забутті виринали зі снів

* * *

осіннього ранку
прокинувшись
із відлітаючим
горобцем сну
руку просовуючи
у холодний рукав
сплячої ще сорочки
вмить усвідомлюєш
що крізь отой рукав
тебе таки втягнуто
в історію

чай з бутербродом
гріш на дорогу
осінь зима весна
літо і знову стислий
звіт перелітних птахів
на самоті приймає
металургійний горобчик
з іржею на крильцях —

ПАЛИСАДНИК

вічний козирний туз
у нетривкім рукаві

ДЕКІЛЬКА ДНІВ

Боже — ти дав нам дожити до серпня
і навіть в серпні днів декілька дав нам
щоб дощова пронизавши до серця
крапля холодна вколола у давнє

Боже за що така ласка — спіткати
човники жовті на дзеркалі ставу
осінню гнані у безвість відплати
що не настала іще не настала

Ірина Іванченко

Київ

ЗИМА

Еллі Леус

Зима, зима от марта и до марта.
Ты помнишь, как мы жили до зимы?
На площади святого Дюрренматта
горят костры по случаю чумы.

Но гражданам ничто не угрожает,
когда пожарно лает каланча.
Мой муж — палач, примерный горожанин,
а я — жена простого палача.

Снегами сонный город околпачен,
но ветер стих и вечер недалек.
Сосед-молочник и сосед-башмачник
захаживают к нам на огонек.

Я промолчу, а ты меня не слушай,
когда стоим, обнявшись, у дверей.
Воронья стая облепила грушу,
за нами надзирая из ветвей.

У здешних птиц — своя игра в молчанку.
Того гляди, накаркают беду.
Палач спешит на службу спозаранку,
застегивая куртку на ходу.

Звезда в окне — как бирка на подарке —
вот-вот слетит в рождественский носок.
Палач — он тот же лекарь: от подагры
избавит быстро выстрелом в висок.

Муж с петухами, ёжась от дремоты,
встает и уменьшается в плечах.
Все чаще вызывают на работу
его условным стуком по ночам.

Блестит каток у лысой водокачки,
весь в ссадинах под коркой слюдяной.

ПАЛИСАДНИК

Сосед-молочник и сосед-башмачник
отводят взгляд, здороваясь со мной.

Чини белье, на ближнего не сетуй.
Неделю почтальон не кажет глаз,
но в ящике с воскресной газетой
белеет приглашение на казнь.

Бросая все — и утварь, и посуду,
молочник эмигрирует во тьму,
как будто возвращается оттуда,
откуда не вернуться никому.

Погожий полдень у зимы в заначке,
парует снег на бане водяной.
Три дня тому пропал сосед-башмачник,
а завтра кто-то явится за мной.

Зима нескоро разрешится мартом
в окрестные болота и пески.
Муж смажет дыбу кукурузным маслом,
чтоб петли не завывали от тоски.

Зима одна, как Санта вездесущий,
на всех, кто сомневается, что жив.
День прибывает за луной растущей,
к времянке ночи путь запорошив.

Зарывшись в сон, густой и черно-бурый,
мы спим, не зная: зиму напролет
Господь очеловечивает буквы
и сходство с нами слову придает.

ЧУЖИНКА

Як сніг одійшов і черешневий цвіт одів'яв,
чужинка прийшла із давно позабутим ім'ям.
Худа і бліда, і чорнява, а скільки їй літ?
Блукає світами, відтоді як створено світ.

Як гостя незвана зайшла до оселі вона,
та жінка незнана, що зветься в народі — війна.
Залишилась на ніч, а вранці знялась — і на Схід,
і друг мій сердешний підвівся за нею услід.

Високий і статний, волосся його наче шовк.
Не кликала — він без наказу за нею пішов.
Як сотні і сотні ішли у годину лиху,
аби зупинити її на одвічнім шляху.

Стотисячний стогін над містом застиглим луна.
Як іній до скла, так і я приросла до вікна...

— О, як ти, мій друже, не вгледів у тому вікні,
як сумно, як темно, як холодно було мені?
Була синьоока — тепер сивоока повік,
і коси мої золотаві біліші за сніг.

— Не плач, моя люба, радій серед квітів і трав.
Я жінку вночі наздогнав, я її обійняв,
притиснув до серця, на землю упали удвох.
І бачили це тільки зорі грудневі і Бог.

Я маю чужинку, що вкралась до мирних осель,
відвести подалі від наших страждених земель.
До самих небес без спочинку нам з нею йти,
бо там, де вона зупиняється, ставлять хрести.

Радій, моя люба, черешневий стелиться дим.
У серці твоєму живому зостанусь живим.
Не я обираю той шлях, що судилось пройти.
Щоб неба дістатись, у землю потрібно лягти...

ЯЛИНКОВА РІДНЯ

Доня тепер у бабусі. Тож удома нас,
живих, двоє: ялинка і я...

Останнього грудневого дня біжу по
хліб. Біля доньчиної школи — безнадій-
ний ялинковий розпродаж. Кілька лагід-
них сосен у ролі манекенів, прикопані.
Решта — навалені жужмом, абияк.

Мене це не обходить. До новорічно-
го перепочинку ледве дотягнула. Втома
невідступна, тривога невичерпна. Та й
що мені святкувати? Сама біда навкру-
ги. Думка про ялинку здається блюз-
нірством. Біжу собі далі.

Раптом щось зупиняє, наче озвав-
ся хтось чи плачуть десь. Мозок ще
мчить по хліб, а ноги розгортаються у
зворотному напрямку. Так, після робо-
ти добігаєш до метро, краєм ока заче-
пивши скоцюрблену постать при вході.
Протискаєшся у засмальцьовані двері
та від турнікетів, ніби наштовхнув-
шись на перешкоду, вертаєш на вули-
цю. Літня жінка притискає до грудей
стаканчик з-під сметани, що взявся
памороззю. Намацуєш у кишені пару
гривень, стидаєшся, що мало, але ти-

цяєш у стаканчик мізерну свою офіру.
Відчуваєш хвилиenne полегшення і, вже
без остраху, пірнаєш у кротячу нору
підземки.

Продавець ялинок упадає коло перс-
пективної покупниці з дитиною у візку.
Поки йому не до мене, розкидаю хвойні
завали. Зойки в голові поволі прити-
шуються. Ось вона, моя птаха-невдаха.
Задублі гілки, як руки у труні, вчавлені
в стовбур. Але жива. Насилу витягаю
з-під звалища. Та ще красуня — обску-
бана, мов курча безневинне. Дивиться,
мовчить, очікує на вирок. Сосна-ялин-
ка. Це вона по батькові сосна. Усі при-
значені в жертву новорічному духові
звуться однаково — ялинки.

«Зв'язати?» — «Ні». «Дякую» ко-
титься горлянкою і застрягає у роті.
Адміністратор невідницького ринку
чого тільки не набачився, а і його жаль
узая. Стоїмо перед ним удвох на морозі,
обидві — оглашенні. Одна — у хустці
набакир і без рукавичок, друга — гіл-
ками прикриває чи то сором, чи то душу
свою зруділу.

«Газетку візьміть, а то руки замас-
тите». Що тобі, чоловіче, делікатно
відповісти? У нашому Гарлемі грязюка
плаває у повітрі. Хоч як ухилийся —
все одно влучить. Не замастити б те, що
всередині.

Доня відчиняє двері. Оченята — як
два блакитні місяці. За життя не знаєш,
що на тому Місяці діється. Вдвох зано-
симо ялинку до кімнати.

Десь на антресолі була хрестовина.
Лізу шукати. Першою знаходиться та-
това вушанка. Скільки повіддавали по
людях, а шапка віціліла. Як нова. І що
їй станеться? Речі безсмертні, бо в них
душа не болить.

Улаштовую гостю і біжу все ж таки
по хліб.

Повернувшись, чую, що доня з ялин-
кою вже запізналися. Цьвірінькають
по-своєму, по-пташиному. Заходжу до
кімнати, щебет умить уривається. Ба-
течки мої, а ялинка, ялинка — відтану-
ла трохи, призвичаїлася, — і розкрила-
ся, мов квітка пухнаста. На зріст — із
п'ятирічну дитину, але така охайна,
чемна, ставна. Наче вона не з лісу, а з
пансіону шляхетних дівчат.

І зовсім вона не руда, не суха. Ялин-
ки, як жінки, — негарними не бувають.
Є ті, кого більше не кохають. Ось вони і
засихають од самотності.

До вечора вбрали ялинку, накрили
стіл і відсвяткували утрюх.

Згодом Різдво оддзвеніло, Маланка
одщедрувала. Після Водохреща мір-
куємо з ялинкою про майбутнє. «І що
мені з тобою робити?..» Мовчить, ди-
виться. Копія — доня, коли кажу, що
для цуценяти у нашій 13-метровій кім-
наті немає місця. «Ну, добре, добре.
Їсти не просиш, живи собі. Ми ж тепер
начебто свої. А своїх на вулицю не ви-
кидають...»

Моя ялинка — мабуть, родичка того
переселенця зі Сходу, який винаймає
помешкання навпроти. В обох — відру-
бане коріння. Той чолов'яга спочатку
все носився туди-сюди у справах, робо-
ту шукав. Зараз удома сидить. Схоже,
справи закінчилися. Бачу його у вікно.
Наче він посивів? Ні, підняв комір, іній
на волоссі виблискує. Віддаю йому тато-
ву вушанку. Зрадив. Двадцять років, як
тата немає, а шапка, ти бач, таки стала
у пригоді.

Александр Кабанов

Киев

* * *

Солнцем снег занесло: каждый метр — солдатский, погонный,
золотится зима, принимая отвар мочегонный,
я примерз, как собачий язык примерзает к мертвецкой щеке,
а у взводного — рот на замке.
Солнцем снег занесло, и торчат посреди терриконов —
то пробитое пулей весло, то опять новогодняя ель,
в середине кита мы с тобой повстречались, Ионов —
и, обнявшись, присели на мель.
А вокруг: солнцем снег занесло вдоль по лестничной клетке,
и обломки фрегатов напали на наши объедки,
для чего мы с тобою сражались на этой войне,
потому, что так надобно было какой-то хуйне —
донесли из разведки.
Облака поутру, как пустые мешки для котят,
в министерстве культуры тебя и меня запретят:
так и будем скитаться, ходить по киту в недоумках,
постоянно вдвоем, спотыкаясь, по краю стола —
демон жертвенной похоти, сумчатый ангел бухла —
с мочегонным отваром в хозяйственных сумках.

* * *

Почему нельзя признаться в конце концов:
это мы — внесли на своих плечах воров, подлецов,
это мы — романтики, дети живых отцов,
превратились в секту свидетелей мертвецов.

Кто пойдет против нас — пусть уроет его земля,
у Венеры Милосской отсохла рука Кремля,
от чего нас так типает, что же нас так трясет:
потому, что вложили всё и просрали всё.

И не важно теперь, что мы обещали вам —
правда липнет к деньгам, а истина лишь к словам,
эти руки — чисты и вот эти глаза — светлы,
это бог переплавил наши часы в котлы.

ПАЛИСАДНИК

Кто пойдет против нас — пожалеет сейчас, потом —
так ли важно, кто вспыхнет в донецкой степи крестом,
так ли важно, кто верит в благую месть:
меч наш насущный, дай нам днесь.

Я вас прощаю, слепые глупцы, творцы
новой истории, ряженные скопцы,
тех, кто травил и сегодня травить привык —
мой украинский русский родной язык.

Владислав Кутик

Одесса

НА КУХНЕ

Солонка на столе и лук,
Початая бутылка пива.
Нетороплив ночной досуг,
К словам бумага терпелива.

Скрывает тайну каждый звук:
Урчанье труб, шипенье газа,
Неошутимые для рук,
Неразличимые для глаза.

К чему упорствовать — пора
Вернуться к точке невозврата:
Домой.
Здесь отчего добра
На грош, да заумей палата.

Но есть в углах и закромах
Порядок свой и беззаконье.
Где грех привадился, там страх,
Где совесть, там корит бессонье.

Теперь довольно и того,
Что есть, не сделалось бы хуже.
Приводит к мысли естество,
Чтоб стены выбелить снаружи.

Но прежде чем воспринял я
Все приходящее, как милость,
И соль рассыпалась моя,
И зеркало мое разбилось.

ПАЛИСАДНИК

БУКВАРЬ

Растаяла в памяти льдинка.
Опять по слогам в букваре
Читаю вопрос под картинкой:
«Кто сушит белье во дворе?»

Я помню, как выпалил: «Мама!»
Как все это было давно.
Я видел потом панорамы,
Эскизы, картины, панно.

Но в них совершенство и краски
Признав, не забуду моей
Книжонки, хранящейся в связке
Среди сокровенных вещей.

Случайно я, как первоклашка,
Наткнулся на пример в букваре.
И детства белеют рубашки,
И мама всегда во дворе.

Анатолій Кичинський

Херсон

* * *

Ти в пам'яті моїй —
немов іржавий цвях,
що вимучить мене,
допоки вирву з дошки.

Ти — наче прах земний,
котрий покрив мій шлях, —
це знов його в мій дім
несуть мої підшви.

Ти — гостра і гірка
сльози моєї сіль,
не підсолоджена
жіночими дарами.

Ти — незатихлий біль,
моєї рани біль.
Ти — бинт, що кров спинив
і прикипів до рани.

* * *

Накинь на плечі плащ —
надворі дощ іде.
Прощаючись, не плач —
ніколи і ніде.

Замолено гріхи.
Замовлено таксі.
Розходяться шляхи.
Прощайся, як усі.

Болить? Переболить.
Пора іти? Іди.
Прощайся — не на мить.
Прощайся — назавжди.
Ідучи, дверей не муч.
Ступивши за поріг,

ПАЛИСАДНИК

сховай подалі ключ,
щоб він знайтись не міг.
В сирий пісок зарий
і не шкодуй за ним.
Все 'дно замок старий
замініться новим.
Іржа той ключ найде —
не кайсь і не карайсь.
Іди — як дощ іде.
Як дощ — не озирайтесь.

* * *

Це небо чи ріка?
Це хмарка а чи волок?
Це слід від літака
а чи небесний сволок?
Це води, чи літа,
чи плин твоєї крові?
Це серце калата
чи дзвони вечорові?
Це обрій чи рубіж?
Це ти ще йдеш до нього
чи вже на нім стоїш,
загоюючи ноги?
Це поле чи безмеж
землі, повік твоєї?
Це ти іще живеш
чи вже поліг за неї?..

УКРАЇНСЬКА ПІСНЯ

Корені слів,
розгалужені в давній мелодії,
переплелися,
мов корені трав і дерев.
В пам'яті мови,
в чорноземі етимології
кожен корінчик —
неначе оголений нерв.

Ниточка голосу
тягнеться, тягнеться, тягнеться.
Котиться в небочко
вийнятий з горла клубок.
Дива не сталося,
а серце ніяк не отямиться:
плаче від щастя,
якого не дав йому Бог.

Олександр Косенко

Крапивницький — Одеса

* * *

Облиш печаль
Ти
Втіха не моя
В передчутті осіннього безчасся
Літа з літами
Як одна сім'я
Літа з літами
Ані краплі щастя
Терпка як сум
Осіння гіркота
Запала в душу
Опалила губи
Зриває ліс останнього листа
Либонь ворожить
Любить
Чи не любить
Не знає ріні днів холодна ртуть
І дощ краплинно точить камінь бруку

.....

Уже вінки купальські не сплетуть
Пожухлі квіти нашої розлуки

* * *

Коли вночі не спиться січню
На варту віхолі лихій
Кує мороз мечі двосічні
Донизу цілячи з дахів
І хижо втуплюється в землю
Закута холодом вода
Вона забула рвати греблю
Закрижаніла
Зла
Тверда
І бути соком м'яти-рути

ПАЛИСАДНИК

Стеблом
Суцвіттям
Колоском
Вона забулась кров'ю бути
Сльозою
Потом
Молоком

.....

Коли в душі не спиться січню

* * *

Без нас у пеклі вичахає спека
І небо пнеться пхнути нефілім
В цей грішний світ
Приносить нас лелека
І полишає
Наодинці з ним
Течуть степи насуплені снігами
Течуть віки
І вік людський тече
Та журавлі
Господнє орігамі
Знов підставляють небові плече
Тож не впаде воно на землю грішну
Лише дощами
Виплаче своє
Допоки журавлів глядить Всевишній
Допоки жменька
Для синички є

Евгения Красноярова

Одесса

* * *

Платаны плакали. В тумане
лучи сгущались и текли,
не доставая до земли
растрёпанными рукавами,

и было тихо и светло
в их умолчании лохматом,
как будто мир накрыли ватой,
отгородив его стеклом

от шума разных механизмов,
и лишь биение сердец
напоминало, что конец
туману —
бли-зок-
бли-зок-
бли-зок...

* * *

Ты спал под аркадами Трои,
ты мок под библейским дождём,
но дом твой ещё не построен
и сын твой ещё не рождён.

Налаживай парус покрепче,
берись за тугое весло.
Пока ты живешь, человеке,
надежда — твоё ремесло.

И если завидовать птицам,
то лучше обрезать канат,
чтоб в каждом витке повториться,
пока она вертится, брат...

ПАЛИСАДНИК

* * *

Бурьян заполонил курсивом
страницы пустыря. Овсяг
орловской пепельною гривой
по ветру плещется вовсю.

Зелёный стяг расправил плечи
над тем, что к лету не сбылось,
и подорожник сито лечит
ведро, пробитое насквозь...

Шагни в сирень — надёжней крыши
укроет тень её чернил.
Никто не вспомнит — не расслышит —
как ты сирени говорил,

что страшно было: пьян и буен,
бродил январь по проводам,
и, тромбы в небе образуя,
засахаривалась вода...

Прошло — ни карточки, ни слепка.
И дерзко просится в строку
смешная девочка-сурепка
с пастушьей сумкой на боку.

Любовь Кунцова

Одесса

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША СОВЕСТЬ!

Смешивая вечером коньяк с шампанским, будьте уверены — наутро голова зазвенит, как рында. И даже две чашки кофе не вернут вас в нормальное состояние. По крайней мере, мне они не помогли. Тупо вглядываясь в экран мобильного, я пыталась прочесть принятые ночью сообщения:

«Привет, милашка, я — твоя мысль. Вчера ты так напилась, что не захотела меня выслушать. Зайду попозже».

«Здравствуйте, я — ваша совесть. Вы потеряли меня в кафе. Сейчас занята — нашла себе хорошего парня! — но готова завтра обсудить условия окончательного развода».

— Ну вот! Ещё совесть будет со мной разводиться! Да в белых тапках ты мне снилась! — хмуро буркнула я и оглянулась, надеясь, что совесть всё же крутится где-то поблизости.

Но кроме лабрадора, жующего томик любимого им Бродского, в комнате — никого. В том числе и мысли. Да, ситуация! Но жить как-то надо. Честно говоря, и совесть, и мысль постоянно меня изводили, хотя с каждой по отдельности я прекрасно уживалась. К совести прислушиваюсь всегда, и это частенько спасает от неприятностей. У мысли же столько идей, что хватило бы на десяток нормальных женщин. Я, как вы понимаете, — ненормальная. Все дело в том, что мои мысль и совесть никогда и ни в чем друг с другом не соглашаются.

И так — сколько себя помню. Если в четыре года я разбивала любимую папину чашку, то мысль тут же подсказывала, что удобнее всего свалить это преступное деяние на младшего брата, он даже не будет отнекиваться. Разговаривать-то еще не научился. Но совесть тут же затыкала мне рот, и пока они с мыслью переругивались, я стояла безмолвно, что само по себе уже было признанием. Через пару лет мне будет тридцать, а ничего не изменилось! И если на работе мысль мне здорово помогает, а совесть молчит, то в личной жизни... Думаю, вы уже догадались. Вот и живем вдвоем с лабрадором — любителем литературы!

— Отдавай поэта, Зефир! — вздохнула я, ухватившись за край обложки.

Но единоборство прервал входной звонок. Почтальонша, якобы по врожденной доброте принеся бандероль, выглядела не лучше моего, так что за труды ей вместо пятерки пришлось сунуть червонец.

Едва я вошла в комнату, Зефир, которого с поэзии потянуло на прозу, бросился ко мне и вырвал из рук пакет. А на нем, между прочим, штамп издательства. Пришлось идти к холодильнику за котлетой, чтобы умаслить четвероногую сволочь. Неправильно, конечно, но если знаете другой способ — подскажите!

В бандероли кроме рукописи оказалась записка: «Повесть хорошая, но мы

ПАЛИСАДНИК

не можем её опубликовать. Обратитесь в другое издательство, вам обязательно повезёт».

Повезет, как же! Куда только не обращалась, результат всегда отрицательный. А чаще всего вообще не отвечают.

Горькие мои размышления прервал телефон.

— Здравствуйте, Лера! — произнес приятный мужской голос.

— М-м-м...

— Меня зовут Вадим. Нужно встретиться. Я нашёл вашу совесть.

— М-м-м...

Выглядела я, конечно, полной душой.

— Жду в кафе, где вы ее потеряли. Приходите прямо сейчас! — делово распорядился он. И повесил трубку.

«Фигу тебе!» — подумала я. Да мне после вчерашнего еще час себя в порядке приводить! Подождешь.

Но уложила я в тридцать минут — любопытство подгоняло. Вадима узнала сразу: обладатель такого приятного голоса просто обязан носить галстук от Бриони. «Где-то я этого парня уже видела!» — мелькнуло в голове.

— Присаживайтесь. Кофе или что-нибудь покрепче? — вежливо поинтересовался он.

— А давайте-ка сразу перейдем к делу! — предложила я хмуро.

— Скажите, как вы уживаетесь с вашей совестью? — В голосе Вадима звучал неподдельный интерес.

— Уживалась! — поправила я. — Так вы вчера тоже здесь были?

— Имел удовольствие.

Густо покраснев, я вспомнила вчерашний вечер...

Ужин в одиночестве, что уже просто вошло в привычку. Американско почти допит, пирог с черникой — доеден. Тут-то Он — мой бывший! — и появился. Да еще не один, а в сопровождении тонконогой блондинки. Заняли место в углу, на меня — ноль внимания. Не помню, что заказала сначала — коньяк или шампанское. Стул цеплялся за юбку, умоляя не делать ничего такого, о чём потом пожалею. Куда там,

не сдержалась! Лишила мужика дара речи, молча вывернув ему на голову блюдо с крабами! До чего ж приятно было слышать, как истошно завизжала его пассива!

— Где твоя совесть?! — завопил Он.

— А пошли бы вы с ней куда подальше! — гордо ответила я.

И отправилась к своему столику, чтобы упиться окончательно. Скорее всего, Вадим появился, когда мне уже было море по колено. Да, ситуация! Но куда не денешься, надо договариваться.

— Как вы нашли мою совесть? — спросила я.

— Скорее, она меня нашла! — нахмурился он. — Предлагаю сделку.

— Шутите? — Мне удалось изобразить негодование. — Я не заключаю сделок с совестью!

— Напрасно, — заметил он. — Условия для вас выгодные. Плачу тысячу долларов, а вы забираете ее назад!

Откровенная ухмылка на моем лице заставила его повысить ставку:

— Две тысячи!

— Я, можно сказать, только жить начала!

— Две с половиной! — не отступался Вадим.

— Как можно участвовать в таком постыдном торге? — как всегда не к месту вмешалась совесть.

— Явилась, не запылилась! — обозлилась я.

— Неужели не рада меня видеть?! — изумилась она. А затем обратилась к Вадиму: — Ну а тебе-то я что плохого сделала?

— Замучила нравоучениями так, что работать невозможно!.. Ладно, три тысячи!

— Соглашайся, дорогая, сумма приличная! — быстро шепнула совесть мне на ухо.

«Да ты у меня та ещё штучка!» — подумала я, а вслух произнесла:

— Идёт! Но дайте хотя бы день насладиться свободой!

— Ладно, перенесем обмен на завтра! — согласился Вадим. — А сейчас обмоем сделку!

— Почему нет? — миролюбиво согласилась я.

Официант, выросший как из-под земли, ловко откупорил бутылку шампанского. «Главное — не увлекаться!» — приказала я себе и очень удивилась, когда спустя пару часов звон упавшей вилки вернул меня на землю. Одновременно наклонившись, мы с Вадимом столкнулись лбами!

— Извини... те!

Мне понравилось, как он запнулся. И как на меня поглядел.

— Давай на «ты»! — предложила я.

И почему-то разволновалась, да так, что без сигареты не обойтись. В поисках пачки пришлось выложить из сумки ключи, помаду и злополучную записку из издательства. Вадим ее, конечно, увидел.

— Ты, оказывается, писательница!

— Это что, преступление? — спросила я.

— Нет. Просто забавно.

— Не вижу ничего смешного! — сухо произнесла я. — Ты же не думаешь, что я графоманка?!

— Нет, конечно. Твоя повесть очень даже неплоха! — улыбнулся он еще шире.

— Тебе-то откуда знать? — настоятельно спросила я.

— Ну... довелось прочесть! — уклончиво ответил он.

— Так это ты автор записки?

— Да, — признался он.

— Если повесть на самом деле хорошая, почему отверг? — холодно поинтересовалась я. — Только говори правду!

— А с твоей совестью иначе и не получится! — вновь улыбнулся Вадим. — Повесть же я отверг потому, что имя автора никому не известно. Издавать такую книгу рискованно.

— И что, никто из новичков не пробивается? — ужаснулась я. — Неужели исключений не бывает?!

— Практически нет. Разве что какой-нибудь близкий родственник издателя, — признался Вадим. — Или его любовница.

Да, совесть моя расстаралась на славу: Вадим отвечал честно, как на ис-

поведи. Только меня едва не стошнило от его правды. Или от алкоголя? Встав из-за стола, я гордо заявила:

— Ладно, не будем напрасно терять время. Я уйду! Совесть забираю, не беспокойся!

— Подожди, — хмуро произнес он. — У меня с собой нет трех тысяч.

— Можешь оставить себе! Я совестью не торгую!

Он долго на меня смотрел, словно я — какое-то диво, потом устало произнес:

— Ты не можешь вот так просто уйти!

— Почему? — осведомилась я. — Совесть я забрала. Ты свободен!

— Необходимо подписать договор на издание рукописи!

— Послушай, не морочь голову! В первый раз ты рукопись завернул! И никакой талант не помог! Что изменилось?

— Твоя совесть во всём виновата!

— Нет, вы это слышали?! — возмущилась совесть.

— И еще... я тебя лучше узнал, Лера!

— Значит, личные отношения всё же важнее? Может, ты ещё хочешь, чтобы я стала твоей любовницей?! — завопила я.

Подошедший официант посмотрел на меня с одобрением. Еще бы — одна и та же скандалистка закатывает сцены два вечера подряд двум разным мужикам. Интересно, как совесть мне позволила?! Раньше ни о чем подобном и мечтать было нельзя!

Совесть тут же явилась, легка на помине:

— Парень он нормальный, не сомневайся!

— Сводня ты, а не совесть! — сердито выпалила я и выбежала из кафе.

Родная квартира встретила какофонией: в унисон с телефонным зуммером лаял Зефир.

— Ты что, сообщение мое не прочла? — спросила трубка голосом Вадима.

СМС действительно была. «Приглашаю в издательство для заключения

договора». Нет уж, меня на такую приманку не купишь! Но Вадим не дал бросить трубку.

— Ты время посмотри, — предложил спокойно.

Знал, что делает: сообщение пришло перед тем, как я вошла в кафе. Мы еще не были знакомы.

— Возвращайся, я жду! — распорядился он.

Ну уж нет! Командовать дома будешь! Женой. Взглянув в зеркало, я увидела чучело с заплаканными глазами и растрепанной прической. Предстать в таком виде перед Вадимом было невыносимо! Все, никуда не иду!

— Ну и дура! — заметила совесть. — Он, между прочим, такой же несчастный и одинокий, как и ты.

— Не мои проблемы! И вообще... хотелось бы знать, где моя пропавшая мысль? — подумала я, ощущая в голове космический вакуум.

Мысль явилась поздно ночью, застав меня на кухне с сигаретой.

— Где шлалась? — зашипела я.

— Да у нас тут знатные посиделки вышли! — не смущаясь, заявила она. — С разными мыслями!

— Ладно. Выкладывай, что хотела! — примирительно предложила я.

— Слушай, в кафе прошлой ночью напротив тебя классный парень сидел. Глаз от твоей мордашки не отводил.

— Ну и что?

— Я подумала: неплохо бы тебе с ним переспать.

— Пошла вон! — лениво отмахнулась я.

По правде говоря, это было далеко

не первое циничное предложение, сделанное моей мыслью.

— А что, дама ты теперь свободная...

— Что же ты вчера-то молчала? — возмущилась я.

— С совестью твоей погрызлась! Кстати, где эта зануда?

— Спит. Умаялась, бедная.

— Отлично, можно поговорить без ханжества! Так как насчет того парня? Может, смотаемся завтра в кафе? Вдруг он там снова появится!

— Иди гуляй дальше! Опоздала!

Перед тем как выключить свет, я еще раз оглядела кухню. Слой пыли на подоконнике, на столе — недопитая бутылка вина и два фужера, а огромная чашка с недопитым чаем навечно прописалась на посудомоечной машине. В общем, типичная картина холостяцкой жизни. Ничего, приберём!

— Лера, ты куда исчезла?

Вернувшись в спальню, я юркнула в постель и вновь пристроилась на груди Вадима.

— Ну ты даёшь! — восхитилась мысль. — А что говорит совесть?

— Ничего не говорит. Живёт собственной жизнью.

— А почему нет? — поинтересовалась совесть, только притворявшаяся спящей. — Лерка, слава богу, пристроена, парня ей нашла хорошего. Пора уже и о себе подумать.

— Понятно, — вздохнула мысль.

— Ладно, давайте решим, что дальше делать.

— Ничего не хочу знать! — беспечно заявила я. — Что будет, то и будет!

И впервые в жизни не споря и не ругаясь, мы пришли к единому мнению.

Сергей Лазо

Тернополь

РЫБНЫЙ СУП

Мужики, вы готовить умеете? Нет, я не в смысле профессии шеф-повара в солидном ресторане, а просто сварганить какой-нибудь обед дома на кухне...

Традиционно в семье это дело женских рук (ах, какие котлеты готовила моя матушка, земля ей пухом!), но бывают обстоятельства, когда хочешь не хочешь, а приходится куховарить самостоятельно. Среди моих приятелей, коих, кстати сказать, не там уж много и осталось, готовкой никто не блистал. Самым продвинутым, пожалуй, был Олег, который вот уже лет десять жил вдовцом. Верхом его кулинарного искусства была, разумеется, яичница, которую роскошно дополняли колбаса, расчленённая так, словно её кромали бензопилой, куча мокрых овощей в пластмассовой хлебнице и мастерски разлитые рюмки. Дам, увлекаемых в гости (не без умысла, конечно!), он обычно угощал именно этой нехитрой снедью; те поначалу приятно удивлялись, а затем воленс-неволенс подтягивались к плите. Олег, развалившись на диване, попыхивал сигареткой и давал ценные указания. Однако и особых изощрений не позволял. «Чтоб не привыкали! А то ведь после приготовленного обеда уже планируют сесть и переставлять мебель...»

Короче говоря, супруга уехала в столицу на недельный семинар, и я остался совсем один. Пару дней обедал в ближайших забегаловках, но привыкший

к домашней готовке, вдруг подумал, что мог бы и сам попробовать... Жена подлила масла в огонь, утром по телефону она издевательски прошептала:

— Ты мне столько раз говорил, что лучшие повара — мужчины! Вот и воплоти это на практике!

Деваться некуда, я надел фартук в цветочек и распахнул дверцу холодильника. Взглядом Цезаря окинул стратегическое пространство. Самым простым решением, конечно, были пельмени. Однако их в наличии не оказалось, а идти в магазин значило по дороге завернуть в грузинскую кухню «Гости Нико»... Я достал телефон и уже через минутку старательно записывал рецепт, надиктованный женой:

— Оптимальный вариант для тебя — рыбный суп. Сначала в кипяток бросаешь две картошки, почищенную и порезанную скумбрию...

— Подожди, а где я возьму эту скумбрию?

— В холодильнике! Может, для тебя это открытие, но там есть морозильная камера. Пока приготовишь ингредиенты, почистишь картошку, морковь, помоешь зелень, перец, помидоры, рыба разморозится... А вода там, кстати, у тебя есть?

— Конечно, есть. Вон из крана капает...

— Нет, суп надо варить на другой воде. Этой только посуду мыть. Залей

ПАЛИСАДНИК

в «Эковод», пусть она прочистится. Так, пиши дальше... Добавить луковицу, морковку и две столовые ложки пшена... Пшено стоит в шкафике справа от мойки. Прозрачная банка с красной металлической крышкой. Записал? Всё это варишь пятнадцать минут...

Когда рецепт был дописан и утверждён супругой, я, уже растерявший все свои романтические иллюзии, внимательно прочёл конспект и понял, что обедать придётся под вечер. Но отступать некуда. Полез в морозилку, отодрал примёрзшую к ледяным овощам рыбу и бросил размораживаться. Затем извлёк заветный «Эковод-6», залил водой все три отделения, воткнул в розетку и приказал аккуратно разделить содержимое на катоды и аноды. Убедившись, что процесс пошёл, принялся чистить картошку. Когда-то я это уже делал, так что особой паники не возникло: шершавая кожа тянулась из-под ножа и летела в ведро полукруглыми стружками. Даже понравилось! С морковкой дело обстояло сложнее: её пришлось долго шкрябать, постоянно возвращаясь к упрямым чёрным подпалинам. С луковицей, перцем и помидорами вообще никакой мороки. Я выложил почищенные овощи на тарелку, окинул хозяйским оком и зауважал свои проснувшиеся поварские таланты. Ткнул вилкой скумбрию, рыба заметно подтаяла. Неожиданно глаз резанула стопка грязной посуды, оставшаяся с позавчера. Натянул резиновые перчатки, нашёл бутылку с нарисованной на ней блистающей утварью и начал посудомоечный процесс. Даже представил, что музицирую в духовом оркестре — подбрасываю тарелки. Одну, к сожалению, не поймал... Зазвонил телефон. Переступая через осколки, потянулся к трубке.

— Братэлло! Холостякуешь и молчишь?! Я к тебе сейчас с Танькой зарую!

— Я только что тарелку разбил!

— Так это ж на счастье!

— Не-е, Олег, я занят! У тебя что, хаты нет?

— Так там Светка поселилась! Третий день не могу выгнать! А тут Татьяна зарисовалась... Соскучился... Мы тебе мешать не будем...

— Да я обед готовлю!

— Ну ты даёшь! Так я же могу помочь!

— Яичницей с колбасой?

— Лёгко! Мчусь за бутылкой!

Вот досада! Раз в кои веки отважился блеснуть на кухне, и на тебе! Непрошенный гость хуже татарина.

Фарфоровые осколки исчезли в мусорном ведре. Рыба обмякла окончательно, и я приступил к харакири. Вычистив внутренности, подставил под струю воды. Два звонка раздались одновременно: «Эковод» сообщал о готовности живой и мёртвой воды, а домофон приглашал радушно встретить дорогих гостей. Пришлось бросать рыбу и идти мыть руки. Весёлые трели сверлили уши, я выдернул вилку из сети и побежал в коридор открывать.

Олег без лишних церемоний пожал мою ещё влажную руку, продемонстрировал белокурую Татьяну, заставил её продефилировать коридором, после чего увлёк в гостиную, понимая, что в супружескую спальню допущен не будет.

Я вернулся на кухню. Вода закипела быстро, её бурлящая поверхность поглотила картофель, глянцевою луковицу, оранжевые кружочки моркови и корень петрушки. В приоткрытую дверь просунулась голова Олега.

— Штопор есть? Накатишь с нами?

Увидев мою кулинарную сосредоточенность, он дипломатично удалился, бросив из коридора: «Ладно, мы тебе стаканчик оставим...»

Кастрюля продолжала бурную гейзерную деятельность, и я вдруг вспомнил, что забыл засечь время. «Сколько оно кипит?! Ну, предположительно минут пять...» Заглянул в рецепт и похолодел. Пшено! Две столовые ложки! Его же надо было бросать сразу! Так, где же оно?! Ага, в шкафике над мойкой... Я открыл банку, зачерпнул пшена и понёс к кастрюле. Почему пшено рассыпалось, не ответит никто, потому

что таких ответов в природе нет. Теперь пришлось искать веник и совок. В процессе подметания посетила рациональная идея: чем выбрасывать добро, лучше насыпать голубям (жена каждое утро подкармливала их на подоконнике). Я приотворил окно и стал аккуратно сметать птичьи деликатесы. За этим нехитрым занятием меня застал Олег, снова нарисовавшийся в дверях.

— Ну ты, чувак, даёшь! Мусор за окно — это круто! Кто из соседей так протрафился?

— Какой мусор?! Пшено рассыпалось!

— Пшено на голову с четвертого этажа — тоже неплохо...

— Так, короче, ты чего хочешь? Стаканы?

— Нет, я фужеры взял... Старик, одолжи гандон!

— Какой гандон?! Мне крупы надо в суп сыпать, все сроки прошли...

— Суп подождёт, — стоял на своём Олег, прикрываясь дверью, как простыней.

Пришлось снова отрываться от дела, что тут поделаешь...

— На, держи, маньяк! А «одолжи», это как понимать? Попользуешься и вернёшь на доработку?

Олег расплылся в улыбке.

— Бра-тэл-ла! Спаситель! Я сам от себя такой прыти не ожидал! А Танька — ну просто кошка какая-то мартовская... Слушай, давай её приговорим, чтоб ты тоже разок занырнул... Она поведётся!

— Да пошёл ты...

Кастрюля угрожающе булькала, я уменьшил огонь и наконец-то добавил пшена. «Ладно, доварится в общем контексте...» После пятнадцати минут кипения предписывалось добавить ароматного перца и половинку чайной ложки кориандра. Добавил. Пауза в десять минут пришлась как нельзя кстати: помыл зелень, убрал со стола, сполоснул посуду. В кухне уже пахло ЕДОЙ, что, ясное дело, приятно возбуждало. А вот и ключевой момент: в бульон нырнула четвертованная скумбрия, кровоточа-

щие дольки помидора и болгарского перца. Теперь запахло не на шутку! Именно так, как обычно пахло, когда на кухне колдовала жена. Признаюсь, стало подкрадываться законное чувство гордости — могём, ёпэрэсэтэ! На радостях сыпанул за окно призовую горсть пшена, что вызвало неописуемый восторг голубей, резко перешедший в драку. Глупые — смели зерно с подоконника и улетели голодные... Между тем настала заключительная пора: я добавил петрушку, укроп, украсившие гейзеровую поверхность свежей зеленью, и воткнул несколько сухих листков благородного лавра. Вот он, долгожданный букет настоящего рыбного супа...

Скрипнула дверь и в проёме появился гоголевский персонаж — нос. Нос Олега с хищно раздувающимися ноздрями.

— Старичок, у тебя здесь благоухает, как в раю! Ты что, уху забацал?

— Рыбный супчик из скумбрии.

— Ни фига себе! Слушай, там в комнате твой мобильник звенел...

— Жена наверное... Сейчас перезвоню.

Я снял с огня кастрюлю и поставил в сторонке потопиться в собственных ароматах.

— Зови свою мартовскую кошку, будем снимать пробу.

Олег запахнул рубашку, радостно потёр руки и, обернувшись, призывно крикнул: «Татьяна, лети на кухню, здесь на дурняк кормят!» В это время из дальнего пространства зазвонил стационарный телефон. Я снял с батареи кухонное полотенце, вытер руки и направился в коридор. «Жена не дозвонилась на мобилку, теперь набирает домашний...» Неожиданно кто-то снял трубку, и в полумраке раздалось эротически нежно: «Ал-ло-оу...» Я похолодел, догадываясь, как отреагирует супруга.

— Какая же ты скотина! Не успела уехать на пару дней, как ты уже обвешался потаскухами...

Встревать в это извержение вулкана бесполезно. Процесс, как на старом бобинном магнитофоне: будет звучать,

пока не закончится плёнка. Я положил трубку на книжную полку и тоскливо уставился в полумрак. Свет не включал. В тишине зудел электронный монолог в лучших традициях системы Станиславского. Длилась четвертая минута моего вынужденного молчания, когда на кухне, наконец, утих весёлый смех. Из светлой полосы света прошлёпал Олег и, вытирая рот тыльной стороной ладони, потянулся к извергающейся телефонной трубке, шепнув мне при этом: «Извини, чувиха лоханулась...»

— Светочка?! Свет очей моих! Это Олег! Да, да, Олег... Вот заглянул к твоему супругу в гости с подругой... Какой, какой... Татьяной! Да не издевайся, не всем же так везёт, как вам. Ищу, ищу свою половинку... Слушай, он тут заделался таким кулинаром, что поверить не могу. Боюсь обидеть, но его супчик почти как твой. Ну, чуток недотягивает, но мы в шоке! Конечно, конечно... Рецепт перепишу, обязательно перепишу. А как приедешь, сразу ко мне. Кстати, тоже клёвый рецепт имеется... Да, потряса-ающая ящница! Ладно, даю...

Он подмигнул, протянул трубку и с чувством исполненного долга удалился на кухню.

— И чего ж ты молчал, как в рот воды набрал?

— Ты что, дашь слово вставить?

Я всё ещё по телефону разбирал полёты, когда мои щебечущие гости засобирались и стали прощаться. Олег пропел дифирамбы моим поварским способностям и ещё раз попытался внести ясность:

— Старик, Татьяна перед этим звонила, думала, это ей ответили, ну и подняла трубку. Извини, что так получилось...

Татьяна поцеловала в щеку и виновато проворковала: «Мы это как-нибудь исправим...»

На кухне ожидали новые открытия: сваленные в мойку тарелки, ложки, гора рыбьих костей и хвостик скумбрии, сиротливо плавающий на дне остывшей кастрюли с дивным рыбным запахом. У мусорного ведра стояла винная бутылка, которая тоже меня не дождалась.

Я накинул куртку и направился в подвальчик грузинской кухни «Гости Нико». Давно собирался попробовать суп харчо, призывно дымящий на рекламе. «Больше съешь — меньше заплатишь!» Мудрые люди живут на востоке...

Мирослав Ляук

Львів

Я ЗАГУБИВ СВІЙ КАПЕЛЮХ

я загубив свій капелюх
той капелюх якого не мав
серце під ним — його форма лопух
ловить трамвай прилипає до скла

і я стою тепер наче гриб
його лисиця не їсть і лось
а йде по лісу якийсь тип
і відбиває шапку в осінь

що ж слухай рейку і кров тримай
лист лопуховий над лосем несеться
і лисицею
краваний трамвай
капелюх відтинає від
форми серця

ГАРНІ ДЕРЕВА

коли померла віслава шимборська
мій сусід через паркан
почав виходити в сад і казати:
дерева дерева які ви всі гарні — такі гарні
що неможливо вибрати на котрім із вас вішатися

він звісно не знав хто така шимборська
а якби я йому сказав це ім'я
він би старий точно перепитав:
хто-хто — наталя цімборська?

та вішайся вже нарешті! —
з часом почала кричати йому зла дружина
котра колись позичила у нас п'ять мішків цементу
і досі не віддала
(а ще її покійний батько у війну допомагав фашистам!)

ПАЛИСАДНИК

а чоловік відповідав: ці дерева такі гарні
що неможливо вибрати на котрім із них вішатися —
зрештою одного дня повісилася сусідка
на вербі

—

ну добре: я трохи перегнув
не повісилася — померла своєю смертю
але п'ять мішків цементу
так і не віддала

СНІГ ЗЕМЛІ І СНІГ НЕБА

коли померла прабаба корнелія
видав сніг такий що діватися було нікуди
хіба ходити з заплющеними очима

вона стояла над піччю варила бульйон
і щойно згорнулася куряча кров — прабаба упала
а потім пішов сніг

жінки шепталися про те як корнелія виходила надвір
і — сонячно чи хмарно — проклинала погоду
голосно на всі горби

і коли чоловіки до цвинтаря розчистили дорогу
то обернулися назад і зрозуміли
що нічого не розчистили
бо ішов не тільки сніг неба
а й сніг землі

але це таке — буває
головне — казав дід петро її син —
що сніг із того часу не зупинявся —
він кожного дня і кожної ночі йде — а ми й не помічаємо

а я питав: як це не зупинився —
глянь у вікно там же літо
а він відповідав: і нащо ти до школи ходиш?!
нічого ти не розумієш
байстре

ШКІЛЬНІ ДЕРЕВА: ТОПОЛЯ

ложкою копали молоду картоплю
аби не розбивати всього куща
забирати велику й залишати малу рости

але ми підкопували тополю під школою
на кожній перерві
ми підкопували тополю під школою
аби вона впала й завалила це все до біса

наші однокласники грали у весілля
де ми мали бути батьком і гостем
але ми підкопували тополю
вони вже грали у народження дітей і хрестини
де ми мали бути акушером і священиком
але ми підкопували тополю

ми не любили її
її огидних як розчавлений хрущ бруньок
її пуху який ліз у ніздрі
її висоти

але ми підкопували тополю
як гріх нашого народження
через який усі ці страждання

—

я прийшов недавно туди
де школа ціла
а яма нашого дитинства заросла

і тополя —
уся вища

Леонид Лейдерман

Одесса

РИВЧЕК

Он вырос на Пересыпи и там его звали Ривчиком. «Ривчик!» — звали его поиграть в футбол. «Сейчас!» — отвечал он и мигом вылетал во двор. «Ривчик!» — звала его мама. — «Обедать!» «Сейчас!» — отвечал он, но «сейчас» не всегда получалось, и тогда он уже знал, что обеда не получит — мама была тверда. И сестрички, которых вокруг никто не обижал, потому что это Ривчика сестрички, они против мамы не могли пойти, и Ривчик так и ходил голодным до самого ужина.

Пересыпь — это перегородка между морем и лиманом. Пересыпь упирается в порт. Когда Ривчик вырос, он пошел работать в порт — грузчиком. А что? Хорошая работа. Платили прилично, и еще с работы можно было чего-то домой принести. А то и заработать пару копеек.

В тридцатом году ему было двадцать лет, и он был не только крепким и ладным, но мог и пригласить девушку на танец, и вроде симпатично у него получалось. Чаше, чем других, он приглашал танцевать Женю — Шендлю с Ярмарочной площади. Он знал, где она живет, — провожал домой с танцплощадки у Пересыпского моста. Его сестрички уже готовы были к тому, что они с Женей породнятся, потому что Рив-

чик больше ни на кого не смотрел. Да и Женя вроде была не против.

Вроде. Вот именно, что вроде. Появился какой-то незнакомый хлопец, не пересыпский и не городской, откуда-то со стороны, и она с ним закрутила и уехала куда-то. Уехала и уехала.

Но так выходило, что у старшей сестры Ривчика уже двое детей, а он и не женат даже. И когда подошла война, он так неженатым на войну и ушел. И было у него против других, кто уходил вместе с ним, важное преимущество — если что случится, то плакать будут не жена и дети, а только сестры да племянницы, которых, надо сказать, он нежно любил.

Всю войну Ривчик провел за рулем грузовика. Это должна была быть легендарная полуторка или не менее легендарный ЗИС-5, потому что на «студебеккерах» ему вряд ли пришлось поездить. Судя по медалям Ривчика, а медали у него были «За оборону Кавказа», а потом «За оборону Заполярья», — ездить ему пришлось исключительно по отечественным дорогам и на отечественных автомобилях. Потому что на Кавказе понятно почему, а в Заполярье границу Советского Союза противник так и не переступил, так что и на территорию противника заезжать

Ривчику на «студебеккерах» не пришлось. Это был единственный участок западной границы, где враг не прошел. Был еще один интересный участок, где противник — в самом начале войны — не только не прошел, но и отступил, и наши его преследовали на его же территории. И участок этот был — Одесса, где военное командование, вопреки приказу свыше, не отвело войска от границы, а встретило внезапное нападение всей мощью наличного оружия. Но Ривчика, хоть он и коренной одессит, в данный славный момент здесь уже не было.

Про военную шоферскую службу Ривчика мало что известно. Слыхали лично от него, как однажды на Кавказе он перевозил упакованный голландский сыр в сопровождении какого-то лейтенанта. Вряд ли лейтенант служил по интендантской части, поскольку был так же голоден, как и красноармеец Ривчик. Но в отличие от Ривчика, лейтенант был не за рулем и в какой-то момент решил перебраться из кабины в кузов. Ривчик не сразу сообразил, что причиной этому был тот самый сыр, который они везли. Лейтенант наверняка отлично понимал, что сыр, во-первых, нужно довести в целости и сохранности, и во-вторых, если уж эту сохранность нарушать, то хорошо бы предложить и шоферу в этом поучаствовать, но...

Ривчик мог бы и не узнать ничего, если бы лейтенант не перестарался. С голодухи он не успел подумать о своеобразном воздействии твердых сыров на пищеварительные процессы. И в какой-то момент, будучи уже рядом с Ривчиком в кабине, должен был признаться, что чувствует себя крайне болезненно и край этот приближается катастрофически быстро. На счастье незадачливого экспедитора, еще быстрее Ривчик сообразил, что искать спасение нужно — в клизме. При виде ближайшей деревни свернули с пути, остановились, объяснились, нашли что надо, Ривчик самолично свершил экзекуцию, и — поехали дальше с вполне ожившим лейтенантом.

Конечно, возил Ривчик не только сыр, но и хлеб, и патроны со снарядами, и бочки с горючим, и раненых возил, и под обстрелы и бомбежки попадал, — без этого войны не бывает, но — рассказал только про сыр. Однако когда при нем заводили песню, в которой «мы вели машины, объезжая мины», он как будто замирал в задумчивой улыбке.

С войны Ривчик вернулся не только живым, но и невредимым. Нагрязнул нежданно с фанерным чемоданом — наверное, с гостинцами, но точно — не с трофейными. Старшая сестра с одной дочерью жила тогда в Одессе, в Лузановке, вторая ее дочь — в Полтаве с мужем, потерявшим в войне ногу. Младшая сестра Ривчика тоже была в Одессе, на Пересыпи, на своей Тряпичке — Тряпичной фабрике. Уборщицей в цеху. Жила тут же, в общежитии.

А Ривчик пошел искать работу шофера — на грузовик. И нашел.

Но не только полюбившуюся ему работу нашел себе в Одессе Ривчик. Однажды встретил он свою довоенную любовь — Женю, ту самую, что — лопни, но держи фасон! — после танцев, на каблучках, «от Моста до Бойни» — легко! И где теперь эта веселая довоенная Одесса... В воспоминаниях только...

Женя в Одессе после эвакуации, с тремя детьми. Муж погиб. Своей квартиры здесь у нее и до войны не было, так что возвратиться возвратились, только где жить? Приткнулись у родни, потом почти случайно поселились в подвале, там и живут. А что Ривчик? А Ривчик как был один, так один и остался. Живет у сестры, как и до войны. Вот шофером стал...

А потом Ривчик переехал к Жене в подвал на Успенской. Переезжать ему было, видно, несложно, если для перевозки вещей ему хватило того самого фанерного чемодана. Вот так они с Женей соединили свои жизни снова, спустя много лет. Как будто дождался Ривчик... И заодно сразу стал отцом троих детей.

Дети были девочки. Младшая очень быстро стала называть его папой и была с ним на «ты». Средняя с ним была на «вы» и звала его, как мама, — Ривчик. Он против «вы» не возражал, был с ней в дружбе и даже иногда брал с собой в недалекие командировки. Дома он ей — вот притвора! — громко жаловался — «Мама моя, кажется, керосином пахнет!» — и подсовывал свежеприготовленный хрен. Так было не раз, и каждый раз она доверчиво и вдумчиво внюхивалась в этот хрен, отчаянно чихала со слезами на глазах, потом говорила «Ну Ривчик!» и, так и быть, прощала его.

Сложнее было со старшей. Он ее понимал — она помнила отца и потому держалась от Ривчика на расстоянии. Женя переживала и не знала, как себя вести. А он знал. Знал, что нельзя «давить на психику». Что нужно терпеливо ждать. Придет время, и всё станет на свое место — или враги, или друзья. Он был прав, пришло время — они стали друзьями, но потом.

Много чего было потом. Много чего.

Во-первых, была работа. Всю свою послевоенную жизнь Ривчик проработал за баранкой, то есть за рулем. Работал на грузовиках — на открытых, на фургонах. Достигнув пенсионного возраста, Ривчик с работы не ушел. Именно тогда директор автобазы предложил ему пересесть на легковую машину, на легковой легче. Он согласился, но больше чем на пару месяцев его не хватило — он попросил вернуть его обратно.

В те годы автоинспекция, когда водитель нарушал какие-нибудь правила, требовала у него технический талон и делала в нем прокол. Так вот, в талоне Ривчика за все годы его работы не было ни одного прокола. Видали вы таких шоферов? Может, они и есть, только не много. Аккуратно ездил. Не нарушал. И никуда притом не опаздывал.

Ривчик в своих автобазах — а их было за всю его работу всего две-три — был

вроде рядовой водитель. Он никогда не был ни над кем начальником — бригадиром или кем-нибудь еще. Он состоял в партии — во время войны вступил, как многие, в тогда еще ВКП(б), — но никогда не выбирался в секретари. А вот иногда приходили к нему домой с работы — поговорить, и видно было, что его как-то выделяют. Уважают. А «шоферня», как о них часто говорили, лишь бы за что уважать не станет.

Так вот, во-первых, была работа. Во-вторых, была семья. Женя, дети. Три девочки, которые росли и — выросли. Вышла замуж и с мужем уехала по назначению средняя дочь. А старшая замуж еще не вышла. И это непорядок. Первой должна выйти старшая... И есть еще младшая, которой вот-вот тоже замуж будет пора. А в семье мужчина — один он. И за всё в ответе. Это «во-вторых». А есть еще и «в-третьих», у него есть еще одна семья — две сестры. У старшей Ривчика сестры уже внуки. У младшей Ривчика сестры мужа нет и не будет никогда, она вроде Христовой невесты, только не в монастыре, а на Тряпичной фабрике. И вот за них за всех в ответе тоже один он, Ривчик.

Такие были у Ривчика ипостаси — работник — раз, муж и отец — два, а еще единственный брат.

У всякого человека из чего состоит жизнь? Из маленьких и больших проблем. И у Ривчика их было тоже вполне достаточно. Ну и первая проблема — это жилье.

Подвал, который в далеком сорок четвертом облюбовала Женя, подвал этот был не из худших. Сухой и теплый. Две большие комнаты, одна с окнами на улицу, вторая с окном во двор, плита с грубой. Только вот окно заканчивается там, где начинается асфальт, так что девочки своих подружек узнавали не по блузкам и прическам, а по ножкам да босоножкам, потому что лиц было не видно. Это значит, что подвал был темный, и у младшей уже начинались

проблемы со зрением. Ну и главное — у девочек были уже не только подружки, но и ухажеры, то есть завтра здесь будет тесно...

Из подвала нужно было как-то выбираться. Но как? Ответа на этот вопрос не было ни у кого. Многие мечтали хоть о подвале, тем более сухом.

Как человек женатый, Ривчик пошел в профсоюзный комитет становиться на квартирный учет. Конечно, это долгая песня, но всё-таки надежда.

Женатый-то женатый, только нужно для начала свидетельство о браке показать. А свидетельства нет, и Женя, оказывается, не может идти в загс. Вот тебе раз!

А у Жени муж погиб? — А она не знает. — Как это не знает? — А вот так. Думает, что погиб, но точно не знает. — А что, пропал без вести? — Вот именно, что пропал. — Так нужно запрос сделать, может, что-то скажут. — Нет, ничего никто не скажет, да и страшно запросы делать. Потому что пропал он не в войну, и даже не в Финскую кампанию, а пропал в тридцать седьмом, и с тех пор никакой о нем вести. Пропал без вести. Она думает, что погиб, а спрашивать опасно, потому что она и дети сразу проявятся как жена и дети врага народа. А для жен, говорят, есть спецлагерь, а для детей спецдетдом.

Ривчик помнил ее мужа — еще бы не помнить! Роста вроде такого же, как и он, но казался выше. Культурный. С Женей обходительный. И что же случилось?

А кто ж знает, что случилось? Он был по профессии строитель, тогда работал начальником комбината по сборным домам — для военных на Дальнем Востоке, у маршала Блюхера. Арестовали и его, и главного бухгалтера. Потом сказали, что они враги народа.

Поселок был маленький, все друг друга знали. Знали-то знали, а получается, не всё знали. Что эти двое враги — никто же не знал! А вот — оказалось.

Только не все поверили.

Тамошняя милиция держала арестантов в своем полуподвале. Передачи

для мужа принимали, а свиданий не давали — не положено. Однажды подошел к ней милиционер (она его знала, он был как-то с мужем у них дома) и велел прийти вечером. Она пришла. Он повел ее за милицееское это строение, повел к приямку, куда выходила решетка арестантской камеры, и негромко сказал в окно:

— Мы пришли.

И отошел в сторонку.

Так она увидела мужа. Тогда он сказал ей: «Женечка! Забирай детей и уезжай отсюда. Что со мной будет, не знаю. Меня не ищи. Если выберусь, я тебя найду сам. Уезжай!» И уже стоял рядом с ней этот знакомый милиционер, надо было уходить.

Он сказал: «Забирай детей». Детей — старшую и вторую, которая родилась за два месяца до его ареста, она собрала и уехала. Сначала в Хабаровск, к брату, а оттуда домой, в Одессу. Больше она мужа не видела.

Надежды на то, что он жив, у нее давно не было. Но ей никто не сообщил, что он умер. Поэтому она считала себя замужней, у нее было свидетельство о браке... Она не могла вступить в еще один брак.

Вряд ли Ривчик на эту тему много говорил. Главное было — жалость к ней, большая жалость.

Ривчика поставили на квартирный учет как одинокого. Работал он тогда в системе потребительской кооперации. «Облпотребсоюз» — так вроде должна была называться эта разветвленная и достаточно мощная организация. Которая могла даже строить для своих сотрудников жилье.

И пришел день, когда на углу улиц Комсомольской, бывшей Старопортофранковской, и Чижикова, бывшей Новорыбной, вырос дом, в котором Ривчику полагалась квартира. Дом был, по тогдашним одесским меркам, очень хороший, добротный, с удобной планировкой и высокими потолками, «сталин-

ский», как быстро прозвали дома такого проекта. Ривчику как несемейному человеку выделили комнату в двухкомнатной квартире. При этом комнату, которая побольше, дали на двух человек — начальнице экономической службы, у которой была дочь. А Ривчику, на одного, досталась комната поменьше.

Интересно отметить, что в связи с квартирным голодом наблюдалась тогда, можно сказать, дискриминация по половому признаку. Причем дискриминация была одинаково по отношению к любому полу. Когда родителей был полный комплект, тогда вопросов не было. А вот когда семья неполная, этот вопрос возникал обязательно. То есть если бы у экономистки был большой сын, ей бы дали всю квартиру, а Ривчик, может быть, еще бы подождал. Но у нее была дочь. Большая уже, но дочь. То есть однополоый ребенок. И маме поэтому полагалась только одна комната. Одна. Вот такая дискриминация.

В выделенной квартире комнаты были смежные, то есть одна, меньшая, та, что для Ривчика, была проходная. И получалось, что это не коммунальная квартира с общей кухней, а какое-то полуторасемейное общежитие. Между тем теоретически мог случиться и другой вариант. Экономистка и Ривчик были люди одного поколения, давно знали друг друга по работе и находились в достаточно уважительных отношениях. Почему бы им, оказавшись (случайно!) в таком близком соседстве, не распорядиться квартирой для создания, наконец, нормальной семьи? Ведь и он, и она свободные люди! Теоретически мог случиться такой вариант.

Но это теоретически. А практически Ривчик был несвободен. И потому меньшую свою комнату еще уменьшил, зато сделал ее совершенно отдельной. И привел свою незаконную жену в первую в его жизни собственную квартиру. Пусть коммунальную, пусть укороченную, но свою. А в подвале остались выросшие дети.

(О теоретически возможном повороте семейной судьбы Ривчика можно бы

и не говорить, но упомянуто о нем не случайно. Женя и соседка-экономист много лет прожили в одной квартире и прекрасно вели свое коммунальное хозяйство, но... Знающие люди утверждают, будто Женя никогда не забывала, что рядом с ней живет свободная женщина.)

Друзья детства Ривчика были друзьями и Жени тоже. О сестрах и говорить нечего. Поэтому когда Ривчик и Женя снова оказались вместе, то и друзья, и сестры были этому искренне рады. И в это нужно поверить, потому что и друзья, и сестры в гости приходили не столько к Ривчику, сколько к Жене, всегда своей и всегда гостеприимной.

Когда жили в подвале, выкупаться дома было совершенно нереально. Чтобы просто умыться, под отливом (или раковины, мойкой) стояло обычное ведро, которое по мере наполнения выносилось наверх, в дворовый туалет. Поэтому купаться ходили в баню. В воскресенье утром, пораньше, за Ривчиком заходил его старый товарищ Левин, которого сам Ривчик называл Левчиком. (Женя, а вслед за ней и дети, называли его по фамилии — Левин.) После бани Ривчик с Левиным возвращались домой, чтобы вместе позавтракать. Женя, готовясь накрывать на стол, задавала важный для нее вопрос — будут ли они пить чай, на что Левин недоуменно скидывал брови — «Чай пьют китайцы!» — и доставал из внутреннего кармана пиджака четвертушку (четушку, чекушку) «Московской».

Когда Ривчик переехал в сталинский дом со всеми удобствами, походы в баню отошли в прошлое, и Левин уже не так часто появлялся со своей чекушкой. Зато зачастил в дом другой старый друг Ривчика — Петя Думчев, который, в противоположность Левиному, выпивал очень редко, помалу и исключительно после уговоров. Петя, а для кого дядя Петя, был, в отличие от своих друзей,

человек религиозный, из семьи баптистов (в Одессе говорили — штунда), по профессии столяр. Если плотники много времени проводят на свежем воздухе, то столяры работают в закрытых мастерских, лица их часто и худы, и бледны. Петя Думчев был мужчина полный, с лицом, правда, светлым, без загара, и очень мило картавил. Имя Жени не вызывало у него проблем, но и имя Ривчика его не обескураживало, наоборот, он, казалось, с удовольствием, надо не надо, произносил имя своего давнего товарища.

А зачастил Петя Думчев потому, что и для него праздником было, что Ривчик получил, наконец, квартиру. И праздник этот Петя решил отметить тем, что сделает для Ривчика с Женечкой нужную для дома вещь — сделает сам и с учетом натуральных размеров комнаты. И сделал. Шкаф платяной с зеркалом, с ручной резьбой по дверце бельевого отделения, а над резьбой окошко такое наборное, типа витража, только стекло толстое, ограненное и нецветное. Короче, подарок на новоселье. Естественно, растянутый во времени.

А время квартирной эпопеи, между прочим, протекало-тянулось-растягивалось на фоне конкретных исторических событий. Которые от Ривчика, может, и не зависели, но влияние на него неминуемо должны были оказывать.

В пятьдесят третьем году умер вождь и учитель советского народа товарищ Сталин. В так называемых ИТЛ, исправительно-трудовых лагерях, политические заключенные по этому поводу выражали большую радость и лелеяли некоторые надежды на торжество справедливости. Однако за пределами лагерей обыкновенные граждане были в глубоком трауре и испытывали тревогу, какую обычно испытывают люди, потерявшие отца или учителя. А уже через три года, в пятьдесят шестом, и те, что в лагерях, и те,

что за пределами, услышали, что отец и учитель вовсе не был хорошим отцом и хорошим учителем.

Доклад на эту тему товарища Хрущева, верного ленинца, но, получается, не очень верного сталинца, читали вслух на закрытом партийном собрании, на котором, конечно, присутствовал и Ривчик. И хотя собрание было закрытое, то есть как бы секретное, Ривчик, вернувшись с работы, сразу Жене о нем рассказал. Потому что как будто появилась возможность, не опасаясь последствий, задать всё же вопрос — а что, был муж Жени враг народа или, может, не был? И что с ним происходило после того, как его арестовали? Где он? И опять у Ривчика забота — как Жене всё это пережить.

У Жени родня большая. Вот Лёвочка, например, муж племянницы, инженер на заводе. Пусть напишет куда надо.

Посидела Женья с Лёвочкой, рассказала — когда, где... Ушло письмо летучее.

И пришел ответ. Не сразу, но пришел. Что никакой Женин муж не враг народа, что за отсутствием состава преступления он полностью реабилитирован, то есть оправдан. Правда, посмертно. И что дата смерти — тридцать восьмой год, месяц, день... А шел уже тысяча девятьсот пятьдесят восьмой. Двадцать лет прошло.

Грустная история. Человек погиб. Жена столько лет боялась сказать, что ее муж арестован. Дочери пишут в анкетах, что отец погиб на фронте или пропал без вести, потому что если скажешь правду, не примут ни в институт (а старшая поступила в институт, на заочный), ни в техникум (в техникум пошла средняя). А оказывается, никакая это не правда — никакой он не враг народа.

А старшая дочь, которая отца помнила, никогда и не верила, что он враг народа. Даже когда не могла еще понимать эти слова. Она тогда слышала, как говорили, что он плохой, а он ведь не мог быть плохой...

Ривчик, как уже говорилось, был главой большой семьи. Он был главный ответчик. В том смысле, что если что-то случилось, то ответить, что делать, должен был Ривчик. Когда Женина старшая дочь поступила в свой заочный институт, она нашла себе работу — пионервожатой в школе. Но было при этом одно условие — в штатном расписании должности пионервожатой еще не было, так что пока предлагалось ей поработать без зарплаты. Но справку для института ей дадут.

Она была согласна. А вот общественное мнение было против.

Они тогда еще жили все вместе на Успенской, а жизнь во всяком одесском дворе предполагает открытость. И вот дворовая общественность посчитала, что бесплатно работать, конечно, можно, но это когда тебя могут прокормить, одеть-обуть. А тут мать одна (Ривчик в расчет почему-то не брался) тянет троих, так что хватит уже на шее сидеть, спасибо пусть скажет, что школу дали окончить.

Растерянная Женья не знала, что сказать на такое мнение, а гордая дочка уже сходила в школу и — извините, мол, — от работы отказалась. И что Ривчик должен был делать? Справка-то в институт всё равно нужна... Пошел к своей старшей сестричке, воспитательнице в детских яслях. Та переговорила со своей заведующей и — с ее согласия — предложила дорогой своей родственнице, Жениной дочке, работать вместе. А родственница тут же и согласилась — главное, чтоб учиться можно было.

Чего только не было в этой большой семье Ривчика! У Жени младшая дочь пошла замуж, а притираться надо не только к мужу, а еще и к свекрови... Средняя дочь родила, а через три месяца ребенок умер... Как-то Ривчик с работы приехал, а Женья в больнице — там старшую только что откачали — хотела наложить на себя руки. Жизнь у Жени — она же не простая.

Поэтому рядом всегда должен быть Ривчик.

А у старшей сестры Ривчика? Та дочь, что в Полтаве, актриса в театре, муж на радио работает. У них двое дочерей, одна уже на прокурорской должности, а вторая... Вторая хиппует — помните такое слово — хиппи? Новые времена, свобода мыслей, приоритет возвышенных ценностей, пренебрежение удобствами быта, свобода от родительской философии жизни, свобода в отношениях полов, свобода, свобода... Ушла из дому. Куда? С кем? Как на долго?... Еще одна племянница здесь, в Одессе. Прекрасные дети, дочь музыканта, сын отличный фотограф, а муж... Хороший парень, весельчак, заработчик. Съездил в Киев в командировку, и — командировки, командировки, а от командировок ребеночек родился. Ушел в новую семью. А племянница подалась в Якутск — на заработки да подальше от дома, где стены не помогают... И рядом со своей родней опять-таки Ривчик. Который не кудесник, чтобы исцелить, но поддержит, посочувствует, подбодрит. И поможет деньгами, если нужно. А помогать деньгами, как показывает жизнь, нужно часто.

Чего только не было в большой семье Ривчика! Для всех был он родным человеком, и для Жени, может быть, роднее, чем для кого другого, потому что жена... Но нет, не жена. А сожительница!

Известно, что взрослые по-разному относятся к гражданскому браку. А вот дети должны одинаково к нему относиться. Особенно когда это касается их собственных родителей. То есть дети относятся к гражданскому браку одинаково отрицательно. Потому что у них, у детей, всё должно быть, как у всех, — и папа, и мама, и чтоб по закону. А если у детей отец не родной, да еще с мамой не расписан, то как же это?

У Жени есть причина — не торопиться расписываться с Ривчиком. Оказывается, государство решило как

бы извиниться перед теми неправильно репрессированными, кто остался в живых. А также как бы извиниться и перед родственниками тех, кто в живых не остался. Государство разрешило поставить их всех в очередь на получение квартиры. Конечно, если они нуждаются.

Насчет жен бывших врагов народа, то здесь государство обращало особенное внимание на нравственную сторону супружеских отношений. То есть почему бывшие враги народа назывались врагами? Потому что они сначала были с народом, а потом ему изменили. И за это были наказаны. Правда, ошибочно. А если жена бывшего врага народа вышла замуж за другого мужчину? Разве это не измена? И разве не нужно за это наказывать? А если не наказывать, то уж, во всяком случае, не награждать же жильем! Поэтому женщины, вступившие во второй брак, оказывались уже не женами бывших врагов народа, а бывшими женами бывших врагов народа, а бывшими женами бывших врагов народа, а бывшим женам жилье не за что давать. Надо было хранить верность! Даже мертым. Вот так.

Конечно, всегда были и всегда будут женщины, верные памяти ушедших из жизни мужей. Всегда были и всегда будут. И кроме того, всегда были и всегда будут женщины, которые не смогут вступить в новый брак из-за того только, что дети, эгоистичные дети, не могут трепетным своим сердечком воспринять замену любимого их папы на какого-то не-папу. Не случайно же старшая Женина дочь дольше своих младших сестер привыкала к Ривчику.

Но кто бросит камень в Женю? Ждала. Надеялась. Уже знала от людей, что надеяться не на что и что даже предлагают отказаться от мужа и оформить развод. Так нет же, не пошла в такой отказ. Могла для своей безопасности — и для безопасности детей тоже — вернуть себе хотя бы девичью фамилию и детям ее дать. Так и этого не сделала, так и жили все с фамилией врага народа... Я ей не адвокат. Но кто бросит в нее камень?..

Так вот, знающие люди объяснили Жене, что те, кто живет в подвале, считаются как нуждающиеся и имеют право на получение жилья. И тогда Женя решила скрыть от государства свое фактическое замужество и таким вот обманным способом получить жилье для детей. И потому опять воздержалась от росписи в загсе.

Потом была длинная-длинная история хождения по кабинетам. Дети-то уже выросли. И обзавелись семьями. А как можно давать жилье мужьям дочерей и детям детей? На них, на этих врагов народа, не напасешься. Предлагали Жене одну комнату, на нее, а дети, мол, взрослые, пусть по месту работы и хлопочут. И дело шло по кругу. Пока не поехала старшая дочь в Москву, аж в Верховный Совет. А оттуда позвонили в Одессу, прямо в квартирный сектор, прямо инспектору товарищу П-вой, и порекомендовали предоставить жилье на столько человек, сколько их было в семье посмертно реабилитированного на тот момент, когда его, еще живого, арестовывали. То есть на четырех, считая Женю с двумя девочками и его самого.

Вот так, общими усилиями мертвых и живых, получили они две комнаты в коммуналке на улице, которая Перекопской победы, а теперь снова Градоначальническая. На семейном совете решили, что вместе с Женей пропишутся там младшая дочь с ребенком и еще старшая дочь. В подвале решили оставить среднюю — завод, на котором она работала, строил жилье, то есть была надежда, что дадут там.

Ривчик в семейном совете участие принимал, но, по обыкновению, молча. И потому, что вообще был немногословный, а еще из деликатности — не мог Ривчик не думать о человеке, который когда-то был его соперником, потом сгинул в водовороте жизни, а теперь посылает из небытия сигнал помощи. Деликатные вопросы Ривчик предпочитал проговаривать с Женей отдельно, не в присутствии дочерей.

Дети. Потом внуки. Женины. А еще старшей сестры. Внуков приносят, когда приходят в гости. Раздевают и подсаживают на диван, где отдыхает или лежа смотрит телевизор Ривчик. И тогда — всё! Больше для него никто не существует! Внуки и внучки с одинаковым усердием ползают по Ривчику и обстоятельно обследуют его нос и уши и щекотные нежные пальцы.

...Когда обживалась квартира на Градоначальницкой, Ривчик привез туда холодильник. Бывший в употреблении, но надежный. И удобный для коммунальной кухни в силу не очень больших габаритов. Но веса прилично, и тащить его предстоит на третий этаж, и этажи высокие. А тут Ривчик (ему уже под шестьдесят, и волосы хоть густой щеткой, но совсем седые) отказывается от помощи — одному, мол, удобней. И что? Выставляет на кромку кузова холодильник, подкладывает под него свою вроде утлую спину и — вот уже неторопливо ступает по мраморным ступеням вверх, вверх без передышек. Это еще портовая закваска. Плюс всю жизнь в «спортивной» форме...

Человек на грубой работе — на грузовике, где ты не только шофер, но и грузчик, грубая работа для грубых рук, на которых нежные щекотные пальцы...

Ривчик работал сначала во «Вторсырье», а потом в кооперации, где нужно было возить из районов всякие разные продукты. В последние годы Ривчик в область почти не выезжал и имел дело в основном с мясокомбинатом.

Раньше, бывало, привозил раков, и они расползались по квартире, их разыскивали и устраивали в большую миску с водой. Телефона не было, но как-то узнавали, приходили «на раков». И соседи всегда на месте. Так что пир горой.

А тут наловчился сам делать купаты. Видать, получил все инструкции — ка-

кие кишечки заготовить и как мыть, какую начинку как приготовить, по какой технологии приготовить — наука! Обычно всё Женя готовит, а вот купаты — извините, только сам.

С работы придет, умоется, приляжет отдохнуть, пока Женя на стол накроет. А перед едой стопочку выпьет. А если кто-то еще из мужчин за столом, то сам не разливает, а когда наливают ему — молчит, не останавливает, покуда стопка уже вот-вот переполнится. А тогда с притворным ужасом восклицает: «Хватит, хватит!» Такая игра. Прикидывается трезвенником... После еды опять приляжет — телевизор посмотреть. Но почти сразу засыпает — устал.

А что домой привез — это и для детей. Это не подарок, это как бы пищевое довольствие. Они все у него на пищевом довольствии.

А подарки — это когда по случаю дня рождения или по случаю Нового года Ривчик списывает долги. Долги почти всегда есть, потому что денег-то обычно не хватает. Ну можно, конечно, занять пятерку у соседки-пенсиирки (у пенсионерок деньги всегда есть). А вот когда что серьезное купить, там пятеркой не обойдешься. Тогда чем к чужим идти, так лучше к маме. Мама с Ривчиком поговорит и одолжит.

А когда праздник подойдет, то подойдет Ривчик, поздравит тихо и так же тихо шепнет Жене — скажи, мол, что долг можно не отдавать, подарок. Конечно, никто не злоупотреблял, старались отдавать быстро. Но если вдруг не успевали...

И стукнуло Ривчику семьдесят лет. Почему говорят — стукнуло? Наверно, подчеркивают, что неожиданно это. Как вдруг, как стукнуло. Неизвестно, как отнесся он к тому, что ему не двадцать и не пятьдесят, но факт, что решено было этот юбилей отметить. И не в узком кругу, как обычно, а пригласить товарищей, и по работе тоже, и началь-

ство. А поскольку домой много не назовешь... И поскольку в ресторан, даже не в самый шикарный, — как-то тоже не к лицу, не по чину как бы, — то договорились со сватами, у которых трехкомнатная на Большой Арнаутской.

И были поздравления и речи, и говорил директор комплиментные слова, и были тосты, и Ривчик, когда ему наливали, хоть и не восклицал шутливо «Хватит, хватит!», но старался не пить много, а ел, как всегда, как птичка. Только смотрел и улыбался.

И стояли три Жениных дочки на кухне, и скользили бесшумно в комнаты и обратно, и меняли тарелки, и мыли вазочки, и опять выставляли на стол блюда с разными домашними вкусностями. Три Ривчика дочки.

Когда-никогда Ривчику давали путевку в санаторий. Если он был в Карпатах, то привозил лакированных резных орлов. У каждой из дочерей стоял дома горный гордец, а то и два. Женя тоже ездила — в Хмельник, но чаще на Куяльник. (Куяльник для пересыпских как-то родной, даже если они уже и не на Пересыпи живут.) Только никогда Ривчик с Женей не отдыхали вместе. Вполне возможно, что причиной было правило, скажем так, крепкой советской семьи. То есть поселиться вдвоем в одной палате санатория можно было только при наличии в паспорте штампа о законном браке. А у Ривчика с Женей не было такого штампа. Пока, наконец, не расписались. Расписались они тихо, без свидетелей, да и без особой огласки тоже. Близким, конечно, сказали.

А однажды решил кто-то из девочек устроить им не то чтобы памятное путешествие, а просто чтобы вместе куда-нибудь выбрались. И славился тогда в Одессе профилакторий завода «Стройгидравлика». Такой вымахали для себя санаторий — всем на зависть! Зато если ты со стороны, то туда просто так не попадешь. Однако поговорили, повспоминали и нашли на «Стройгид-

равлике» еще одного Жениного племянника. А это уже не со стороны, это уже чистые свои. И вот вам, пожалуйста, две путевочки на Французский бульвар да в бархатный сезон. На здоровье и в удовольствие! Оформляйте санаторные карты — и в добрый час!

Уж неизвестно, какие были у Ривчика санаторные карты раньше, только сейчас при оформлении вдруг оказалось, что не в санаторий ему надо, а в больницу...

Обследование показало лейкоцитоз. Что это такое, знают специалисты, а для непосвященных было сказано, что это болезнь крови, не лейкомия, которая после облучения, но тоже нехорошо. Было зафиксировано большее число каких-то единиц, и нужно было срочно эти показатели сбивать. Впервые обратили внимание, что Ривчик болезненно выглядит и что не раз жаловался на слабость.

И пошли нервные дни. Ривчик решил уволиться, наконец, со своей работы. Лёвочка, тот самый инженер, что когда-то сочинял письмо в Москву, подарил ему, чтоб не скучал на пенсии, хороший спиннинг — на рыбалку ходить и без рыбалки: анализы, лекарства, опять анализы... Девочки, кто когда свободный, держали связь с лечащим врачом, доставали лекарства, вместе с Женей следили за соблюдением режима. Диета, визиты к врачу — в общем, Ривчику было, чем заняться. Но это днем. А о чем были мысли Ривчика по ночам, этого никто не скажет. Женя, правда, не скрывала, что с ужасом думает о самом страшном. Виду, конечно, никто не подавал, но мысли были очень тревожные.

И однажды был у девочек разговор, что мама, мол, тоже уже не молоденькая, что выбивается из сил и что ездить помогать ей и одновременно успевать управляться со своим домом — тоже не просто, но всё это можно пережить,

была бы уверенность, что всё кончится выздоровлением. Пока же время идет, а подвижек к лучшему не заметно.

И тут — может быть, впервые — прозвучало вслух, что Ривчик может умереть и что тогда будет с мамой?

Известно, что обычно о таких вещах не говорят. И не говорят потому, что надежда умирает последней, и потому, что мысли могут материализоваться (по-простому — чтоб не накаркать). Говорить не говорят, а думать — думают, потому что жизнь и смерть всегда ходят рядом. Но здесь уместно вот о чем спросить — а если б с родным отцом такое случилось, говорилось бы об этом? Или молча ждали бы исхода? А потом уже думали бы, что делать с мамой?

Хотя если вспомнить всё, что знаем о подобных ситуациях, то, наверное, признаемся себе, что и про кровных родных рассуждали трезво, без сантиментов.

Нет, не потому заговорили, что Ривчик не родной, он давно уже был родной. А потому заговорили, что с Ривчиком Женя — вроде вполне самостоятельная, а останься сама — большой вопрос. Уже давно девочки приезжают, чтобы убрать коммуны, чтобы вымыть окна, да даже пыль протереть, и то здоровья уже не хватает.

Вот и прозвучало — кому-то из троих объединиться с мамой и Ривчиком, а там что будет, то будет. Поправится Ривчик — очень хорошо, а если не судьба, то маме не придется думать, что с ней будет. Вроде логично. Единственно что — не дать Ривчику подумать, что его уже хоронят.

И выбрали, кому из троих с мамой жить, и придумали, как это обставить, будто объединиться не для мамы с Ривчиком нужно, а совсем наоборот. И выглядело это в то время вполне естественно — и Женя, и дочери жили-то в коммуналках, а в коммуналке, известно, чужие люди — не родная мать.

Время тогда было — продать-купить квартиру нельзя, только обменять. И пестрели столбы да доски объявлениями — меняю, меняю, меняю... И нашли обмен — редкий! Семь участников —

такая вот комбинация! Это кому-то приглянулась квартира на Гоголя из девяти комнат.

Переезжали Ривчик с Женей под конец года, тревоги были уже другого порядка. У Ривчика коммуна в новом доме, там и центральное отопление, и горячая вода в душе над ванной. А в старых домах совсем не то. Здесь и ванна не ванна, да и туалет на всех... Так что нужно было успеть к переезду отдельно устроить и туалет, и ванну, потому что Ривчику прописаны были специальные процедуры. Ничего, успели.

На новой квартире еще одно чувство испытал Ривчик — впервые ступил на собственный балкон. Переступил порог — и ты на улице.

Ривчик, уже давно потихоньку привыкший не ходить на работу, никак не мог, однако, привыкнуть проводить целый день в четырех стенах. Он просил у Жени каких-нибудь поручений, каких-нибудь заданий, но сколько их может быть? Он навел старых друзей, он чаще стал бывать у старшей сестры — младшая уже ушла в другой мир, оставив товаркам по общежитию свою гордость — коллекцию новенького постельного белья... Времени у Ривчика всё равно оставалось много, и он пристрастился к прогулкам. К прогулкам в одиночку. А тут еще и балкон: переступил порог — и уже на улице.

Легко представить, как он стоял, опершись на холодное дерево перил, и просто смотрел на проезжающие вниз по спуску машины, на проезжающие под балконом детские коляски с мамами или папами, на голые ветки старого ореха — вот они, только протяни руку... Не было в его жизни своего балкона. Первый этаж был, подвал был, а когда попал на этаж третий, то в его комнате только окно. Невелика вроде радость — балкон, не в балконе вроде счастье, но вот — жизнь как будто прожита, а такого простого удовольствия, чтоб не в гостях, а у себя дома... Жизнь как будто прожита...

А жизнь, действительно, близилась к концу.

Чем пахнет весна? Влажной землей? Не прибитой дождем пылью, а землей, которая источает влажное дыхание... Уже нет-нет да и потянет почти забытым запахом влажной земли, весна вот-вот застучит в окна, в двери, позовет наружу.

Ближе к весне затеяли на новой квартире покрасить полы, и Ривчик договорился с сестрой, что на это время они с Женей приедут пожить у нее в Лузановке.

Вот там и стало Ривчику плохо.

Вызвали «скорую», объяснили, от чего он лечится, и Ривчика сразу же повезли в областную больницу, на поселок Котовского. С ним поехала племянница и теперь ездила туда каждый день. Иногда с сыном, но чаще сама. Возвращалась, докладывала Жене, как и что, потом вместе звонили в город, сообщали остальным о новостях. А новости были не в радость.

Еще раньше, когда всё только началось, однажды Ривчик, придя от врача, сказал Жене: «Я обречен». Странно было слышать от него это, в общем-то книжное, слово — обречен. Странно и страшно. Обречен. Неотвратимость. На которую нечем возразить.

Он умер на День космонавтики, который с радостью отмечался в Союзе. Из областной больницы гроб с Ривчиком везли в город на грузовой машине. Везли через его родную Пересыпь, хоженую-перехоженную, езженую-изъезженую. А чуть раньше из Лузановки по той же дороге, мимо Ярмарочной площади, мимо Заливных переулков, через улицу Деда Трофима и Пересыпский мост везли в город Женю — на последнее свидание со своей молодостью.

Вместо эпилога

Через год ставили Ривчику памятник. По черному мрамору «...Рувим Иосифович». А ниже — «Ривчеку от...» Но это ошибка — Ривчеку! Плучек, Волчек — да, а Ривчек? Надо писать через «и». Как Вовчик, Санчик. И как теперь быть? Как говорится, что написано пе-

ром... А что выбито на камне — чем исправишь? Только делать заново... И решили буквореза простить и оставить с ошибкой. Сказали, что Ривчик бы тоже простил.

Старопортофранковская угол Новорыбной-Пантелеймоновской — это там кончается город и начинается Молдаванка. Молдаванка, где все всё обо всех знают.

Кто? Ривчик? Он же миллионер!

Ривчик миллионер? О чем вы говорите!

В квартире, откуда хоронили Ривчика, многое изменилось — ведь прошло столько лет... Менялись соседи. Умерла Женя. Из УССР получилась просто Украина. Выросли внуки.

Многое изменилось. А вот вещи живут дольше, чем люди. Стоит, как и прежде, резной платяной шкаф, сработанный пересыпским краснодеревщиком Петей Думчевым. Сохранился даже простенький кухонный шкафчик, который, правда, из кухни давно переместился на балкон, куда когда-то любил выходить Ривчик. Шкафчик теперь выполнял роль маленькой кладовки-холодильника. Верхние ящички были вроде и не у дел, в одном валялся почерневший от времени консервный нож-ключ да брусок, на котором направлял когда-то Ривчик свою бритву.

И как-то после очередной снежной зимы наводили там порядок и обнаружили в глубине ящичка клеенчатый как бы кошелек — а в нем сберкнижка на имя Ривчика. На которой постепенно, не помногу, а накопилась кругленькая сумма. Не миллион, конечно, и даже не сто тысяч, но по тем временам, когда жил Ривчик, — немало.

А Женя, выходит, о книжке не знала! Иначе оформила бы наследство. И сестра Ривчика не знала. То есть втайне от всех? А ведь не скоростижно же умер, было время и подумать, и распорядиться. Может, не поверил, что обречен, и не думал умирать? А если был готов

принять смерть, то что? Не знал, как распорядиться?

Вообще-то Ривчик по своему характеру не должен был стремиться иметь много денег. С другой стороны, если день приносил «живую копейку», он от нее не должен был отказываться. И еще. Ривчик не признавал иждивенчества — он считал, что каждый должен сам зарабатывать свой хлеб. Вот если тяжелая минута — это да, помочь нужно обязательно. То есть деньги Ривчика — это был своего рода благотворительный фонд. У всех всё хорошо — ну и хорошо, а вот если что случится, то поможем, а как же!

Так или иначе, только не судьба была сохраниться этому благотворительному фонду. Советский Союз взорвался вместе с лозунгом «Храните деньги в сберегательной кассе!».

Фронтальной чемодан Ривчика, в соответствии со стандартами своего времени, имеет ручку из сыромятного ремешка, сложенного вдвое и прибитого гвоздиками к корпусу. Он используется для хранения ёлочных игрушек — в ожидании очередного Нового года.

Элла Луис

Одесса

ОЧЕРЕДЬ

Маленький памфлет

Сколько себя помню, она была. Очередь. На площади. Существовала по воскресеньям. Гусеница с широкой слепой головой у красной торговой палатки.

Очередь то роилась, то окукливалась, опасная, удивляющаяся, уповающая. Нередко она кокетливо огибала памятник, который горожане привыкли называть Ботинками. На солнышке действительно поблескивали гранитные ботинки на таком же гранитном кубе постамента, черные, огромные, оставшиеся от какого-то древнего каменного дядьки, надоевшего потомкам.

Терпеть не могу очередь. Я — ничто вне очереди, она — все, что у меня есть. Некоторые говорят, что я прирожденный лидер фаланги — наиболее активного отрезка очереди, где всё начинается и всё заканчивается. Испуг, изумление, уныние и восторг. Порой мне кажется, что в этой очереди начинается каждый из нас, даже я, «прирожденный лидер», будь я проклят.

Однако в данный момент я независимый репортер, разгильдяй и пьяница. Специализируюсь на очередях. Вернее, на одной из них, этой самой.

Как ни странно, мои репортажи часенько появляются на местных новостных порталах и пользуются умеренно-высокой популярностью. И это несмотря

на то, что я — человек без манишки. Как я лишился своей воскресной манишки? Легко. Очередь объявила меня одновременно придурком, предателем и фриком и отняла манишку с прекрасным счастливым номером — 1313.

Бдительные соглядатаи всегда появляются со всех сторон, стоит только заикнуться о своих сомнениях в целесообразности стояния. А я ведь лишь однажды опрометчиво поинтересовался, что дают. В тот солнечный день 30 февраля. Очередь зашикала и выплюнула в меня целую свору важных молчаливо-заносчивых соглядатаев, наделенных ответственностью красных сатиновых нарукавников. Они немного намяли мне бока и выставили из очереди. Теперь вот которое воскресенье хожу вдоль нее с голой шеей без права приобретения того, за чем стоят.

Я и раньше догадывался, что главный смысл очереди не в том, чтобы овладеть неизвестным чем-то. Спасибо принципиальности общественных соглядатаев — до дна прочувствовал науку очереди.

Впрочем, без нее было бы нестерпимо скучно. Удача, что я вовремя сообразил заняться репортерством. Спасает пока. Даже шанс возвратить манишку с номером снова забрезжил на горизонте.

ПАЛИСАДНИК

Потому что я стараюсь всячески превозносить культ очереди, что само по себе есть бесспорное благо.

Лишь бы поскорее туда вернуться. Не терпится. Ух, и развернусь я в главной фаланге! Первым долгом соглядатаев в отпуск отправлю. А наказание стану применять гуманное, без рукоприкладства. Пусть нарушитель просто отодвигается в очереди, меняясь номерами со стоящим позади. Дешево и сердито, не правда ли? Но до возвращения в очередь еще дорепортерствовать надо.

Сегодняшний репортаж за номером 321 ничем особенным от прочих отличаться не будет. Пожалуй, только новой шуткой, блуждающей по очереди. Она смешнее тех, что были на прошлой неделе. Что-то о нескончаемом и быстротечном стоянии. Очередь смеется, словно горло содой полощет. Манишки гогочут напропалую.

— Шурлики... Мурлики... Заканчиваются... За мной не занимать... — доносится радостное со всех сторон.

Очередь колышется, вибрирует, переливается радужно. Жаль, что мой скромный смарт не может запечатлеть ее во всей красе. В кадре одни манишки. Множество манишек. Целый строй одинаковых белоснежных манишек, маниакально выстиранных, накрахмаленных и выглаженных к воскресенью. Постных, высокомерных, злых, непреклонных и озабоченных. А в хвосте очереди — к тому же сомневающимся и напуганным. Лишь в голове очереди (у самой красной палатки с транспарантным призывом над прилавком «Все в очередь!») манишки во власти чего-то иного. Я назвал бы это духом опасности разочарования. А какие развеселые манишки попадают в середине очереди, в пресловутой главной фаланге! Они задорно толкуются и беседуют, напевают и переругиваются. Наверное, поэтому здесь больше всего соглядатаев, а также коммерсов разных мастей.

Не будь на соглядатаях красных нарукавников, я все равно отличал бы их с легкостью по нахмуренным бровям и

маленьким черным котелкам, надвинутым на них. Впрочем, котелки нынче носят многие. Мода. Но брови с таким старанием не хмурит никто. А сатиновые яркие нарукавники затмевают красой даже белизну манишек.

Коммерсов отличить тоже плевое дело. Они снуют кто с ящиком на колесах, кто с клетчатым баулом. Напитки, бутерброды, мороженое, сувениры. Что поделать, очередь жаждет еды, питья, лакомств. Еще очередь жаждет зрелищ. С этим сложнее. Промышлять артистом в очереди — опасное занятие. Запросто можно получить по башке. Или еще что похуже. И уже не от дисциплинированных соглядатаев — от любой рядовой манишки, которой не понравится выступление. Особенно достается поэтам. Слушать стихи большинство считает скучным и бессмысленным занятием, потерей времени. Так и кричат: «Не кради нашего драгоценного воскресного времени, ушлепок-рифмоплет!»

Правда, ухитрившимся развлечь щедро суют леденцы и печеньки. Хорошее и плохое в очереди рядом. Всего в метре от аплодирующих клоуна с мартышкой освистывают и толкают незадачливого скрипача, рискнувшего сыграть какую-то тоскливую старинную мелодию. Я строго команду себе — не зависать в своих отстраненных наблюдениях за очередью.

Репортаж должен продолжаться, не прерываясь ни на мгновение. Только тогда это будет более или менее успешный репортаж. Кому это нужно? А черт знает, кому. Очереди точно не нужно. И мне, похоже, не нужно. Разве что очередной ролик в смарте подзадоривает мою надежду на возвращение в очередь. Зачем? А черт знает, зачем. Возможно, чтобы вновь обрести все права стоящего. Какие права? А черт знает, какие. В голове никаких прав, одни запреты. Например, запрет на энтропию. Попробуй, стоя в очереди, подать милостыню прохожему попрошайке. Или поделись с бедным, побитым камнями поэтом бутербродом. Живо вылетишь с потерей права приближаться к очереди.

Это страшное наказание — быть отлученным навсегда. Почему страшное? А черт знает, почему. Кстати, за подобные мысли тоже можно живо вылететь. Вот и приходится помалкивать.

Тем временем очередь возбуждается, становясь упругой и плотной, выравнивается и словно сворачивается в жгут. Она слышит топот копыт конной милиции. Очередь, прикусив язык и спрятав манишки за поднятыми воротниками, великодушно всасывает клоуна, попрошаек, даже побитого поэта. Чтобы им не досталось от безжалостных милиционеров, скачущих вдоль очереди с обеих сторон.

Одного меня очередь отвергает. Я протискиваюсь внутрь, но меня выталкивают прочь прямо под копыта гнедой милицейской лошади. Я едва не попадаю под свистящую плетъ раздосадованного милиционера. Но смарта не выпускаю и ловлю в объектив румяное лицо всадника с блестящими точками зрачков. Уворачиваюсь, падаю, отползаю к краю очереди. Меня пинают в поясницу несколько ног. Не больно пинают, больше для острастки. Кто-то надо мной даже сочувственно вздыхает украдкой. Всё улетучивается — и милиция, и чей-то тайный сочувственный вздох.

Долго еще очередь молчит и не интересуется ничем. Будто безуспешно хочет понять себя. Однако у нее на это нет времени. Вечер 30 февраля неумолимо приближается. Очередь становится короче и короче, медленно подтягиваясь к вожделенной красной палатке.

Счастливые обладатели неизвестно чего торжествующе исчезают за палаткой со свертками и пакетами. Некоторые с целью банального бахвальства демонстративно проходят вдоль очереди от ее головы к хвосту. Очередь ропщет. Они рискуют навлечь на себя ее гнев. Нельзя же так нагло разрушать интригу и раскрывать волшебные секреты! На хвастунов бросаются соглядатаи и отгоняют на безопасное расстояние. Манишки вытягивают шеи в тщете разгадать тайну неумолимо удаляющихся пакетов и свертков.

В это время девчонка-мусорщица, низко опустив голову, брезгливо отворачивается от очереди, от соглядатаев, от меня. Ей никто не нужен. Ей никто не указ. Даже очередь. Она свободна от очереди. Ей платят жалкие гроши муниципалитет, как и всем наказанным. Никогда ей не стоять, никогда! Она не ведает, каково это: просыпаться с надеждой, пить утренний чай с надеждой, надевать чистую одежду, предназначенную исключительно для очереди. Прилаживать крахмальную манишку с номером. С надеждой. Потом спешить, но не слишком, чтобы не выказать неуважения к ее степенству Очереди. И скрывая изо всех сил учащенное дыхание, спрашивать:

— Кто крайний? За вами буду? Мой номер такой-то. А у вас? Значит, я точно за вами. Никак не впереди вас.

И приподнимать любезно котелок. И улыбаться лучезарно. Потому что весь день впереди. Будут и клоуны, и музыканты, и поэты, и вкусное мороженое, и сдержанные, но содержательные драки, и безопасность от соглядатаев, и плети милиционеров, угодившие не по твоим ребрам, а по ребрам стоящего позади или впереди, неосторожно отступившего от очереди на шаг или два. И это все с надеждой. А вдруг посчастливится, как тем, с пакетами и свертками. Ведь им повезло, так почему бы и не...

А у девчонки нет надежды. Она вольна не надеяться, не смотреть на манишки, вольна не стоять. Не стоять? Никогда. Ей нужен только мусор, производимый очередью в изобилии.

Она наклоняется за обертками и огрызками тысячи раз и к вечеру уже не разгибает спину. Так и ходит сгорбленной каргой. Я давно за ней наблюдаю. Исподтишка любуюсь нежным профилем и тонкой изящной рукой.

Теперь даже решаюсь заговорить.

— Презираешь очередь? — тихонько спрашиваю.

Она не смотрит в мою сторону:

— Презираю? Вообще-то мне плевать на нее. Мусора и без очереди полно. На мой век точно хватит.

— И никогда тебе не хотелось?..

— Встать в очередь? Тупо смотреть кому-то в затылок? — Хмыкает, сверкнув искоса черным глазом. — Вздор!

— Почему? Достояться до красной палатки...

— Я и так из нее каждое воскресенье мусор выношу. Чего я там не видела?

— Тебе известно, что там дают?

Мое сердце сладко терпнет. Но девчонка только пренебрежительно пожимает плечами, подставив свой мешок толстяку, доедающему большой пирожок. Бутылка от колы и скомканная салфетка падают в мешок. Толстяк смачно отрывает и со злостью отталкивает мусорщицу.

Слава богу, я успел все это запечатлеть на смарт. Можно будет снова прокрутить ролик: вот она упала навзничь. Волосы ее рассыпались. Шелковые черные волосы. Глаза сверкнули и погасли. Она тихо выругалась. Я услышал. И испугался, что ее площадную брань услышит очередь. Отвергнет! Но нельзя же отвергнуть и без того отвергнутую. Что это я, в самом деле? У нее шанса нет. А вот у меня все еще есть. Однако я сильно рискую его утратить. Потому что увлеченно смотрю на девчонку-мусорщицу, улыбаюсь ее ругательствам, подаю руку, помогаю подняться, отряхиваю замурзанное платье. И в довершение всего заботливо и безрассудно вынимаю из чудесных волос застрявшие сухие листочки. Она слегка вздрагивает от моих прикосновений, но не шарахается. Напротив, решительно вкладывает свою руку в мою, вставая с асфальта.

Очередь замечает это. О, всевидящая очередь! Соглядатаи уже бегут неслышным шагом, хмурятся и угрожающе сопят. Я тут же получаю увесистую зуботычину. Потом еще одну и еще. Не стой на пути, посторонись! Но я уже не желаю сохранять свой шанс вернуться

в очередь. И теряю его, теряю. Похоже, безвозвратно.

Соглядатаи внезапно испаряются. Я триумфально оглядываюсь, чтобы увидеть благодарность в глазах девчонки. Но ее нет у меня за спиной. Вдали, между домами, маячит хрупкий силуэт, отягощенный большим мусорным мешком.

— Всё! Ни единого шанса! Свобода! — вдруг радостно выкрикиваю я.

Очередь опасливо косится на меня и нахохливается, как если бы услышала стук копыт конной милиции. Неужели мне под силу заставить очередь?.. Нет, не принять меня обратно (я этого уже не хочу), а просто уплотниться, подобраться, насторожиться? Выходит, могу! Ай да девчонка!

Я безнаказанно хохочу. Мой хохот всходит громогласной сдобой и заполняет площадь. словно в ответ очередь разрывается в отчаянии от известия, прокатившегося по ней судорогой:

— Шурлики закончились!

— Закончились?!

— Остались только мурлики...

— И всё? И всё?!

— Да и то на всех не хватит.

— Не хватит?..

— Не хватит и на половину очереди.

— Расходимся. Финита...

— Уже? А как же...

Толстяк поворачивает ко мне злобную физиономию и брызжет слюной:

— Слышал? Пошел вон! Ты здесь не стоял. И без тебя на всех не хватит!

Очередь рассыпается, раскрошившись, как ударившийся оземь черствый батон.

Чудо! Ее больше нет!

Есть растерянная толпа у красной торговой палатки на площади близ памятника Ботинкам.

— Погодите! — шепчу я, и как ни странно, меня все слышат. — Не всё потеряно — мурлики ведь еще в наличии!

Мария Луценко

Киев

СТОРОЖ СИРЕНИ

Тоскуй по ней, серей, серей,
верстай чужие километры.
А я пойду стеречь сирень,
которую тиранят ветры.
Опять её нахальный май
задумал покорить нахрапом,
но сколько ветви ни ломай —
в ответ не бьёт по грубым лапам.
Другая бы сочла за стыд
работать в сторожах убогих,
а мне судьба — стеречь кусты
от хитрых глаз, от рук жестоких.
А мне — стеречь сирень с тоски,
затем стеречь, что очень редки
пятязыкие цветки
на кончике пушистой ветки.
И каждый волен отщипнуть
бутон, счастливый, по примете.
Серей по ней, меня забудь,
мы друг за дружку не в ответе.
Пускай пасёт стихотворень
тебя от бед, любви притворьш.
А я пойду стеречь сирень —
сирени в мае нужен сторож.

ГОРОДУ ДЕТСТВА

Я люблю этот город. Он был у меня до тебя.
Он меня, словно жемчуг, растил в нежной мякоти моря.
Я любила его много раньше... И горе терпя,
никогда не желала разрушенным быть, априори.
Лузгал семечки берег Лузановки. Гром громыхал,
и у бабушки в летнем саду созревала малина...
Только диву даюсь, как вмещался наш дружный кагал
в безразмерное старое бунгало у «Сан-Марино».
Здесь ты в детстве меня не нашёл. Может быть, не искал?
А теперь потерял навсегда, будто и не бывало...

ПАЛИСАДНИК

Так теряют монетку без реверса и номинала
в перекатах волны или в зыбких запрудах песка.
Только город — удильщик. Он тянет добро, как Магнит,
в те забытые дни, где для радости календаря нет.
Слава Богу, есть тот, кто посмертно со всем примиряет.
И единственный тот, кто в безумной войне единит.
Слава Богу, осталось хоть что-то, что можно любить
в этом городе, если ты в нём отлюбила кого-то.
В нём с вокзала меня подберёт хиповская когорта
и потащит отпаивать пивом от чёрных обид.
Ненавистна тебе — от него не услышу: Умри!
На пересыпском пирсе тоской о былом коронуя,
он обнимет усохшей таранью-рукой, как родную,
и хмельной будет песни Утёсова петь до зари.

Елена Малишевская

Киев

ЗЕЛЁНОЕ ПЛАТЬЕ

надела счастливое платье она нечаянно,
в чем-то попроще можно искать замену.
если откидываться на стуле, играть плечами,
от зелёного непременно пахнёт печалью.

перемена не в лицах случится, в блюдах овальных.
кто-то чужой огладит облепившую ловкость ткани,
сомнёт твоё счастье между лопастями-винтами.
так обнимали нежно анну перед закланьем.

что говорить, всё поздно, уже и звенят ключами.
зачем надевала это, а не другое? теперь молчанье.
бесчувственное, немое, скинуто кем-то на пол,
красного дерева, идеальный и вскрытый лаком.

* * *

Нас выдали.

Чайки, шарахнувшись стаей, орали навстречу: мы знаем, мы знаем!
И листья бегоний к стеклу приникали всей пыльной ворсой, так собой намекали
На знанье, что улица ластилась, лезла под ноги, угодливым гаером выгнув дорогу.
Таращились окна и кошки в них спали, клубками свернувшись, но все ж выдавали.
Глубокие вмятины красных диванов, того синема, где прокорм от обмана,
Засвеченной плёнки мотки и спирали хотели нас выдать под титрами Маля,
И в тех номерах, что узки, как скворешни, где пахнет укором и затхлой одеждой,
Брезгливо со стен собирают надежды, чтоб тот, кто войдет, забывал себя прежним.
Каштаны, качаясь, со знаньем поспели набухшими почками розовой прели.
Нас выдали пальцы, ползущие к пальцам, повязанный шарф твой на узел скользящий
Притянут к плечу моему, безоглядный, в пропахшей кошатиной темной парадной.
Вино колебалось в стаканах початых, что губ наших жадных несли отпечаток.
Протяжно имен наших хмель отнимало и, немилосердное к нам, выдавало.
Так звуки слегка удлинённых шипящих со строчек газетных сползали шуршащих,
Шептали про щиколотки и запястья, и к вогнутым спинкам цепляли участие,
К стоворчивым стульям и мраморным плитам в кафе под акацией, светом залитым.
Официанты, чьи взгляды как спруты, втянули сомненья в коктейльные трубки.
— Скажи мне, нас выдали? кто теперь знает, свернет переулком, штриховкой затянет.

Две рыбы под темной водой у причала всплывали в закат и сакрально молчали,
А мы, как немые, в пространстве тягучем читали друг друга руками беззвучно...

ПАЛИСАДНИК

* * *

Река бежала от меня, а я бежала за рекою,
Почти у самого виска, не убираема рукою,
Светилась точка, но река ее неточно отражала,
Мотая по волнам без чувств, пчелой без жала.

И вроде силилась стряхнуть, вернуть обратно,
Заполнить в небе пустоту тех мест некротных,
Но тайный путь, смиряя бег, петлял и узил,
Мне дерзкий скручивая лоб в горячий узел.

Река сбегала по виску, как струйки пота,
Толпились мысли, перейдя в текучий ропот,
Невидимо вплетаясь в вязь прибрежной ивы,
Как-будто охлестнули взгляд небоязливый.

Упрямая, бежишь — беги, сама была такою, —
Издаেকে сверкнула мне серебряным припоем,
И стал, чем дальше, тем ясней, реки подстрочник,
Бег грифеля в карандаше острее отточен.

Наиль Муратов

Одесса

КАЧЕЛИ

Итак, можно ли сойти с ума от разочарования? По-настоящему, без иносказаний. И что делать, если вдруг оказывается, что можно? Не самые простые вопросы, но даже и на них иногда приходится находить ответ.

Бывают моменты, когда одиночество ощущается особенно остро. Особенно если ты сидишь ночью на скамейке возле безлюдной детской площадки в сотне метров от дома любимой женщины. И хотя встреча с ней срывается не в первый раз — муж, случалось, и прежде неожиданно отменял выезд на рыбалку, — но раньше это всегда вызывало досаду, а сегодня — облегчение. Что это — внезапное отрезвление после десяти лет наивной веры в любовь? Да и любила ли меня Валерия? Ответ на этот вопрос перестал, наконец, изводить меня своей неопределенностью, потому что потерял свою значимость. Какая разница, если ты понимаешь, что остыл и что желанная еще вчера женщина сегодня вызывает раздражение! И все же было нечто, заставляющее меня нервничать. Если за любовными отношениями скрываются десять потерянных лет жизни, то разочарование становится настолько болезненным, что начинаешь ощущать, как твой разум дает сбой, пытаешься убежать от самого себя.

Это ощущение не было абстрактным. Уже несколько минут я слышал на детской площадке голоса, хотя никого не

видел. Судя по всему, мама разговаривала с сыном, но так тихо, что мне удавалось разобрать лишь отдельные слова. И вдруг мальчик спросил неожиданно звонко:

— Можно я покатаюсь на качелях?

— Да, мой хороший! — отчетливо ответил женский голос.

Его мелодичное звучание не очень-то походило на хрипловатый тембр Валерии, которая, как теперь выяснилось, сводила меня с ума отнюдь не в переносном смысле.

Разумеется, я не чувствовал себя сумасшедшим, ведь нервное расстройство может привести и не к таким еще фокусам! Но когда качели начали сами по себе раскачиваться, легкое беспокойство все же возникло. И усилилось, когда женский голос обратился уже не к сыну, а ко мне:

— Можно я присяду рядом с вами?

Вокруг ни души, и все же я подвинулся к краю скамейки. Какое странное ощущение свободы: ты теряешь разум, но сохраняешь ясность мысли и способность к самоконтролю, и потому волен делать все, что заблагорассудится, даже разговаривать с призраками. Но галлюцинация вряд ли продлится долго. Со мной всё в порядке, Валерия, потому что меня больше не трогает твоя удручающая страсть!

Качели продолжали раскачиваться, но меня это мало беспокоило, поскольку

ПАЛИСАДНИК

и кроны деревьев, обступивших детскую площадку, шевелились от легкого ветра. Голоса, звучавшие в сознании, умолкли. Мир вокруг возвращался к своему естественному состоянию, и к такому же состоянию приходил мир внутри меня. Я рассмеялся, и вдруг почувствовал такую едкую горечь, какой никогда не испытывал раньше. Завтра в офисе я вновь увижу Валерию. И послезавтра. И так из месяца в месяц, по пять дней каждую рабочую неделю. Отпустит ли она меня или захочет продлить перманентное безумие? Мой смешок вышел горьким, и тогда с противоположного края скамейки вновь прозвучал мелодичный голос:

— Простите, с вами все в порядке?

«Да, со мной все в порядке!» — хотелось выкрикнуть в ответ. В порядке настолько, что я отзываюсь на вопросы женщины, порожденной собственным сознанием! И все же я ответил вежливо, хотя и не без иронии:

— Кажется, со мной все не в порядке.

— Если хотите, мы можем поговорить о ваших проблемах, — после некоторой паузы предложил голос.

— Боюсь, вы и есть моя главная проблема! — вздохнул я.

Удивительно, но даже если ты теряешь разум, чувство юмора сохраняется.

— О, нет! — встревожился голос. — Не считайте меня навязчивой!

— А как мне следует к вам относиться? — криво усмехнулся я.

— Как к случайному собеседнику. Поверьте, исповедоваться лучше всего незнакомому человеку, с которым никогда больше не увидишься.

Сознание немедленно уцепилось за последние слова, пришедшие с другого края скамейки, а вернее — ниоткуда. Исповедаться, но кому? Если вдуматься, то самому себе, и похоже, никак иначе эту проблему не решить.

Смирившись с этой мыслью, я рассказал ей — наваждение мое было, что ни говори, женского рода! — все с самого начала.

Мы познакомились с Валерией, когда она впервые появилась в нашем офисе. Фирму перекупил её муж, и не долго

думая, назначил жену управлять приобретением, сам же до такой мелочи не опустился. Но двадцатитрехлетней женщине нужна была опора в новом для нее деле, и с ее харизмой найти такую опору не составило труда. Сначала мы были просто коллегами, потом стали любовниками. Меня восхищало в ней многое, но более всего — стремительность. Она проявлялась везде — в принятии решений, в умении заводить друзей, в вожделении автомобиля и особенно в постели. Тогда мне было двадцать семь, и неуемная кинетическая энергия Валерии за сосала меня, как щепку, в свою воронку. А затем последовало десять лет рабства, поскольку она никогда не принимала в расчет мои собственные устремления. Лишь со временем я понял, что ее единственная цель — самоутверждение, и ради этого она готова пожертвовать всем, и в частности, детьми.

— Вам она больше не нравится? — поинтересовался голос.

— Наверное. Трудно смириться с тем, что ты — всего лишь средство для достижения цели.

— Боюсь, она не отпустит вас так легко, — задумчиво сказал голос.

— Знаю. Но с этим ничего нельзя поделать.

— Ну, как сказать.

Думаю, если бы мое наваждение приобрело бы зримый образ, на губах этой женщины заиграла бы улыбка. И кстати, почему женщина, а не мужчина? Есть ли в этом какая-то логика? Наверное, есть, ведь женщина с приятным голосом вызывает больше доверия, следовательно, ей легче исповедоваться. Тем более если она молодая мать. Как же просто и эффективно устроено человеческое подсознание — всему найдется разумное объяснение!

Мы проговорили почти всю ночь. Обо всем на свете, но главным образом обо мне. Чем дольше длится связь, тем стремительнее нужно с ней рвать, иначе она никогда не отпустит тебя полностью. К этой нехитрой мысли мы, в конце концов, пришли, на ней и остановились. Иногда моя незримая собеседница покидала меня, откликаясь на просьбу

сына сильнее раскачать качели. Потом я отправился домой, а они остались на детской площадке. Как я надеялся, навсегда.

На следующий день я порвал с Валерией. Наше объяснение оказалось неожиданно легким, возможно, потому, что теперь я был не очень ей нужен. С руководством фирмой она справлялась неплохо, а мужского внимания такой эффектной женщине и без меня хватало.

Голоса в моей голове больше не возникали.

Спустя неделю Валерия настояла на том, чтобы встретиться поздним вечером и обсудить ряд, как она сказала, неотложных дел. Рандеву назначила в малоприметном ресторанчике, в который мы с ней иногда заходили и раньше. Как выяснилось, единственным намеченным ею на этот вечер делом было вместе напиться.

— Тебе хорошо, дом в пяти минутах ходьбы! — с улыбкой сказал я. — А мне что с машиной делать?

— Оставишь свой драндулет на стоянке, — уверенно предложила она. — А переночевать можешь у меня. Муж уехал.

— Нельзя дважды войти в одну реку! — возразил я. — Ничего путного из этого не получится.

— Хорошо, как знаешь! — легко согласилась она.

Внимательный, немного насмешливый взгляд. И такая же легкая насмешливость в голосе:

— Я думала, тебе это нужно больше, чем мне.

Разумеется, за такой фразой могло последовать только одно — монолог уязвленной женщины. Может быть, и не самой уязвленной, но все же... В общем, она не собиралась держать в руководстве фирмы неблагодарного сотрудника, который был всем ей обязан. И, кстати, на сегодняшнюю ночь у нее есть прекрасная мне замена. Самое удивительное, что я ждал чего-то такого. Тогда, на детской площадке, мой внутренний голос уверил меня, что именно этим все

кончится. И не ошибся, к сожалению. Оказывается, мое подсознание не так уж плохо разбирается в женской психологии. Жаль, что здравые его рассуждения не доходят до сознания, теряясь где-то по пути.

— Ладно, без работы не останусь! — сказал я Валерии и направился к выходу.

Далеко, правда, не уехал, вновь остановился у детской площадки. Качели не раскачивались, голосов слышно не было. С чего бы им звучать, если со мной все в полном порядке! Ну, почти в полном, поскольку я потерял работу. Но и это не беда: специалисты моего профиля на дороге не валяются. Не пропаду!

— Вы опять здесь? — прозвучал удивленный голос.

— Как и вы! — от неожиданности несколько язвительно выпалил я. — Вот уж не чаял услышать!

Голос обиженно умолк. Несколько минут тишины, нарушаемой лишь шелестом листьев и проезжающих по смежной улице автомобилей. Да был ли вообще голос? Я уже не мог этого утверждать. К счастью или несчастью, но любопытство присуще мужчинам не меньше, чем женщинам. Именно оно заставило меня произнести вслух:

— Не обижайтесь! Просто я не рассчитывал услышать вас снова.

Голос немедленно отозвался:

— А я думала, вы ради этого приехали.

А ведь он был прав, этот мой чертов внутренний репродуктор, — как иначе объяснить, почему я вновь притаился на эту скамейку!

— В прошлый раз у нас был очень откровенный разговор! — продолжил голос. — Честно говоря, я надеялась, что когда-нибудь увижу вас вновь.

«Спасибо, свиделись!» — подумал я. Итак, крыша начинает съезжать снова. А мне-то, наивному, казалось, что все это осталось в прошлом... И тут я сообщил, что голос проговорился.

— Вы сказали «увижу вас вновь». Вы что, меня видите? — быстро спросил я.

— Конечно. Вы сидите... такой одинокий.

— А вот я вас только слышу. Но не вижу.

— Да? — удивился голос. — Почему же вы тогда со мной разговариваете?

Мне понравилось полное отсутствие логики в ее вопросе, и я ответил сердечно:

— Но слышать-то я вас слышу! Поэтому и разговариваю.

— Да ведь вы беседуете с пустым местом! — с ужасом воскликнул голос.

— Ну, не совсем! — миролюбиво отозвался я. — Может, это и самонадеянно, но я, знаете ли, никогда не относился к себе как к пустому месту.

— То есть вы думаете, что разговариваете с собой? — Почему-то голос эта мысль развеселила, и он мелодично рассмеялся. Вернее, она.

— Ну да, а с кем же еще?

— Со мной, — уверенно ответил голос.

— Ну хорошо, с вами! — согласился я. — А вы, собственно, кто?

— Я — мама Алеши! — без раздумий сообщил голос.

— Замечательно. Только я его что-то сегодня не вижу.

— Но вы же его и в прошлый раз не видели! — уличил меня голос в неточности.

— Да, не видел. Зато слышал. А сегодня — нет.

— Это потому, что он приболел и остался дома, — пояснил голос со вздохом. — У него температура из-за горловой инфекции.

— Врача вызывали? — машинально поинтересовался я.

— Зачем? — удивился голос. — Я сама врач.

В общем, паранойя моя становилась все забавнее. Смущало лишь одно: все без исключения сумасшедшие, насколько мне известно, считают себя нормальными людьми, а я отчетливо осознавал, что со мной творится. Ослабший мой разум расщепился на несколько личностей сразу, причем одна из них была женщиной, а еще одна — ее сыном. Если покопаться, то найдутся, наверное, и другие — не менее колоритные! — типажи. Но самым не-

вероятным было то, что мое психическое заболевание не угнетало сознание, а, наоборот, приводило его в устойчиво приподнятое состояние. По крайней мере, беседы с моей женской ипостасью доставляли подлинное наслаждение. Ну а та часть меня, что была мальчиком, вела себя очень скромно и никогда нам не мешала.

— Послушайте, мне до сих пор неизвестно ваше имя! — заметил я. — Не особенно удобно обращаться к вам как к маме Алеши.

— Ну... — голос надолго задумался. — Вы можете называть меня Анной.

— Замечательно! — воскликнул я. — Вы что, не знаете собственного имени?

— Вообще-то, я не совсем уверена! — признался голос.

Никогда не думал, что безумие может быть настолько комичным! Я расхохотался:

— И вы еще будете уверять меня, что существуете на самом деле?!

— Разумеется, я существую! — рассердился голос.

— Но при этом не знаете, как вас зовут! Может быть, хоть фамилию вспомните. Или адрес, — потешался я.

— Нет! — твердо сказал голос. — Не вспомню, но на то, поверьте, есть свои причины.

— Самая серьезная из них та, что вы существуете исключительно в моем сознании.

— Думайте как хотите! — обиделся голос. — Не собираюсь с вами по этому поводу пререкаться!

— Мне тоже не хотелось бы! — сделал я попытку к примирению. Какой смысл загонять самого себя в угол!

— Послушайте, если бы я существовала только в вашем сознании, — неожиданно хитро спросил голос, — то откуда у меня взялся бы Алеша?!

Этим он, вернее, она меня просто сразила наповал. На такую несусветную глупость я даже не стал отвечать, и голос расценил это как победу.

— Ну теперь вы будете со мной считаться? — торжествующе спросил он.

— Знаете, я и раньше с вами считался! — едко ответил я. — Может, даже больше, чем следовало.

— Вы раздражены, и совершенно напрасно! — Голос изменил тактику, изображая участие. — Я же вам не враг.

— Я сам себе враг! — самокритично заметил я. — В таких случаях других врагов уже не надо.

Думаю, моему женскому эго понравилось то, как прозвучали мои слова. Естественно, и реакция его оказалась такой же, как у любой реальной женщины:

— Вы — хороший человек! Только во всем разуверившийся.

— Откуда вам знать, хороший я или плохой! — буркнул я.

— Но мы же с вами столько разговаривали! — воскликнул голос. — И я это сразу почувствовала. Поверьте, я неплохо разбираюсь в людях.

«В отличие от меня!» — подумал я. Но с другой стороны, Анна тоже часть меня, а в людях разбирается. Неизвестно, правда, насколько ей можно верить. Или, точнее, насколько можно верить самому себе. Хотя если ты сошел с ума, то не должен доверять в первую очередь именно себе. А если не сошел? Тогда не должен слышать никаких потусторонних голосов! Тут я понял, что окончательно запутался. Единственным разумным решением — если только в больной голове может родиться разумное решение! — было продолжать общаться с Анной как с самой обычной женщиной. В результате мы просидели на детской площадке почти до утра и расстались довольные друг другом.

Следующий вечер я провел дома и никаких голосов не услышал: они являлись, похоже, только в определенном месте. Это радовало, поскольку появлялась возможность контролировать собственное безумие. Оказывается, чтобы оставаться нормальным, нужно просто воздерживаться от посещения детской площадки. Неделью я старался держаться подальше от этого рокового места, а затем не выдержал, явился. Только только стемнело, и на площадке еще оставались наиболее рьяные мамы со

своими чадами. Заметив, что я устраиваюсь возле них на скамейке, они очень скоро ретировались домой. С час я просидел в полном одиночестве, не считая нескольких дворовых котов, попытавшихся устроить разборку прямо возле моей скамьи. Затем коты неожиданно бросились врассыпную, и тут же послышался детский голос:

— Мама, дядя опять здесь!

— С вами все в порядке? — взволнованно спросила Анна. — Я так беспокоилась!

Мысль, что кто-то обо мне беспокоится, оказалась приятной, и я даже не слишком опечалился, что моя паранойя возобновилась. В общем, мы вновь проболтали полночи. Анна засобиравшись домой только тогда, когда Алеша сообщил, что устал и хочет спать. Прощаясь, она спросила, буду ли я завтра.

— Почему бы и нет! — не колеблясь, ответил я.

Анна оказалась искренним собеседником. А ее голос мелодичный, как флейта! Эх, если бы она была реальной женщиной, а не мнимой! Мы разговаривали с ней несколько ночей напролет, и домой я добирался только под утро. Но не страшно, торопиться на работу уже не требовалось, можно и днем отоспаться!

Все чаще Анне удавалось ставить меня в тупик, причем настолько естественно, что она и сама этого не замечала. Иногда она употребляла медицинские термины, о которых я не имел никакого представления. На всякий случай я их запоминал, а потом сравнивал разъяснения Анны с информацией в Интернете. К моему удивлению, существенных расхождений не было ни разу. Тогда я решился на эксперимент: выписав из медицинской энциклопедии симптомы, рассказал ей историю о заболевшем знакомом, которому якобы не могли поставить правильный диагноз.

— Странно! — сказала Анна. — Тут не может быть двух мнений.

Как вы догадываетесь, болезнь она назвала безошибочно. С тех пор я не-

произвольно начал относиться к ней, как к самой настоящей женщине. Ну, разве только невидимой. Но и это почему-то не смущало, причем не смущало настолько, что однажды я пригласил ее в гости. Вообще-то, не без задней мысли, ведь если она как-то привязана к детской площадке, то должна была отказаться. Но Анна легко согласилась, правда, сначала спросила у Алеши, не возражает ли он. К счастью, мальчика долго упрашивать не пришлось: думаю, детская площадка с ее песочницей и качелями изрядно ему надоела.

Когда мы подошли к машине — или все-таки подошел только я? — Алеша спросил, можно ли ему сесть на переднее сиденье.

— Отчего нет? — весело ответил я. — Все равно гаишники тебя не увидят.

Не раздумывая долго, я открыл переднюю дверцу, и спустя мгновение Алеша поблагодарил меня уже из салона. Задняя дверца открылась сама и тут же захлопнулась: похоже, мои пассажиры заняли свои места. В дороге мы не разговаривали, в лифте тоже. Но когда вошли в квартиру, Анна восхищенно воскликнула:

— Как у вас красиво!

Вообще-то интерьер прихожей — заслуга Валерии! На мой взгляд, слишком много зеркальных плоскостей, но это дело вкуса. Анне, по крайней мере, понравилось.

— Вы видите себя в зеркале? — поинтересовался я.

— Ну да! — уверенно ответила Анна.

Но я по-прежнему не видел ни ее, ни Алешу. И их отражений тоже. Не исключено, что это не имело никакого значения, но легкое разочарование я все же испытал. Может, просто насмотрелся фильмов о привидениях?

Чтобы занять Алешу, пришлось включить компьютер в гостиной. Пока он смотрел мультики, мы с Анной прекрасно провели время на кухне. В одном из подвесных шкафчиков у меня устроено нечто вроде бара, в котором хранится несколько бутылок превосходного коньяка, и я разлил его по бокалам.

— Вы хотите меня споить? — со смехом спросила Анна.

— Было бы неплохо! — ответил я. — Но боюсь, это бесполезная затея.

— Да, — согласилась она. — Но приятно уже то, что вы пытаетесь. И, возможно, мне удастся хотя бы почувствовать запах коньяка.

Пить моя гостья не могла, но рюмку удержать сумела. Запах спиртного она, похоже, и вправду почувствовала, причем ей этого хватило, чтобы опьянеть. Обычно сдержанная, Анна вдруг оживилась и начала со мной откровенно кокетничать. Не могу сказать, что было неприятно. Один раз мне даже показалось, что у нее заплетается язык. Не знаю, чем бы все это кончилось, но наши возбужденные голоса привлекли внимание Алеши. Мальчик открыл дверь в кухню и поинтересовался у мамы, что ее так рассмешило. После этого наша беседа перетекла в спокойное русло: мы начали обсуждать проблемы, связанные с воспитанием детей. Говорила в основном Анна, поскольку считала меня в этих вопросах малокомпетентным. Так оно, без сомнения, и было, но мне удалось прервать ее монолог вполне невинным вопросом:

— Разве бесплотные создания могут иметь детей?

— Но я ведь самая обычная женщина! — ответила она. — Неужели вы до сих пор этого не поняли?

— Только я вас по-прежнему не вижу! — заметил я. — Не знаю, насколько это характерно для обычной женщины.

— На самом деле все очень просто... только сложно объяснить, — не очень уверенно сказала Анна.

После некоторых колебаний она все же решила изложить свою версию происходящего. По ее мнению, они с Алешей являлись мне во сне. Но только не в моем сне, а в собственном. Анна подготовила довольно стройную теорию о телепатических способностях своего сына. Поскольку она много работала и не могла уделять ему достаточного внимания в течение дня, он сумел найти уникальный выход, научившись

входить в контакт с ее подсознанием ночью. Именно ночь была их временем, и проводили они ее, как правило, на детской площадке. Алеша любил кататься на качелях, а его мать была счастлива, что находится рядом с сыном.

Пожалуй, теория эта многое объясняла. Но не все. Мне, например, было не совсем ясно, как Алеша ухитрился открыть дверцу машины, а Анна — удерживать в воздухе бокал с коньяком, на что она небрежно заметила, что это типичный случай телекинеза. Ладно, допустим! Но оставалась еще одна загадка: по ее словам, они не могли самостоятельно добраться до моей квартиры, только приехать вместе со мной. Эти две странности не имели объяснения, но все остальные доводы Анны казались убедительными. Теперь оставалось только разыскать ее в реальном воплощении — ничего другого я уже не хотел! Но Анна остудила мой пыл, объяснив, что это практически невозможно.

— Поймите, — с горечью сказала она, — я только часть себя же самой. Причем часть подсознательная. В сущности, я — сон. Реальная Анна — а я вовсе не уверена, что меня так зовут на самом деле! — просыпаясь, ничего не помнит. Вам эта женщина может и не понравиться. Возможно, я — дурнушка, на которую вы в обычных обстоятельствах и не взглянули бы.

— Вы не можете быть дурнушкой! — перебил ее я. — Но даже если и так, это не имеет значения. Вы мне нравитесь в любом облике! Это так здорово, зная каков человек внутри!

— Мы с вами ни в чем не можем быть уверены!

Мне показалось, что она сказала это сквозь слезы.

— Кое в чем можем! — возразил я. — Вы — замечательная мать и внутренне самая прекрасная женщина из всех, кто мне знаком. Поверьте, этого достаточно.

Теперь она всхлипнула по-настоящему. Невозможность обнять ее вызвала такое острое раздражение, что я чуть не швырнул свой наполовину пустой бокал в стенку. В общем, прекрас-

ное настроение испарилось, что сразу почувствовала моя чуткая собеседница. И, естественно, засобиравшись домой.

К несчастью, они не могли вернуться самостоятельно на детскую площадку, а я, выпив спиртного, не мог сесть за руль. Пришлось вызывать такси.

Машина приехала быстро. В целях конспирации мне пришлось сесть на заднее сиденье, предварительно пропустив в салон Алешу и Анну. Путь был неблизкий, и, как часто бывает, когда едешь с детьми, в дороге случился конфуз вполне определенного толка.

— Извините, ради бога! — прошептала Анна. — Алеше нужно выйти. Ну, сами понимаете.

— Хорошо, — прошептал я в ответ.

Я надеялся, что водитель меня не услышит. Но когда я попросил его остановиться возле сквера, посмотрел косо. Судя по всему, его богатый опыт показывал, что с клиентом не все в порядке. В сущности, так оно и было.

— Простите! — сказала Анна.

Мальчик скрылся в ближайших кустах. Я даже отчетливо увидел место, где разошлись, пропуская его, ветви.

— Да ладно! Разве я сам не был маленьким!

Добравшись до детской площадки, она торопливо со мной попрощалась: возможно, уже пришла пора просыпаться. Алеша вежливо сказал мне «До свидания!» и еще поблагодарил за мультики. Анна, безусловно, воспитывала его правильно.

После их ухода я некоторое время не двигался с места. И впервые, думая об Анне, думал и об Алеше. Возможно, будь мы вместе, получилась бы прекрасная семья. К несчастью, от этой мысли веяло такой откровенной безнадежностью, что захотелось окончательно напиться.

Из оцепенения меня вывел оклик водителя такси. Послушно сев в машину, я всю обратную дорогу провел в мысленном диалоге с самой собой. И с Валерией. Именно она отняла у меня будущее.

До дома добрались без приключений. Получив деньги, водитель вздохнул с облегчением: он не сомневался, что имеет

дело с ненормальным. В чем-то он был прав: кто еще может мечтать о семье, в которой тебя окружают призраки.

А на следующий день мне улыбнулась удача. Позвонил школьный товарищ и сообщил, что один из его партнеров проводит реорганизацию в дочерней фирме и ищет подходящего человека в руководство. В общем, они остановились на моей кандидатуре.

Обсуждать подробности по телефону друг отказался, и вечером я примчался к нему домой. Разговор получился не самый простой.

— То, что ты порвал со своей кралей, я уже знаю, — сообщил он. — Давно пора! Но ошиваться каждую ночь возле ее дома — это уже чересчур!

Похоже, меня кто-то заметил на детской площадке. И, естественно, разрезвонил всем знакомым. Что ж, мир не без добрых людей! Пришлось выложить все начистоту, но рассказ получился неубедительным. Выслушав меня, друг нахмурился.

— Твое назначение на должность будет утверждаться недели через две. Есть время со всем разобраться. Давай-ка завтра в обед забреди в мой офис, посоветуемся кое с кем.

Кое-кто оказался психиатром. Из лучших, как гордо сообщил мне друг. Выслушал доктор мою историю внимательно, но делать выводы не стал. Сказал, что недостаточно данных. А возможно, просто не был со мной искренним. Мы расстались недовольные друг другом, но, прощаясь, он сумел удивить меня, когда посоветовал не отказываться от визитов на детскую площадку. Дескать, иначе мы просто переведем процесс в иную, скрытую форму, и тогда ничего выяснить не удастся. Кто знает, может, этот парень и вправду был лучшим!

Ночью я рассказал Анне о беседе с психиатром, и она здорово встревожилась.

— Тебе ни с кем не нужно этим делиться! — предупредила тихо.

Постепенно она оттаяла, но попросила больше ни с кем не откровенничать. Я пообещал, хотя особой угрозы со стороны психиатра не предполагал. Пока

мы разговаривали, Алеша катался, как обычно, на качелях, а потом мы вновь отправились ко мне. Отражения гостей в зеркале я не увидел и в этот раз, но расстраиваться не стал. Какая разница! Главное, что Анна и ее сын существуют не только в моем сознании.

Включив компьютер, я научил Алешу игре в Тома и Джерри. Мальчик так увлекся, что мы с Анной смогли без помех закрыться на кухне. Была у меня мысль снова спойть гостью, но осуществить эту замечательную идею не удалось — помешал телефонный звонок.

— Не спишь? — поинтересовался друг.

— Не сплю, — ответил я.

— Ты дома?

— Да.

Подумав, он решился на трудный вопрос:

— Не один?

— С гостями, — неохотно признался я.

— Чем они занимаются?

— Мальчик играет в компьютерную игру, а мы с Анной сидим на кухне.

— Отлично! Я хочу на это взглянуть!

Он отключился, но спустя минуту вызвал меня в Скайпе. Теперь мы могли видеть друг друга, что только ухудшало положение. Я попытался убедить его, что мои гости незаметны глазу, но безрезультатно. Он попросил навести камеру на тот угол комнаты, где ничего не подозревавший Алеша продолжал гонять по экрану монитора кота Тома и мышонка Джерри.

— Ну, увидел? — спросил я раздраженно спустя минуту.

— Да. Можешь отключаться, не буду тебе мешать.

Друг поспешил оборвать связь. Очевидно, понял, что был излишне назойлив. Вернувшись к Анне, я изобразил ослепительную улыбку, но не думаю, что мне удалось ее обмануть.

Следующим утром они явились ко мне домой вдвоем — друг и психиатр. Оба выглядели хмурыми.

— Тут вот какое дело! — начал издавека друг. — Похоже, ты серьезно болен. Вчера мы вдвоем заехали на эту злополучную детскую площадку. Из машины не выходили, просто за тобой наблюдали. Ты сидел на скамейке и разговаривал сам с собой.

— С Анной! — поправил я.

— Хорошо, пусть с Анной! — быстро вмешался психиатр. — Мы не спорим. Скажите только, что делал мальчик?

— Катался на качелях.

— Все время? — удивился психиатр.

— Да, все время! Он любит кататься!

Мне не удалось подавить раздражение. И так, за мной следили! Кому после этого верить!

— Мне жаль, — сказал со вздохом мой друг. — Мы просидели там достаточно долго, но качели ни разу не шелохнулись. Ты можешь это объяснить?

— Вы просто не заметили! — упрямо ответил я.

— Хорошо, пусть так, — согласился он. — А что мальчик делал у тебя дома?

— Ты видел сам!

В этот момент я ненавидел их обоих.

— Да, видел. И к счастью, все записал.

Он сказал это мягко, словно сожалев о своих словах. Затем протянул мне смартфон. На дисплее был отчетливо виден экран моего ноутбука, где по очереди гонялись друг за другом Том и Джерри. А еще было видно, что за клавиатурой сидел я.

Эти кадры так меня надломили, что я почти без сопротивления позволил этим двоим отвезти меня в частную клинику. И даже подписал какие-то бумаги — согласие на лечение. Позже врач объяснил, что мой случай не такой уж редкий. Причиной временного помешательства — он подчеркнул, что оно временное! — стал мучительный разрыв с любимой женщиной. Мозг, мол, начал искать ей замену и, конечно, нашел. Этой заменой стала некая вымышленная личность по имени Анна — полная противоположность Валерии. Мальчик тоже появился не случайно: мне не хва-

тало нормальных семейных отношений. В общем, никаких парадоксов типа телепатии и телекинеза, поскольку и Анна, и Алеша существовали только в моем воображении.

На неделю меня определили в стационар. Клиника была частная, палата комфортная, время пролетело незаметно. Кололи каждое утро и каждый вечер, от этих инъекций постоянно хотелось спать. Затем стали давать таблетки. Они тоже угнетали, и здоровым я себя не чувствовал. Когда меня выписывали, возвращение в мир нормальных людей даже не казалось освобождением. Собственная квартира встретила отчужденно, будто, предав Анну, я потерял право здесь находиться. В тот же вечер я отправился на детскую площадку, но безрезультатно: доктор отлично справился со своей задачей. Меня и вправду вылечили, но, к сожалению, не сделали счастливее. Я любил Анну, которую сам же и выдумал. Проблема заключалась в том, что другие женщины меня не интересовали.

Еще несколько безрезультатных ночных визитов. Может быть, все дело в препарате, который я продолжал принимать? Но в глубине души я понимал, что никогда больше их не увижу. Ни Анну, ни Алешу! Их просто не существовало.

На работу меня взяли. В сущности, работа была тем единственным, на что хватало сил, потому что больше меня ничего не трогало. Вечерами я сидел у телевизора и просматривал какие-то фильмы, но утром уже не мог вспомнить, о чем они.

Так продолжалось вплоть до сегодняшнего дня. Надевая утром брюки, я умудрился сделать настолько неудачное движение, что защемил нерв. Каждое движение левой ногой причиняло такую жуткую боль, что я не смог выйти на работу. Не самая приятная перспектива, ведь для меня не было ничего хуже, чем оставаться наедине с самим собой. Почему я не промолчал тогда?! Почему рассказал об Анне? Это и было предательством, которое невозможно простить, особенно, себе. Если ты любишь, то должен беречь любимую женщину,

даже если ее не существует! Иначе — одиночество.

Телефонный звонок. Секретарша сообщила, что сегодня вечером меня осмотрит врач. Лучший невропатолог из тех, кого она знает. Стало немного смешно: у лучшего психиатра я уже побывал, а пользы никакой — один вред. Правду говорят, лучшее — враг хорошего!

Она явилась спустя час — небольшого роста блондинка с умным и насмешливым взглядом и решительными манерами. Такие женщины мне не нравятся: с ними невозможно чувствовать себя уверенно, поскольку они твердо убеждены, что видят любого мужчину насквозь.

Диагноз — воспаление седалищного нерва — «лучший врач» поставила за минуту. Потом сообщила, что нужно сделать укол.

— Под лопатку? — спросил я.

— Нет, чуть ниже, — ответила она со смешком. — Вы что, боитесь за свой тыл?

— Не знаю, насколько уместно мужчине спускать штаны, когда у него в гостях дама, — заметил я.

— Дама не в гостях, а на работе! — уточнила она. — Так что решайтесь! Или вызывайте другого врача. Мужчину.

— Мне сказали, что вы лучшая! — парировал я. — Но в любом случае сам себе я инъекцию не сделаю, так что колите, последнее слово за вами!

Она достала из сумочки одноразовый шприц и ампулу вольтарена. Еще оттуда выпали ключи от машины и помада.

— У вас есть спирт? — спросила блондинка.

— Только в виде крепких напитков. Водка подойдет?

Она кивнула, сосредоточившись на простой операции заполнения шприца лекарством. Я попробовал сделать шаг, но так неловко, что ногу вновь пронзила острая боль.

— Стойте уже, я сама принесу! — несколько раздраженно произнесла врач и решительно направилась на кухню. Только я собрался последовать за ней,

чтобы показать местоположение бара, как она уже вернулась с початой бутылкой водки. Подобной стремительностью не обладала даже Валерия!

Интересно, как ей удалось так быстро найти бар? Я улыбнулся, представив, как лихорадочно она открывает дверцы шкафчиков, как вдруг догадался, что в действительности произошло. От волнения пришлось сесть в кресло, а это было совсем не просто. Врач уже переместила содержимое ампулы в шприц и, подойдя ближе, сказала с насмешкой:

— Что же вы тянете? От судьбы все равно не уйдешь!

— Укол подождет! — Голос мой стал хриплым, язык пересох. — В баре, кстати, есть еще и коньяк. Не хотите со мной выпить?

Не знаю, сколько мы смотрели друг другу в глаза, я — с интересом, граничащим с бестактностью, а она — с вызовом! Не исключено, что ей и раньше приходилось попадать в такую ситуацию, и она знала, как из нее выкручиваться, но сейчас это не имело значения. Сейчас вообще ничего не имело значения!

— Даже не думайте! — тихо предупредила она. — Вы — пациент, я — врач! И ничего больше!

— Конечно, — согласился я. — Но мне нужно кое-что выяснить. Нечто очень важное.

— Что именно вы хотите знать?

Она прекрасно держала себя в руках, даже голос не повысила, не сомневаясь, что контролирует ситуацию. Мне нужно было с чего-то начинать, и вопрос сам слетел с языка:

— У вас есть сын?

Как и следовало ожидать, ее ответ оказался максимально неопределенным:

— Не думаю, что это представляет для вас интерес.

— Его зовут Алеша?

Она пристально на меня взглянула, но самообладания не потеряла. Сказала задумчиво:

— Похоже, вы основательно подготовились. Наводили справки?

— Конечно, нет! Поверьте, правда куда сложнее. Но так или иначе, а нам придется ее выяснить.

— Нет! — твердо сказала она. — Мы сейчас прощаемся, и, надеюсь, у вас хватит ума меня не преследовать.

— Задержитесь, прошу вас! — мягко попросил я. — Нам действительно нужно поговорить.

— Это исключено! — ровным голосом сообщила она. — В машине меня ждет сын. Я не могу оставить его там надолго.

— Вы можете привести мальчика сюда. Поверьте, Алеша не откажется!

— Не впутывайте в ваши интриги ребенка! — Она разозлилась по-настоящему и потому стала подозрительной. — И откуда вы знаете его имя? Что, следили за нами?

— Нет, не следили, — устало ответил я. — Не имею такой привычки, Анна!

— Меня зовут Алина! — сухо повторила она. — Вы обознались. Похоже, этот спектакль предназначался другой женщине.

— Вряд ли. Просто я знаю вас как Анну.

— Что за бред! — досадливо воскликнула она. — Прощайте, мне пора!

— Вы не решите проблему так просто! — Я улыбнулся. — Теперь я знаю, что вы существуете на самом деле. Мне даже нет смысла вас удерживать. Вам все равно доведется узнать правду о себе и вашем сыне.

— Нет! — быстро сказала она. — И не вздумайте отслеживать нас с Алешей! Я обращусь в полицию.

— Хорошо! — согласился я. — Идите, но сначала ответьте всего на один вопрос. Где вы нашли бутылку с водкой?

— На кухне, — ответила она, не задумываясь. — В одном из подвесных шкафчиков.

— Долго искали? — спросил я не без ехидства.

Алина задумалась. Она была не только умна, но и честна и поэтому, пусть и неохотно, но все же призналась:

— Ну хорошо, я нашла сразу. Вы можете это объяснить?

— Есть лишь одно объяснение: вы просто знали, где у меня хранятся крепкие напитки.

— Исключается! — В этот раз в ее словах не было уверенности. — Я здесь никогда не была.

— Были, причем вместе с Алешей! И это легко проверить! — заметил я. — Достаточно его сюда привести.

Наверное, моя убежденность произвела впечатление. Внимательный взгляд Алины задержался на моем лице, затем она неожиданно согласилась:

— Хорошо! Я схожу за ним! И закончим с этим.

Думаю, ее замучило любопытство: все-таки она не смогла объяснить себе, почему так уверенно нашла эту злополучную бутылку. И к тому же из нескольких дверей без ошибки выбрала ту, что вела на кухню. В общем, спустя немного времени Алина вернулась с мальчиком лет шести. Алеша, выглядевший наспуленным, на вопросы мамы упрямо не отвечал. Но зато спросил меня, можно ли ему включить компьютер. Я, понятно, разрешил.

— Дядя — хороший! — убежденно сообщил мальчик, затем уверенно прошел в гостиную и включил на ощупь сначала источник питания, а потом и системный блок. Спустя пару минут он уже гонял Тома и Джерри по экрану, забыв о нашем с Алиной существовании. Некоторое время она внимательно наблюдала за сыном, затем вопросительно на меня взглянула. Я только развел руками: все было очевидно. Мы прошли на кухню. Вернее, она прошла, а я доковылял. Достал бутылку из бара и разлил коньяк по бокалам.

— Я пить не буду! — предупредила Алина.

— И не требуется! — улыбнулся я. — Чтобы опьянеть, раньше вам хватало запаха.

Она подержала бокал в руке, нерешительно поболтала янтарную жидкость и пригубила. Зажмурилась на несколько секунд, потом взглянула на меня. Пожалуй, впервые в ее глазах можно было прочесть неподдельный интерес.

— Определенно мне знаком этот аромат, — сообщила она спокойно. — Это что-то доказывает?

— К сожалению, только косвенно. Но постепенно вы вспомните все. Если, конечно, сумеете правильно настроиться.

— Вы по-прежнему настаиваете, что я здесь была?

Теперь она выглядела куда более мягкой, и это шло ей невероятно. Сидящая напротив женщина на глазах преобразилась из стремительной Алины в прекрасную и спокойную Анну.

— Не просто здесь были, — ответил я. — Вы были здесь счастливы.

— А Алеша?

— Вы же сами видите. Он почти привык к этому дому.

— Хорошо, расскажите все с самого начала! — Она улыбнулась мне ободряюще, но это была скорее улыбка доктора, предназначенная строптивому пациенту. — Похоже, мне действительно лучше знать все.

Пришлось рассказывать. Слушала она очень внимательно, время от времени задавая наводящие вопросы. А когда повествование подошло к концу, вздохнула и подвела итог:

— Не знаю, что и сказать. Как врач я должна была бы потребовать у вас справку о психическом здоровье, но вам ее никто не даст. Наоборот, вновь укут в клинику. Зато как женщина я умираю от любопытства. Мне так хочется быть счастливой, что я готова безоговорочно вам верить. Вы — хороший человек, даже если вы сумасшедший. Или — особенно если вы сумасшедший. Вы мне даже нравитесь, чего я не могу сказать ни об одном другом мужчине. Беда только в том, что мне никто не нужен, кроме Алеши. Нам с ним привычно так жить, и изменить это невозможно. Вот почему я не могу вас ничем обнадеежить, иначе вам будет намного сложнее перенести разочарование.

Словно нарочно в кухню вошел Алеша. Подошел к маме и устроился у нее на коленях, показывая, что не собирается оставлять нас вдвоем.

— Нам пора! — тихо сказала Алина. — Прощайте!

Когда за ними закрылась дверь, на мгновение мне показалось, что захлопнулись ворота в другое измерение. Оно жадно поглотило дорогих моему сердцу людей и уже никогда непустит их обратно. От этой мысли стало так грустно, что, сделав очередное неловкое движение, я почти не ощутил боли.

Но долго предаваться скорби не получилось: зазвенел дверной звонок. В прихожую влетела запыхавшаяся Алина.

— Послушайте, я так и не сделала вам укол!

— Неважно, — ответил я. — Вы же прекрасно знаете, что я не буду обижать при вас определенную часть тела.

— Предпочитаете страдать? — поинтересовалась она со странной иронией.

— Нет, конечно. Завтра утром вызову медсестру.

— Ладно, как знаете! — Она вышла на лестничную клетку и спросила уже оттуда: — И вы даже не спросите у меня номер телефона?

— Не говорите глупостей! — крикнул я ей вслед. — Он есть у моей секретарши, следовательно, есть и у меня.

— И правда! — согласилась она.

Затем вновь вошла в прихожую и взглянула на меня своим насмешливым взглядом.

— Почему вы вернулись? — спросил я нежно.

— Это все ваша Анна! Она не позволила мне уехать просто так! — ответила Алина.

Даже на каблуках она еле доставала мне до подбородка, поэтому ей пришлось встать на цыпочки, чтобы чмокнуть меня в щеку. Исполнив это провокационное действие, Алина скрылась за дверью. Судя по звонкому смеху, рассыпавшемуся по лестничной клетке, она была весьма довольна собой. Похоже, это моя судьба — любить именно таких женщин, ярких и стремительных.

И что это, если не сумасшествие?

Алексей Никитин

Киев

СУДОКУ ИЗ СТАРОЙ ГАЗЕТЫ

Для решения sudoku рекомендуется использовать карандаш, поскольку карандаш можно легко стереть в случае ошибки.

Википедия. «Судок»

В нашем бассейне всегда светло, шумно и резко пахнет хлором. Хлором здесь пахнет все: вода, воздух, кофе и сосиски в кафе.

Прошло не больше года с тех пор, как новый бассейн построили на месте старого. В старом монополии хлора нарушали запахи гниющего дерева и грибка. Грибок чернел сложными узорами на потолках и стенах, его невозможно было ни удалить, ни закрасить — он прорастал сквозь любые эмали, возрождался и неизменно побеждал. Но в новом бассейне грибок не успел еще захватить власть, и к запаху хлора подмешиваются, не заглушая его, но лишь подчеркивая, одни только приторные ароматы моющих средств, которыми каждые два часа протирают кафель вокруг бассейна и пол между трибунами.

Я сижу на трибунах целыми днями и наблюдаю за тренировками юниоров. В перерывах между тренировками иногда спускаюсь в кафе, покупаю кофе с хлором и круассаном, заодно беру бесплатные «Ведомости».

Что еще делать и куда ходить человеку, у которого свободного времени примерно вдвое больше, чем ему нужно для спокойной, размеренной жизни? Для

своих уже немалых лет я почти здоров и только сердце два раза в день приходится подгонять барогермилом.

Прежде я работал в лаборатории нашей больницы, что в двух кварталах от бассейна. Прежде у меня и жена была. Но жена однажды решила, что ей уже хватит жить со мной, надо попробовать пожить с кем-то еще. С тех пор я ее не видел. Работа же, спокойная и однообразная, наоборот, уверенно держала меня всю жизнь, до самой пенсии. И даже теперь, спустя многие месяцы, мне снится, как за лабораторным столом я делаю анализы, аккуратно повторяя раз за разом всю незамысловатую последовательность движений, отработанных годами.

«Ведомости» я почти не читаю — быстро пролистываю новости, мельком просматриваю спорт. Я беру газету не ради новостей. В этом мире все меняется так стремительно, что человеку моего возраста не просто запомнить даже имена новых политиков. А их слова и поступки для меня что-то мимолетное. Вроде узора облаков в лучах предзакатного солнца.

Газету я беру, потому что на последней странице каждого номера, рядом

ПАЛИСАДНИК

с кроссвордом, «Ведомости» обязательно печатают цифровую головоломку — судок. Окружающие никогда не замечали у меня ярких математических талантов. Мне о них тоже ничего не известно. Но судок не требует знания математики. Решать судок можно сосредоточенно и напряженно, а можно расслабив внимание и отвлекаясь на происходящее вокруг, если вокруг происходит что-то стоящее вашего отвлеченного внимания. Мне всегда был ближе второй путь.

Я прихожу в бассейн около полудня. К этому времени у самых маленьких тренировка уже заканчивается. Они мне неинтересны и наблюдать за ними утомительно. Много шума, много пустой суеты. Их желания и страсти на поверхности, а потому угадываются слишком легко, они еще не умеют плести нить интриги и для каждой задачи пытаются найти самое простое решение. Простота в их представлении неразрывно связана со временем. Синонимом наречия «просто» они считают другое наречие — «быстро».

В полдень начинает тренироваться средняя группа. Разница в возрасте вроде бы невелика, но у них все иначе. Их характеры уже прочерчиваются в поступках и решениях. В их поведении на дорожке уже виден рисунок личности. Но в полной мере он проявится, когда спустя два года они перейдут в старшую группу юниоров. Там уже будет все: и взрослые страсти, и ярость, и ревность, и настоящий спорт, следы которого так сложно разглядеть за километрами, килограммами и секундами рекордов, падающих на страницы «Ведомостей».

Я внимательно слежу за средней группой юниоров, потому что очень скоро она станет старшей.

Взрослея, они не только учатся чувствовать друг друга и окружающий мир, они растут в воде, в движении, они становятся пловцами. У них появляется особая, чуть замедленная, раскачивающаяся походка. При ходьбе их сильные, переливающиеся мускулами руки, привыкшие к активной, ведущей роли,

ищут и не могут найти себе занятие. Но стоит любому из них подняться на тумбу, стоит замереть в ожидании стартового свистка тренера, как все немедленно меняется. Они обретают уверенность и силу, они замирают в предчувствии возврата в родную среду, в предчувствии наслаждения. Они прекрасны в мгновенном движении, в молниеносном стартовом прыжке, в стремлении к воде.

Среди старших юниоров дольше других я наблюдаю за двумя девочками. Одну я назвал Кетой за хищный нос и жесткий взгляд, беспощадно рассекающий окружающие ее пространства, а другую — Золотой Форелью, просто по цвету ее плавательного костюма. Эту пару я помню с тех еще пор, когда новый бассейн существовал только в виде чертежей на экранах компьютеров проектной фирмы. В то время их средняя группа жалась в тесноте четырех дорожек старого бассейна. Даже тогда, в сероватом полумраке и тесноте, не заметить Кету и Золотую Форель было невозможно.

Новый бассейн построили быстро, но когда впервые после его открытия увидел Кету и Форель, поднимавшихся на стартовые тумбы, я был поражен, как сильно изменились они за пролетевший год. Эти девочки выросли и стали женщинами. Они стали шире в плечах и бедрах, их груди налились и гордо оттягивали облегающие спидо. Кета с Форелью и прежде выделялись в своей группе, теперь же мне казалось, что весь бассейн замирает, когда они выходят из раздевалки.

Все годы занятий плаванием мои рыбки были вместе. Я часто встречал их в городе или за столиком в кафе нашего бассейна. И между ними всегда вибрировало мощное силовое поле. Очень условно его можно назвать дружбой. Хотя, конечно же, отношения Кеты и Форели были окрашены в цвета соперничества. Все в них было исполнено противоречий. И как же начинало искрить это поле, едва они поднимались на тумбы и изгибались, ожидая свистка тренера! Какая уж тут дружба? Рыбки были по-

люсами сильного магнита и притягивали все, до чего могли дотянуться.

До меня дотянулась Форель. Кто знает, почему это случилось и как вообще ей это удалось? Может быть, дело было в хлоре, насыщавшем воздух бассейна? Почему бы и нет?

Они не были похожи внешне, они и плавали по-разному. После свистка Форель вспархивала с тумбы и улетаала так далеко, как могла, а коснувшись воды, не спешила в нее погрузиться, но сразу же уносилась вперед. Казалось, будь ее воля, она не касалась бы воды совсем, так и летела бы над ее поверхностью, как на воздушной подушке. А я, замедив, забыв в эти минуты, что нужно дышать, слушать, думать, видел только ее, несущуюся над поверхностью воды.

Кета, наоборот, после резкого толчка сильных ног решительно уходила под воду и не показывалась на поверхности так долго, как только могла. Она плыла яростно и жестко, она вспарывала воду, как беспощадная торпеда, нацеленная на воображаемый эсминец. Кета была самой сильной в группе, и когда плыла, казалось, она жаждет выплеснуть всю воду из бассейна и прибежать к финишу. И будь ее целью эсминец, ему бы точно не уйти, никуда не деться от ее боеголовки. Она разнесла бы его, разорвала его броню, разметала по бассейну пушки, шлюпки и зенитные установки, предала бы все огню и вышла бы из огня победительницей.

Но целью Кеты был не военный корабль противника, ей всего лишь нужно было обойти Форель. А это не удавалось ей почти никогда. Форель прилетала первой, второй приплывала Кета. Впрочем, были, были редкие случаи, когда Форель оказывалась не так легка, как в лучшие свои дни, и тогда Кете, раздвинув воды бассейна, удавалось почти посуху прорваться к финишу первой. А усталая Форель приплывала за ней следом.

Из всех зрелищ, которые готовил мне бассейн, соревнование Кеты и Форели неизменно оставалось самым ярким. В эти короткие минуты я отклады-

вал «Ведомости» с sudoku на последней странице и, глотая барогермил, следил за их яростными поединками.

Заполняя квадраты sudoku, не раз и не два я думал о сходстве головоломки с нашим бассейном на девять дорожек. Временами я пытался найти мистическую связь между девятью столбцами и девятью строчками sudoku с девятью дорожками нашего бассейна и девятью заплывами юниоров, которые неизменно назначал их тренер в конце каждой тренировки. С мастерством карточного шулера он тасовал составы, он лично выбирал дорожку для каждого пловца, расставляя своих питомцев в замысловатых и непредсказуемых комбинациях. А я вписывал в клетки sudoku порядковые номера спортсменов на финише и всякий раз убеждался, что такой связи не существует. Да и откуда ей, если подумать, взяться? Sudoku — это все-таки задача с предельно четкими условиями и в ее решении нет места случайности.

Хотя одну странную особенность я все-таки заметил. Как-то у меня оказались с собой «Ведомости» за предыдущий день. Мне было безразлично, на какую головоломку тратить время, и старое неразгаданное sudoku было ничем не хуже неразгаданного нового. В конце тренировки, когда пришло время заплывов, я вдруг обратил внимание на любопытное совпадение. В первом заплыве тренер оставил свободной третью дорожку, а единственная цифра в первой строке sudoku была поставлена в третьей клетке. Во втором заплыве остались свободными пятая и восьмая дорожки. А во второй строке уже ждали меня две цифры: в пятой и восьмой клетках. И так было со всеми цифрами, проставленными составителями головоломки.

Еще несколько дней я сравнивал расстановку пловцов по дорожкам и цифры в sudoku, опубликованных накануне. Закономерность повторилась с настоящей силой законов Ньютона — каждого из трех, когда-то мне известных, но уже

давно и надежно забытых. Это не могло быть совпадением, но и понять, в чем тут секрет, мне тоже не удавалось.

Впрочем, эксперименты со старыми sudoku продлились не долго. Как-то после заплыва, в котором блеснули обе рыбки, ко мне подошел бритый юркий тип в спортивном костюме цветов нашей сборной и, задержавшись за спиной на неполную секунду, тихо сообщил: Макдональдс, в четыре часа. Как обычно.

Этого парня я и раньше часто встречал в бассейне. Он все время крутился здесь. В бассейне вообще много постоянных зрителей, но, как правило, это такие же старые бездельники, как и я. Они пьют кофе с хлором и круассанами, листают свои «Ведомости» и просто дремлют под крики плещущейся молодежи. Но этот, бритый, не такой. Он все время был в движении, он почти никогда не сидел. А если вдруг присаживался, то на какую-то секунду, только чтобы оглядеть трибуну и, махнув рукой кому-то нужному, снова сорваться с места.

Не знаю, почему он подошел ко мне, думаю, из-за газеты с sudoku. Так или иначе, в четыре я был в Макдональдсе. Макдональдс у нас здесь же, в здании бассейна, только вход снаружи. Мое кафе — внутри, и от трибун до него ближе, поэтому раньше я почти никогда не заходил в Макдональдс.

За столиком их собралось человек десять, и всех я прежде видел на трибунах, хотя знакомы мы не были. Они сидели как на совещании, положив перед собой свежие «Ведомости». Я поздоровался и подсел к ним, тоже положив газету на стол.

— Вы у нас впервые? — спросил Главный, глядя даже не на меня, а на «Ведомости» передо мной.

— Меня Бритый пригласил, — пожал плечами я.

— Понятно, — кивнул Главный и предложил всем: — Что же, больше ждать не будем. Сдавайте ваши прогнозы и делайте ставки.

Мы передали ему вырезанные из газеты и заполненные sudoku. Я аккурат-

но вырвал и протянул Главному свой вариант.

То, что sudoku у меня не сошлось, значения теперь не имело. Это был тотализатор. Небольшой, почти домашний, рассчитанный на своих. Выиграть в нем можно было только случайно. Мы ставили на победителей каждого заплыва, не зная расстановки пловцов по дорожкам. Только цифры, внесенные составителями задачи, уверенно обозначали дорожки, которые будут завтра пустовать.

Главный положил деньги и листки с нашими sudoku в конверт, заклеил полосой бумаги и все, кто был за столом, расписались на этой полосе. Убрав конверт, он достал другой, такой же.

— У кого-то ставки сыграли? — спросил он, прежде чем открыть конверт.

Все уныло покачали головами.

— Ни у кого? — даже не переспросил, а уверенно подтвердил Главный. — Тогда на сегодня все. Увидимся завтра. Время и место вам сообщат.

Он вынул из конверта деньги, убрал их в карман, а сам конверт порвал, даже не доставая из него листки со старыми sudoku.

Угадавшему победителя хотя бы одного заплыва полагалась половина собранной суммы. Если победителей угадали двое, то призовой фонд делили между ними. Вторую половину делили между тренером рыбок, Бритым и Главным.

С этого дня моя жизнь начала меняться. У меня появились приятели, и теперь, собравшись на трибунах, мы целыми днями обсуждали шансы рыбок на победу. Я и дальше оставался поклонником дуэта Кеты и Золотой Форели, отдавая неизменное предпочтение Форели. Но среди моих собеседников были ценители Кефали, Корюшки, Макрели.

Предсказать победителя заплывов было невозможно, мы могли их угадать только случайно. Поэтому наши разговоры о мастерстве и возможностях юниоров были чистым искусством, не отягощенным мыслями о ставках и потуплениях от успехов наших рыбок.

И вот тут пригодились годы моих наблюдений. Все, что я знал о рыбках, все, что до этого пылилось ненужным хламом в моей памяти, вдруг оказалось полезным и интересным. О недолгих спортивных карьерах наших юниоров я знал все. Я знал даже больше их тренера, потому что тренеры менялись — этот на моей памяти был четвертым, — а я присутствовал на трибунах неизменно. Как грибок в старом бассейне. Как запах хлора в новом.

Популярность нашего непредсказуемого и оттого понятного тотализатора росла. И как-то, несколько недель спустя, Главный недовольно прищурился, осмотрев собравшихся в Макдональдсе.

— Мы больше не похожи на кружок болельщиков-ветеранов, — сказал он, запечатывая конверт с заполненными sudoku. — Скорее на тайную секту с подозрительной программой. Мы начинаем привлекать внимание. Не удивлюсь, если завтра сюда прибудет взвод спецназа, чтобы нас обезвредить. Сам бы я давно уже так поступил. Поэтому запишите все мой электронный адрес и сегодня же вечером каждый пришлите мне по письму. У кого нет электронного адреса — заведите. Кто не знает, как это сделать, — спросите у своих великовозрастных правнуков, они вам объяснят. У кого нет компьютера — купите. Через несколько дней мы перенесем наши невинные забавы в Интернет и больше не будем делать бюджет этому богоспааемому клоповнику.

Наш Главный прежде был военным человеком и привык выражать свои мысли в лапидарном стиле.

В таком же решительном темпе он и действовал. Всего несколько дней ему понадобилось, чтобы наладить работу тотализатора на Фейсбуке. Ставки теперь перечислялись на счет Главного, с его же счета поступали и редкие выигрыши.

Мы могли и дальше видаться на трибунах, но перестали собираться в Макдональдсе. Это, на первый взгляд, не самое значительное обстоятельство заметно изменило весь наш образ жизни.

Сборы в Макдональдсе мобилизовывали и бодрили. Когда их отменили, многие перестали приходить каждый день в бассейн, а если и забегали, то всего на пару минут затем лишь, чтобы перекинуться парой слов и убедиться, что вода еще не высохла, а рыбки плавают, как и раньше.

Профессионализм в нашем деле нарабатывается годами, а теряется за считанные недели. Достаточно пропустить десяток тренировок своей рыбки, одну ее болезнь, скандал с тренером или соседкой по дорожке, и ты уже не в теме, все твои знания бесполезны, они бесполезнее даже полного невежества, потому что быстрее и надежнее приведут к неверным выводам. Многие понимают это и, утратив нить событий, ищут совета специалиста. К специалисту же ведут и новичков, желающих поучаствовать в модной и слегка рискованной затее. Другими словами, всех приводят ко мне. Так я стал популярной личностью.

На улице со мной начали здороваться люди, лица которых казались мне лишь смутно знакомыми. Как-то директор бассейна, проходя мимо трибун, увидел меня и подошел позвать руку. Потом позвонили из городской газеты и попросили прокомментировать результаты наших юниоров на первенстве страны. А вскоре предложили вести колонку о плавании и пловцах. Слава накатывала теплой морской волной на раскаленный песок пляжа и ласково ложилась мне под ноги.

Однажды я зашел в кафе за привычным кофе с круассаном. За столиком сидел тренер с моими рыбками, Кетой и Золотой Форелью. Увидев меня, он остановил разговор, поднялся и пригласил к ним за столик.

— Девочки, познакомьтесь с человеком, который знает о вас все. Не представляю, каким образом, но он знает о вас даже больше, чем я. Хотя это и невозможно.

Девочки переглянулись и затаманенно улыбнулись друг другу. Даже в зените своей славы я не был им интересен. Ах, Форель, был бы я на полвека моло-

же! Ну хотя бы лет на тридцать. Хотя на двадцать пять. Нет, боюсь, даже эти компромиссные двадцать пять не смогли бы добавить мне шансов.

Зато я был интересен тренеру. Минут десять он скучно и подробно рассказывал о прогрессивных методиках, которые использует в работе, и о феноменальных результатах, которых вот-вот добьется. Похоже, этот дурак действительно решил, что я влиятельный человек. А может, так оно и есть?

Тренер так старался, потому что приближался городской чемпионат среди юниоров. Конечно, все зависело от рыбок, но кое-что и от меня тоже, ведь выступление его команды вряд ли будет безоговорочно успешным. А там, где есть полутень, власть получают толкования. Хорошо, если влиятельный обозреватель скажет, что новые методики позволили нашему тренеру проделать непростой путь и добиться очевидного успеха. Он ведь может ровно тот же результат назвать провалом авантюриста.

Тренер нервничал. Форель улыбалась Кете и пила молочный коктейль, зажав соломинку пухлыми губами, выкрашенными в ярко-вишневый цвет. Кета разглядывала стакан с апельсиновым соком, и взгляд ее был безразличен ко всему.

За два дня до соревнований Главный попросил меня о личной встрече. Его интересовало то же, что и всех: шансы наших рыбок. Открытые соревнования отличались от обычной нашей игры в квадратах sudoku тем, что хозяйничал на них не тренер, а расстановка пловцов была известна всем и заранее. Случайность хоть и не слагала полномочия совсем, но деликатно отступала за кулисы. Теперь неплохой шанс выиграть получал тот, кто знал больше других о силах и возможностях спортсменов. А ставки на соревнованиях, похоже, побили все наши скромные рекорды. Главный не хотел рисковать. Он привык играть на верняка. Насколько это возможно.

Я разложил перед Главным весь наш аквариум, ничего не скрывая. Он слушал внимательно, записывал, ставил птички и плюсы напротив номеров дорожек.

— Значит, в финале первой должна прийти Золотая Форель, — еще раз уточнил он в конце разговора.

— Да, если ей ничто не помешает.

— Что же ей может помешать? — пристально посмотрел он на меня.

— Мало ли, — пожал я плечами. — В ее возрасте психика неустойчива. Мальчишки, гормоны... Что угодно.

— Спасибо, — пожал он мне руку, прощаясь. — Думаю, все у нее будет хорошо. Золотая Форель выиграет непременно.

Последней фразой он меня озадачил. Громкие заявления — не в привычках Главного. Он человек осторожный и очень скрытный. Но возразить мне ему было нечего.

На следующий день я задержался в бассейне и уходил позже обычного. Весь день ко мне забегали знакомые и уточняли шансы лидеров соревнований. Форель или Кета? Кета или Форель? Или Корюшка? Может быть, все-таки Корюшка? Конечно, я мог направить всех по ложному следу и сорвать банк. Но как тогда быть с репутацией? Хотя бы в старости у меня появилась репутация, и я ею дорожил. Поэтому я советовал ставить на Форель.

Перед выходом забежал в буфет перекусить — дома пусто, а готовить ужин мне уже не хотелось. В буфете было безлюдно и только за дальним столиком сидели тренер, Бритый и Золотая Форель. Прежде я никогда не видел тренера с Бритым в одной компании. Хотя не сомневался, что знакомы они хорошо и близко. Иначе наш тотализатор не смог бы работать.

Форель сидела ко мне спиной, но я отлично разглядел и то, как бессильно были опущены её плечи и как печально свесила она голову над стаканом с молочным коктейлем.

Уходя, я махнул рукой тренеру. Тот энергично ответил мне и широко улыбнулся. Прощальный взмах изобразил и Бритый.

На улице уже было темно. Я отошел метров на пятьдесят от бассейна и сел в темноте на скамейку. Выход из бассейна, залитый желтым светом фонарей с резкими вспышками красного и синего неона вывесок, был виден отлично. Так я просидел минут десять, не больше, когда из дверей появились все трое: тренер, Бритый и Золотая Форель. Несколько минут они постояли у входа. Тренер говорил, Бритый молчал, Форель кивала. Потом тренер поцеловал Форель в щеку, и они с Бритым уехали. А Форель осталась стоять у входа в бассейн.

Сидя на темной скамейке, невидимый для нее, я наблюдал, как Форель медленно дошла до ближайшего газона, тяжело на него плюхнулась и заплакала.

— Что, — спросил я ее минутой позже и опустился рядом на газон, — они велели тебе проиграть?

Форель плакала, не отвечала мне и, думаю, даже не узнавала.

— А соревнования важные, — продолжал я. — Победитель получает приглашение в сборную страны.

— Двое, — тихо сказал Форель. — Приглашение получают двое.

— Так что ж ты плачешь? — удивился я. — Вы обе попадете в сборную.

— Да наплевать мне на вашу сборную, — в ярости крикнула Форель, и если бы я чудом не перехватил ее руку, то получил бы кулаком по морде. Сильным кулаком пловчихи по старой, обрызгшей морде. Это было бы больно.

Я держал руку Форели и чувствовал, как слабеют ее гнев и ярость.

— Я должна завтра победить, — уверенно и почти спокойно сказала она.

Я не поверил ее спокойствию.

— Что они тебе пообещали, если ты проиграешь?

— Тренер сказал, что выведу из команды и никуда меня больше не возьмут. А Бритый ничего не сказал... Но по его рожу и так все было видно.

— Ну хорошо, — сказал я и помог ей подняться с травы. — Ты завтра из чужих рук не пей. Возьми с собой воду и пей только ее. Хорошо?

Она посмотрела на меня уже осмысленным взглядом и кивнула.

— Поняла.

Я начал обсуждать с ней мелочи и детали, подробности подготовки к выступлению. Форель надо было вывести из стресса. Эти ребята знали, что делали. Даже если бы Форель захотела выиграть, в таком состоянии ей бы это не удалось. Прогрессивные методики нашего тренера работали.

Вечером я посмотрел ставки. На Форель ставили восемь к одному. Если завтра она проиграет, то кто-то хорошо заработает. Я думал долго и решил в этот раз ни на кого не ставить.

На следующий день на трибунах бассейна былолюдно. Это помогло мне уйти оттуда незамеченным, устроиться в кафе со стаканом минералки и ждать.

Кета — одна, без Форели — появилась часа за три до стартов. Взяла свой сок и достала из сумки плеер. Плеер в мои планы не входил, поэтому, быстро поднявшись, я подошел к Кете.

— Привет, — подсел я за ее столик.

— Будешь сегодня побеждать?

— Постараюсь, — хищно улыбнулась Кета. В этот момент она как никогда была похожа на свою тезку семейства лососевых.

— Приятно на тебя смотреть, — соврал я, — молодая, сильная, успешная. А у меня что-то сердце сегодня... Могу я тебя попросить? Принеси мне, пожалуйста, кофе. Может быть, поможет. Обычно он мне помогает.

Чуть улыбнувшись, она пошла к стойке заказывать мне кофе. Что стоит ей, молодой, сильной и успешной, оказать эту мелкую услугу старику, который потом напишет о ее победе. Первой победе в ряду других, более заметных. Так начинают звезды: выталкивая лужер на обочину жизни, оказывая нужным людям мелкие услуги, тяжело и много работая. Она много работает,

и она готова пройти по этому пути до конца.

— Вот ваш кофе, — вернулась Кета спустя две минуты.

— Спасибо, радость моя, — я взял кофе из ее рук. — Ты заметила, что в этом бассейне все с хлором? И ваша вода. И мой кофе. И твой сок.

— Ну, вода уж точно, — фыркнула Кета.

Потом она надела наушники и начала настраиваться на выступление.

Я вежливо дождался, пока Кета выпьет сок, махнул ей рукой и нарочито тяжело поднявшись, ушел на трибуны.

Что я не рассчитал? В чем я ошибся? В дозировке барогермила? Возможно. Я ведь не врач, я только бывший лаборант. Четыре таблетки барогермила, заранее растертые в порошок, добавленные в апельсиновый сок, должны были всего лишь повысить резко пульс Кеты и сбить ей дыхание. И где-то на шестой сотне метров контрольной восьмисотметровки она должна была уступить Форели, отстать, замедлиться. Но до финиша она, конечно же, дошла бы. Расстроенная, недоумевающая. Вторая, седьмая или девятая, но здоровая и, разумеется, живая.

Но вышло так, что уже после четырехсот метров Кета вдруг резко потеряла темп, кое-как продержалась еще один бассейн, из последних сил дотянула до бортика и там уже, под изумленными взглядами тренера и зрителей, начала тонуть.

Судья соревнований и тренер прыгнули за ней в воду, достали и кое-как уложили тело Кеты на парапет бассейна. Суетились, делали искусственное дыхание. Вызвали врача, вызвали скорую. Больница у нас совсем рядом, но Кета посинела почти мгновенно. И все, кто был в это время на трибунах, в беспомощном оцепенении наблюдали, как в последней слабой судороге бессильно дрожит ее левая нога.

Мощные лампы, не зная ни сострадания, ни пощады, открывали зрите-

лям самые мелкие детали этой неожиданной и быстрой смерти. И только мне мешали ясно видеть происходящее частые темно-лиловые круги, скользившие перед глазами. Я достал и проглотил таблетку барогермила. Запах хлора привычно усилился. На какие-то мгновения бассейн представился мне зловонным болотом, полным жидкого хлора, способным поглотить все, и живое, и мертвое, оказавшееся в его власти. Ноги гнулись, ломались, не в силах меня держать. Вцепившись в перила, я сполз на холодный кафель трибун. Соседи бросились помогать. Со временем круги поблекли, хотя полностью исчезли не скоро.

Кета умерла на глазах у всех, кто был тогда на трибунах. Недостатка в свидетелях для следствия не было.

А тем временем юниоры, не замечая ничего и ни о чем не подозревая, продолжали рвать воду бассейна в стремлении к победе и успеху.

Я и сейчас провожу все время на трибунах бассейна.

Форель давно уехала из нашего города. Теперь она выступает за сборную, и недавно взяла серебро на первенстве страны.

Тот заплыв, в котором умерла Кета, не засчитали, и это к лучшему. Потому что Форель все равно выступила плохо. А потом, несколько дней спустя, когда заплыв повторили, она победила всех. Она обогнала их на полбассейна. Форель не просто была лучшей, она словно принадлежала к другому биологическому виду, для которого вода — родная стихия.

Смерть Кеты расследовала полиция. Допросили всех, кто ставил на Форель. Допрашивали и Форель, и нашего Главного. Меня к следователю даже не приглашали.

Вскрытие показало, что Кета умерла от отека легких, вызванного, по всей видимости, применением непроверенного допинга перед выступлением. Почему организм так отреагировал на допинг,

уверенно сказать не смог никто. Лишь один эксперт предположил, что препарат подействовал столь сильно из-за повышенной концентрации хлора в воде и воздухе бассейна.

Тренера после этого случая уволили, но обвинение против него выдвигать не стали. Теперь с юниорами работает другой человек. А в старшей группе тренируются новые девочки. Всех их я

тоже давно и хорошо знаю, потому что слежу за ними уже несколько лет.

Ко мне по-прежнему приходят за советом, и я никому не отказываю. Но в тотализаторе я больше не участвую. И решать sudoku меня тоже уже не тянет. Если быть честным, то они мне никогда не давались. Другое дело — кроссворды. Кроссворды я разгадываю мастерски.

Віктор Тюрідний

Кропивницький

ГЕНІЙ ПЕТРА

Найкращий саксофоніст міста, пере-
можець міжнародних конкурсів, зі сво-
го саксофону так вистогнував «Бесаме
мучо», так млосно, що хоч на стінку
дерись або на цю рафіновану дамочку,
що є Аліною Петрівною і є його керівни-
цею. Уже ж так вона світиться щастям,
що й Петрові схотілося тернутися свої-
ми штаньми о її бік, щоб і самому зашас-
ливіти — гарненьке жовтаве волосся
спадає на округлі плечі, помірний носик
втягує всі пахощі життя, а прожилка
в білому верхньому ряді білосніжних
зубів просить, щоб її прикрили вічним
поцілунком. Вона щебече таких літ, як
вона, жінкам:

— Давайте, дівчата, просто. Як у мо-
лодості.

— А пам'ятаєш, як ми з тобою... —
жінки схилили голівки у віночок, а потім
відкинули їх назад, і дзвінкий сміх при-
мусив захитатися тонюсінькі бокальчи-
ки у сусідній кімнаті, звідки у зал засі-
дань проривалися заманливі пахощі.

Мав бути й губернатор, та він у той
день вибивав субвенції на дороги об-
ласті, які геть зносились і в яких після
дощу можуть втопитися всі сердечні
дбання уряду про розквіт країни. То
він попередив свого заступника, щоб не
пошкодував для директора проектного
інституту Аліни Петрівни ані милих
слів, ані щедрих обіймів.

Тож слово його і чмокання в пух-
кеньку щічку були першими, а після них

три молоденькі бандуристки заспівали:
«Ми підем, де трави похилі...» А піс-
ля бандуристок — професійний хор
музучилища, а після училища — ріка
мудрих і не дуже мудрих вітань, таких
солодощів, що від них у присутніх по-
злипалися долоні, якими вони заплеску-
вали здоровлення іменинниці.

І, нарешті, від імені чоловічої части-
ни її колективу запрошують його, Петра
Притулу, битого на язик, але ж і тала-
новитого проектанта, майстра інститут-
ських тостів:

— Я довго ходив там, де продають у
нас квіти. Мені просилися в руки такі
троянди, що пелюстки їм вирізав сам
Господь, але все — густо червоних ко-
льорів, а густо червоні — то для бурхли-
вої, скажу, несамовитої любові, але вам,
Аліно Петрівно, така не підходить...

Зал перестав дихати.

— Вам я відшукав ось цей колір, —
струснув Петро свого букета. — Ніж-
ненько рожевий — такий світлий, такий
ніжний, як оце ви зараз, як пір'інка-хма-
ринка. Щоб любов до вас була ніжною,
ніжною, бо сказаної вам не треба...

Зал трохи видихнув, але не зовсім,
дехто спробував навіть просвітлитись
усмішкою, але не надовго.

— І щоб стояв довго і струнко...

Петро зробив трагічну паузу. Жінки
й дівчата вдихнули повітря і прикрили
ручками свої святкові ротики, а очі їм
округлилися: що буде його наступною

фразою. Не дай Боже, зверзе — згадавши її чоловіка...

— ...цей прекрасний букет, я дарую вам вазу з самої Індії, з Калькутти чи Брамапутри...

Хтось уже чмихнув, але в жінок пальчики були ще на ротах.

— ...і прямо з водою, та — не простою, а з джерела, біля якого ви любите з Михайлом Іллічем відпочивати... Тож — з води і роси!

Петро у своєму сценарії розраховував на прибий оплесків, але вони були ріденькими, та й ті — на адресу іменинниці, щоб її підтримати, бо, сердешна, стоїть — і чи їй стояти, чи впасти — спочатку вона зблідла, потім — почервоніла, а потім обличчя взялося якимись синюватими смугами. Це як чоловік її ще до закінчення Петрового привітання встав з крісла під стіною і пішов до бічних дверей.

І не можна ж їй, Аліні Петрівні, чимсь виказати її приголомшення, бо — крах! Їй же треба ще й оцю Петрову, зараз їй ненависну, мордяку поцілувати, як те вона дарувала кожному, хто її вітав і обдаровував перед Петром.

Жіноцтво залу оцінило мужність своєї керівнички і першим гучно заплескало...

Може, воно й вляглося б. Так цей Петро на фуршеті звернув на себе увагу тамади і показав великим пальцем у бік своїх геть не колесом вигнутих грудей, мовляв, дай мені слово для тосту.

— Якби, Аліно Петрівно, — підняв Петро свій келишок і повів рукою з ним у напрямку свого директора, — я народився раніше і у ваші молоді роки наші стежки пересіклися, то я склав би для вас такого вірша. — І Петро продекламував рядки про любов місцевого автора, які завчив, бо й сам для шухляди трохи віршував.

«Ні! Він — просто падлюка!» — зашаленіла в собі, бо трохи вже було відійшла від Петрового поздоровлення, милий директор проектного інституту і скосила погляд у бік свого чоловіка, який стояв біля протилежного кінця

столу і вже при перших словах Петра нагнув голову.

Вдома ж він, порадивши синові прогуляти у дворі з м'ячем, зробив розбір польотів:

— Так можуть поводитись з лековажною жінкою. Що це за натяки. Мені краще було б провалитись... Та ще й Карпенко все це чув і перекаже Севаст'янову. Це така ганьба! Це така ганьба! — бігав по бісектрисі від кутка до кутка кімнати знаменитий у місті лікар-невропатолог. — Це — не для мене. Ось чого ти запізнявалася вечорами. На проектах... Гарно якийсь проектував, чи, може, й він? Я пішов! І не шукай мене. Такого облизня я не заслужив, пані ювілярко! Дякую!..

— Вигнати з роботи я вас, Петре, не зможу, — витерла мініатюрною хустинкою вперше нефарбовані очі ще милої кішечки Аліна Петрівна, і цим підсумувала довгу розмову зі своїм підлеглим Петром Притулою. — Ви ж через суд відновитесь, а я покрию себе ще однією ганьбою.

Вона ще раз піднесла до очей хустинку:

— Міша мене покинув.

Голос її був аж ніби дитячим, і Петро вразився жалем.

— Та я йому пику наб'ю, — обурився автор геніального привітання. — Таку жінку! Та на вас порошинка не сідала!

— У нього — другий розряд по штанзі в інституті був, — аж схлипнув плач Аліні Петрівни.

— У мене був перший з класичної боротьби, — виставив свої тепер вже геть не орлині грудці проєктант Петро.

— Ось уже рік минув, а Міша не повертається, — голос керівнички був трагічним аж до жирного відчаю.

— Термоядерною бомбою знищити це місто! — визріла не менш геніальна пропозиція, ніж геніальне привітання, у проєктанта Петра. — Не можна тут ні пожаргувати, ані зіронізувати. А люди ж ніби грамотні — інтелект міста... Пі-

текантропи! Викопний історичний матеріал!

— Тепер мирить... Ви розумний чоловік, слів доберете, — запропонувала Аліна Петрівна найдраматичніший для Притули варіант. — Мене він і слухати не хоче...

Довелося Петрові Притулі спробувати підремонтувати і свій стан, бо цей рік був для нього пеклом від гризот за свій язик і душевний стан геть знищеної горем Аліні Петрівни. Він добився аудієнції з лікарем-невропатологом, і це було нелегко в стінах лікарні, і почав розмову з прикладів Давнього Риму і через середні віки дійшов до Гришки Меліхова з «Тихого Дону»:

— Так там же була якась причина ревнощів. Але він, гордий козак, протиставив Аксинії того німця. А тут — язик якогось недотепи, якась неоковирна, двозначна фраза — і таке хлопчаче рішення. Ну з'їздить мене по мордяцці — один на один чи при людях. У вас же — другий розряд із штанги...

— Що! — аж вигукнув стриманий завжди видатний лікар. — Вона присилає гінців, які вже знають такі подробиці мого життя? Геть! — відчинив Михайло Ілліч двері кабінету!..

Петро надів кашкета...

Як побитий і згризений пес, зайшов до кабінету директора проєктний Петро: — Вигнав, — упав його трагічний голос на полірований пристінок біля двотумбового столу Аліні Петрівни.

Аліна Петрівна відкинулася на високу спинку керівного крісла, підкресливши фатальний кінець своєї долі:

— От і все! Кому я тепер потрібна? Ні баба, ні дівка. Одиначка на очах усього міста... То бери мене ти, — перейшовши на «ти», попросила Аліна Петрівна всемогутнього Зевса опустити на голову Петра одразу десять громів.

Петро стремтів:

— По-перше, ви правильно сказали: ні дівка, ні баба. Ви якраз жінка в соку. Літа нормальні. Ви ще — ой-ой-йой!

По-друге, у мене — сім'я, і розлучувати не дозволю, — не повірив своєму нахабству Петро.

Аліна Петрівна рвучко встала, кинула хустинку на стіл і попрямувала до дверей. Відкривши їх, тими ж громами вдарила Петра:

— Геть!

Кращий в інституті проєктант із зовсім перебитими ногами, не пам'ятаючи, як він минав трагічну постать покинутої жінки, вибув з директорового кабінету.

Потрясіння було таким сильним, що ніякі принципи Петра Притули до всього ставитися з гумором не спрацювали, і йому кололо в грудях і раз, і два, і голова мала тріснути, як осінній кавун на маминому городі в селі.

Його привезли в обласну лікарню — одразу в реанімацію.

— Там привезли з інсультом, — звернувся до чергового невропатолога Михайла Ілліча його колега, котрий був на ювілеї дружини. — Того... що вітав Аліну Петрівну... Якраз такий момент.

— Що? — обурився Михайло Ілліч. — Ви що? Скажуть, що я поквитався... Ні-і! Я його і мертвого поставлю на ноги.

Він відчинив двері — на ліжко обережно вкладали, як виявилось, важкенького чоловіка.

Михайло Ілліч його врятував. Не відходив від хворого, затримувався на зміні, телефонував з сестриної квартири, де поселився після збігу від любові Аліні.

І ось він заходить у палату, щоб сказати хворому, що він здоровий, дати поради на період реабілітації.

— Ви врятовані, пане Притуло. Дякуйте Богові, що вас привезли терміново, — сів біля ліжка лікар.

— Це вам дякувати, Михайле Іллічу, — не по-хворому схопився Петро з ліжка.

— Ні, ні! — встав зі стільця Михайло Ілліч. — Вам ще деякий час не можна так різко.

— А! — махнув рукою колишній борець-розрядник і підійшов до столу, що притулювся біля вікна, на якому у високій дволітровій банці просто аж майорів яскравий букет квітів.

— Це я попросив рідну мою сестричку Люду, щоб принесла мені на виписку — для вас. І щоб стояв він у вас довго... — Петро повторив трагічну «ювілейну» паузу, — у цій банці, бо я попросив Люду набрати в неї води з того ж Миронівського джерела. Щоб стояв і нагадував вам про незрадливую любов до вас Аліни Петрівни...

Михайло Ілліч показав рукою, щоб Петро поставив букета на стіл, вийняв з кишені мобільник, настріляв номер:

— Аліно, я повертаюся!.. Просто він — пасталака і тріпло.

— Не згоден! — сів на ліжко Петро. — Я — не тріпло. Я — геній! Амінь!

— Тріпло! — повторив лікар, йдучи до дверей палати.

— Ні! Я — геній, — знову заперечив Петро. — Якби не було цього випадку, як би ви перевірили своє почуття до Аліни Петрівни? А так цей рік був для вас роком душевних мук. Тепер ви будете цінувати Аліну Петрівну з доважком у двісті відсотків...

Йому, Михайлові Іллічу, справді її не вистачало. Не вистачало її пухленьких щічок на його з літами згрубілому, часом з колючками, чоловічому обличчі. Ноча-

ми він прокидався і клав руку вбік, і лягала вона не на високі груди дружини, а на осоружну голу половину твердого матраца... Не вистачало її вуркотіння біля столу, до якого він сідав повечеряти після важкого чергування в лікарні, не вистачало того вуркотіння в ліжку і як проводжала на роботу, не вистачало її великих очей із зеленкуватим туманцем з іскручими до нього лисичками.

Та чоловіча гординя не здавалася, і він на прощання, вже біля дверей, сказав:

— Все одно — пасталака.

— Ні! Геній! — гучно заперечив, уставши з ліжка, Петро.

Треба ж було чимсь завершити Михайлові Іллічу, і він вже чомусь незлобливим голосом підсумував:

— Чмо!

— Ні, не «чмо» — геній, — не здавався одужаний, хоч голос його був уже примирливим.

Тоді лікар вирішив, що крапка буде, якщо те слово розділити по складах. Але слово було односкладовим, та все ж Михайло Ілліч віднайшов, на його думку, вдалий заключний поштовх, хоч уже й примирливий:

— Чи-мо!

Петрові крапку було ставити легше, бо його слово було двоскладовим, і він переможно його розділив, теж примирливо:

— Ге-ній!

Олекса Різників

Одеса

МОРЕ

Вранці море заростає ковилою.
Я по ній табун коней пастись пускаю,
Стисши гриву стригунця, до водопою
Я від спеки десь опівдні утікаю.

Летимо...
Гей! Аж стеляться по хвилях мої коні,
Копитами ковилу та й приминають.
Вже і в милі, вже і піт стіка солоний —
Водопою все немає і немає.

О цей біг нестримний!
О цей — в лице — солоний вітер!
Куди і доки?
Розтатакались копита до нечуть,
Щось непевне, неритмічне тчуть і тчуть,

Простелились — аж невидко з ковили...
Сиві гриви...
Сині коні...

* * *

Якісь дощі пішли сором'язливі —
що вдень не ходять — тільки уночі.

* * *

Браму городища цього
Охоронці зачинили
Перед носом, незворушно
Списи схилені схрестили.

Я із нього і до нього
Ви напевне помилились

Гляньте
На спині у мене
Герб його зів'яле листя

Я вам розповім напам'ять
Його вулиці й майдани
І людей його і навіть
Вас пихаті

Вас німове
В мене горло пересохло
Біля брами

Сергей Рядченко

Одесса

ЧЕЛОВЕК В СРЕДЕ КУЛЬТУРНОЙ

Былина смутного времени

Было это не со мной.
Вы ж договорить дайте, а потом уже.

Не со мной, а с нашим Аликом Полупановым. Вот видите. Альфредом Степановичем. Что? Будем слушать? Человеком, между прочим, не дайте соврать, весьма и весьма солидным. Он у нас, как вы помните, еще в эСэСэСэ-Ре был кто? Правильно — театральный деятель. И притом какой? О! — самобытный. В одном лице вам и режиссер, и драматург, и художник с композитором, и хореограф с кем вы только ни захотите. Другого, представьте, на ту пору не сыскать — ни в нашем лагере развитого, ни в их с гнильцой, ни среди остального человечества. Сам не проверял, но энциклопедиям верю. Ни дать ни взять, человек Ренессанса, достояние нации! И сочинять ведь умел ничуть не хуже их Ибсенов с полунашими Ионесками. «В Ожидании Годо»! Можно подумать! «Играем Стринберга»! Да играйте хоть в очко, господа, да живите себе, месье, хоть в Париже, а наш Алик еще в двадцать пять по-молодому такую пьесу себе набарабанил, что ее тогда же навсегда

нам и запретили. «Студентка в цилиндре без ничего по бульвару на закате на самокате». Что-то вроде. Читали? Какой к черту ксерокс?! Когда было! А шестую копию машинописного или, что вернее, от руки на кальке семнадцатью разными почерками честных девушек из Черноморгидростроя не хотите?

Но я ведь что рассказать хочу. Прибыли мы на гастроли. И не в Таллинн, скажем, который давно уже не Ревель и где нас с вами и так на дух не переносят; тогда бы понятно. Нет, в самый что ни на есть обыкновенный Кировоград, угу, который, конечно, уже тоже успел побывать даже Зиновьевском, а так вообще назван на самом деле когда-то вполне по-людски в честь Елисаветы, маменьки Иоанна Крестителя, но не в этом же дело. А в том, что Политбюро всегда нам на беду сыщет в своем нутре какого-нибудь геранта, которому больше других, ё-маё, неймется увековечить серость свою посредством какой-нибудь запретительной кампании. И не станет жисти нам с вами ведь. А еще, конечно, в том, что Альфред Степанович Полупанов, как бы мы вам тут его

сейчас ни расхваливали, а страдал уже на ту пору некой манией величия, и гастроли в провинцию переносил мэтр не без труда, не без известных потерь для бесценного своего здоровья.

Стучит он мне в номер в первый же день с утра пораньше и требует на правах начальства, чтобы я сей же момент прекратил работать над собой, если таковое имеет место, мол, и так уже более чем достаточно, — а когда он видит жизнь в таком ракурсе, то сразу ж понятно, что ему от меня что-то нужно позарез, и действительно, а в другой раз скажет: нет, старик, тебе еще лепить себя и лепить, так что пардон, но то в другой раз, — и немедленно следовал за ним, ибо есть дело и нужны люди.

Я вообще плохо умею отказывать, а с утра так и подавно. И наскоро умывшись в истоптанном заведении в конце коридора, я плетусь, зевая и кивая сентенциям Альфреда касательно постановки «Дяди Вани», что Питер Брук давал намеренно премьерой в Лондоне, откуда Алик только третьего дня и воротился, чтоб как раз, понятно, поспеть на гастроли в бывший Елисаветград.

— Не зевай, — говорит Алик. — Это невежливо. А если уж зеваешь, то зевай вот так.

И он показывает, как это, а показать, мы знаем, он может все, что угодно, и деться от этого некуда.

— Понял? Покажи, — требует он. — Ну вот, совсем другое дело.

И опять же, коль скоро мой вариант принят вот так с ходу и никто не заставляет меня повторять по тыще раз, аж до тех пор, пока Полупанову не покажется, что теперь да, оно, поехало, потекло, понеслось, то яснее ясного, что нужда во мне в то утро велика.

— Старик, ты комсомолец?

Желая показаться остроумнее, чем позволяют обстоятельства, я скакнул через один ход и ответил сразу вопросом на вопрос:

— Давай не расставаться никогда?

— Да нет, — сказал Алик. — В смысле ножик у тебя при тебе? А то они теперь бескозыркам всем всё на фиг

поотрывали. И что? Теперь это ермолка, тюбетей, кипа, тиара, шапка моджахеда, да все, что угодно, но только ленточки нет как нет, и зацепить не за что. Гляди!

И с этими словами помятый Полупанов извлекает из закровов потертой дубленки раздобытый им где-то, а скорее всего прихваченный в чемодане межносок из дому, сверкающий шкалик «Российской», который смотрится в его лапище почти что бессмысленным мерзавчиком.

— Так борьба ж, — поясню я отсутствие язычка на пробке.

Хотя чего тут пояснять, когда и так все яснее ясного.

— Геноцид, — соглашается Полупанов. — Собственного народа.

Ножик у меня был при мне, потому что я обожаю затачивать карандаши.

— Молодчина, — хвалит Алик. — Я в тебе никогда не ошибаюсь.

При всей его сомнительности другого комплимента в то утро мне не сыскать.

— Ты б запрятал назад, — говорю. — Не афишировал бы.

— А чего вдруг? — уныло ерничает Полупанов. — Шкалик мой. Я его не крал, я его приобрел на свои. Могу чек показать из спецмагазина на Гаванной. И вообще, перестройка у нас или не перестройка? Так я вот в ней фрonda по данной теме, не похож?

— Похож, — говорю. — На полупризнанного гения с бодуна перед спектаклем. Просто вылитый.

— Перед репетицией, — уточняет Полупанов, размахивая шкаликом на морозе.

— На одиннадцать. Надо ж сцену их протоптать тут.

— Тем более. Прячь бутылку, а не то заметут. Здесь тебе не Лондон.

— Эх, — Полупанов, замечтавшись, возвращает шкалик в закрома. — Там, старик, в Альбионе туман. Там укрыться можно.

Этот еще совсем недавно невыездной человек удивительно спокойно относится к тому, что он теперь выездной. Все-таки, что ни говори, а масштаб личности,

хотите вы или не хотите, а сказывается во всем, и в большом, и в малом.

Ближайшая забегаловка — это стоячая «Идальня» на улице имени кого-то. Не знаю, как обычно, но в то утро тут без толпы. Изо рта валит пар. Вместо столов круглые на железной ноге стойки-подставки из молотого щебня в расчете один такой круг на трех-пятерых или всех, кто станет. А в меню миттей, и хватит вам. О, славные времена второй нашей молодости! Да, еще помидоры моченые.

— А стакана я вам не дам! — говорит нам, не успели преступить порог, хозяйка заведения в шапке-ушанке со звездочкой и белом фартуке поверх ватника. — И даже не просите.

— А мы не будем, — в тон ей отвечает Полупанов. — Мы у вас компот возьмем. А еще лучше сок томатный. Два.

— У вас что, повылазило? — то есть в Кировограде, значит, тоже могут. — Разуйте буркалы, — говорит беззлобно эта добрая женщина. — Витрина ж на то и под стеклом, чтоб видеть мочь.

Эх, лень моя подруга! С тех пор минуло столько лет, а так и не вписал я сей бессмертный пассаж ни во что более объемное, чем тогда же на ходу возникшее: я вышел в ночь, чтоб видеть мочь.

— Ух, ты! — воскликнул Полупанов, когда по совету хозяйки разул буркалы. — И ни чаю, да? Ничего?

— Ни-че-го! — подтвердила хозяйка, и в одиннадцать на репетиции Полупанов ее б, конечно, подправил бы и не слез бы с живой аж до тех самых пор, пока несчастная не попала б наконец в яблочко, в том смысле, что не угадала бы своей интонацией безошибочную пропорцию ледяного отчаяния с полным смирения драматизмом; но то в одиннадцать, а сейчас недоказуемо дрогнувший голос и мимолетное облачко пара изо рта вполне устроили великого постановщика. — Вы ж не слепой, — сказала она ему. — И вы же не глупый, в дубленке.

— Ладно, — сказал Полупанов. — А как насчет бумажных стаканчиков?

— Вы что, глупый? Говорю ж, никаких. Ни бумажных и никаких.

— Ну а чашка? Вы ж из чего-то пьете в обед. Давайте мы у вас ее арендуем на пять минут за большие деньги.

— В обед домой бегаем, — сказала хозяйка, и эту ее интонацию Полупанов не стал бы трогать даже перед премьерой в Кремле. — А в заведении, согласно указу, — она извлекла из-под прилавка машинописный текст, усеянный печатями, и, демонстрируя его нам, ткнула, не глядя, красным от холода пальцем в эти самые печати, — «не держим ничего, пригодного для распития спиртных напитков». Ни-че-го.

— Эка! — восхитился я.

— Экко это Умберто, — сказал Полупанов в задумчивости. — «Маятник Фуко» читал? Так вот, сейчас, — предупредил он, — нам это не поможет. Ну, а тарелку чистую, хозяйюшка, дадите?

Женщина снова извлекла листы с печатями и молча помахала ими в холодном воздухе.

— Что?! И тарелки?!!!

— Тут до вас таких уже было, — сказала эта кировоградка. — Смекалистых. И потому в указе, мальчишки, все учли. Ничего это ни-че-го.

— Все учтено могучим ураганом, — подытожил наш деятель театра проездом из Лондона. — А миттей вы в чем подаете?

— Так вот, — хозяйка протянула нам кружок серого, слегка гофрированного по периметру, картона. — Не в руки ж.

— Эка! — снова вырвалось у меня.

— Действительно, — сказал Полупанов. — Бедный Дали. Ему б до такого в жизни не догадаться. И что ж, у вас так во всем Кировограде?

— Ну почему? Там дальше тут кафе на углу. При всем параде. Только вас там обыщут всего на входе от шнурков до темечка и отнимут, да, а нет, так и в милицию. Вы б, мальчишки, не гоношились, а обошли б нас с черного хода. Там ящик с мусором. Там из горлышка, а бутылку в снег. Так все делают. Живы, как видите.

Мы с Полупановым оглядели тех, кто жив. Их было немного. За двумя стойками в двух углах в общей сложности не больше пятерых. Меня как меня, а Полупанова осмотр, видно, не убедил.

— Два митетя, — сказал он вполне официально.

— Ну как знаете, — вздохнула хозяйка и потерла, нащупав, звездочку на шапке. — Но только в заведении из горла не рекомендую. Патруль застучает, хлопот не оберетесь. И меня пожурят.

Полупанов ей больше не отвечал. Он сопел и шуршал купюрами. Тогда я спросил:

— А у вас там под прилавком под указом кнопка красная, чтоб сигнализировать?

— А как же! — хозяйка хохотнула хрипловатым контральто, и мне, хочешь не хочешь, пришлось обратить внимание на то, что она моложе, чем кажется на этом холоде, и симпатичней, чем видится в этой экипировке. — Вот вы думаете, что я пошутила, да? А вы так не думайте. Теперь же всем еще, вы знаете, и на работу надо ходить, вот о чем подумайте. А патруль заглянет, так документик личности. Почему тут, спросят, а не там, не на производстве? А нет, так туго будет. Метут всех без разбору.

— А этих? — спросил я, кивнув на тех, кто живой.

— Этих? Этих нет, — вздохнула хозяйка. — Этим уже можно.

Пронзительность формулы всколыхнула во мне что-то полузабытое, из юности спортивной. Так выгоняли из команды: тебе уже можно.

— А нам, стало быть?

— А вам, стало быть, еще пока нет. Низзя.

Полупанов, сложив наконец в голове какие-то цифры, а в лапше рублевки с мелочью, возвратился в разговор:

— Метут?! А у нас после Андропова сразу перестали. Ну, в смысле за отсутствием в присутствии.

— А у вас это где? — спросила хозяйка.

А мы ее:

— А вы случайно, по разговору, не из Одессы?

— Я? Нет. Я из МГУ.

— ?...

— ...?

— А, — отмахнулась хозяйка. — Помидорчик давать?

— Кладите.

И каждому из нас вручено было по картонке с митетем и солением, унавоженными чем-то вроде томатной пасты. Мы возложили это на ближайшую стойку, и Полупанов стащил со своего лысеющего черепа мохнатую кепку с наушниками.

— Из горла не буду, — сообщил он, угрюмо глядя в митетей. — Это насилье. Я против. А ты?

— По утрам не пью, — сказал я, свято веря в то, что сказал.

— Обычно не пьешь, — поправил Полупанов. — А сейчас придется.

— Тогда и я против, — согласился я в надежде оттянуть момент истины.

— Вот видишь, — сказал Полупанов, и тут его осенило, и лик его просиял. — Гляди! Сие знак есть, а я болван старый, — и он указал на центр нашей стойки, где мирно покоился высокий стакан из шершавой пластмассы грязно-розового цвета с воткнутым в него куском от рулона туалетной бумаги со щепками. — Гони ножичек. Эврика!

Став из уважения к нашей хозяйке к ней спиной, дабы заслонить от ее добрых глаз свои манипуляции, Полупанов лихо взрезал жезл «шапки моджахеда», подхватил бумажный ком и, сверкнув глазом, выбулькал в освободившийся стакан весь шкалик одним махом.

— Вот же упрямые, — вздохнула хозяйка у него за спиной.

— Ну, пополам, — подмигнул мне расцветающий на глазах Полупанов. — Родина вас не забудет. — Он протянул свою лапищу и ухватил розовую пластмассу.

На лице его отразился ужас, который я сперва приписал проникновенному осознанию предстоящих глотков, но тут же сообразил, что произошла катастрофа. При всей своей гениальности и при

всем своим могучем телосложении выдающийся деятель советского театра Альфред Степанович Полупанов оказался не в состоянии отделить пластмассовый стакан от каменной поверхности круглой стойки. В панике Полупанов навалился на стойку и заглянул в розовое нутро.

— Так и есть, — выдохнул он, как кит из-под воды. — Привинтили, гады.

Я тоже заглянул. Добавить нечего.

Установление причины поубавило ужас, но не внесло ясности относительно дальнейших действий.

— Ну, а я что говорила? — сказала хозяйка. — Надо было, как все, а не как у вас там в столице.

— Да какой к черту столице! — буркнул Полупанов.

— В Лондоне, — подсказал я. — Не надо, как в Лондоне. Надо, как все.

— Поздно, — произнес Полупанов человечьим басом не по-театральному. Он вручил хозяйке в ее красные в золотых кольцах руки пустой шкалик, передал ей на временное хранение обе картонки с алюминиевыми вилками и, развернувшись ко мне, собрался, как голкипер перед пенальти, и зычно скомандовал: — Наклоняй!

— Так говорю ж, упрямые люди, не получится, — сказала хозяйка, не дав мне толком подналечь на молотый щербень. — Все ж принайтовлено, как на крейсере.

Согласитесь, встретить поутру в кировоградской идальни женщину в армейской шапке, свободно распоряжающуюся словом «принайтовлено», уже колоссальная удача не только для работников театра, а для любого разумного человека. Но в то утро эта удача несколько омрачалась неудачей. Мы опустили глаза долу, дабы, увы, убедиться в справедливости сказанного. Железная нога у пола расходилась натрое, и две ступни из трех были привинчены к бетону сквозь цемент между плиток крупными болтами с головками «на двенадцать».

— Уффф, — сказал Полупанов. — А откуда вы знаете, как на крейсере?

— А мой первый был с БПК.

— С чего?!

— С большого противолодочного. От него и сбежала в Москву на исторический.

— А дайте нам, пожалуйста, будьте любезны, Любовь Станиславовна, гаечный ключик, если можно, — сказал я, идя ва-банк и понимая, что отказ будет смерти подобен.

— Не дам, — сказала хозяйка. — Потому как нету.

А смерть все не шла.

— И не Любовь, а Людмила, — хозяйка протерла полотенцем прищипленный к фартуку ламинированный квадратик, на котором значилось: Бойченко Л. С. Шеф-повар. — И не Станиславовна, а Сергеевна.

— И не просто шеф-повар, — подхватил я, — а очаровательная женщина в расцвете сил.

— Вы экстрасенс?

— Да жуир он, каких свет не видывал, — заявил без обиняков Полупанов. — Не верьте ему, врет он все.

— Ну почему, — сказала Людмила Сергеевна. — А я как раз поверила. Только разводного у меня все равно нету.

— А как же быть?

Те, кто еще жив, из двух углов подтянулись и обступили поле нашей неравной битвы, наполнив холодную, с паром изо рта, атмосферу заведения цоканьем языков и неподдельным сочувствием.

— Гляди, одна ж нога не схвачена.

— Так, может, братцы, навалимся? А те две и отогнутся.

— Я вам навалюсь, — сказала хозяйка, и этот план был исчерпан.

После чего, разумеется, каждый из нас попробовал крутить болты пальцами. Но ведь нельзя ж было не попробовать!

Следующие несколько минут ушли на мозговой штурм под постоянное причитание одного из живых, полуживого, что какое ж это счастье, что стаканец прихвачен накрепко и не протекает, а не то б несчастье.

Среди озвученных идей мелькнули такие. Первая: раскрутить шариковую

ручку и из корпуса получится вполне сносная трубочка.

— Так там же водка. Как ее высеешь?

— Так надо было шмурдяк лить.

Этому велели не умничать. У людей беда, а он...

Вторая: окунуть в стакан носовой платок, если чистый, впитать побольше и мигом в рот. Не стали. Третья: макать туда хлеб и есть, как тюрю. Полупанов и эту забраковал, на что знатоки пришли к выводу, что подготовка его оставляет желать лучшего и что с такой сидеть дома, а не пускаться в рыск. Были и еще.

Я тем временем снял куртку и последовал к рукомойнику на стене над тазом на табуретке. Вода в нем замерзла не вся, и мне удалось вымыть руки, а потом и ножичек, хозяйственным обмылком.

— Что ты задумал?

— Значит, так, Альфред. Если это не сработает, разворачиваемся и уходим без оглядки. Уговор?

Отвертка в ножичке была короткой, и чтобы дотянуться до винта в днище стакана, мне пришлось окунуть в водку полруки. Ножичек, конечно, выскальзывал, винт, конечно, не поддавался. Помощи мне никто не предлагал, потому что мыться на такой холодрыге дураков не сыщешь. И никакая кино- и фотоаппаратура не передаст выражение глаз, следивших за моими усилиями.

— А мититеи стынут, — сказала хозяйка, и это было первое и последнее неуместное, что она сморозила в тот день.

И как бы в подспорье, что ли, на выручку этому случайному диссонансу запахнулась тут же неслучайно, скрежетнув по бетону, сварная дверь из катанного железа, и в наш зарождающийся уют полутайного братства проник весь в клубах пара беспардонный дискомфорт развитого, а теперь, чтоб ему, перестраиваемого, социализма в виде пыхтящей без намордника овчарки на поводке и двух свирепо-малиновых с мороза милиционеров в темно-синих тулупах.

Если бы, думаю, Иероним Босх проживал бы с нами о той поре бок о бок, он бы, думаю, уже изобразил бы нам с вами ту картинку со всеми ее причиндалами всем и каждому на века, и не надо б тогда ему было особо никаких иных полотен. В моем запрятанном под кашне негероическом организме возникла паника. Хотя правильнее было бы свидетельствовать, что с момента моего тут, у нас, нелегкого посередине века рождения паника никогда не оставляла меня в покое; она лишь переходила из одного своего состояния в другое, под стать неизвестному закону Михайлы Ломоносова, а интенсивность ее в диапазоне от среднестатистической до чрезвычайной всецело зависела от предлагаемых обстоятельств. Мохнатый холодок пробежал вдоль хребта и отметил уровень перепуга вдвое выше обычного. В голове, разумеется, промелькнул калейдоскопом паноптикум отвратительных сцен, среди которых срам с позором в вытрезвителе и неизбежное после треском изгнание Полупанова за пределы родины, а меня из партии и театра, были еще не самыми душещипательными. Не досмотрев калейдоскопа, я вдруг вспомнил, что в партии не состою, и дабы исключить меня из ее рядов, меня сперва туда принять надобно, и тут же представил себе — отдельным витражом — насильное, под конвоем с овчаркой, зачисление меня в ряды КПСС по доносу из вытрезвителя. Быть может, я бы даже бы рассмеялся, но тут овчарка зарычала, и я перестал думать и воображать себе, а, ведомый одним лишь инстинктом самосохранения, продолжил, ничтоже сумняшеся, дабы ничем не выдать себя среди неровностей новой ситуации, делать, что делал, когда возникла опасность, то бишь крутить в стакане винт наружу и сопеть сосредоточенно. После Полупанов, конечно, скажет, что актер из меня, как из верблюда бала-лайка, что нету во мне, разумеется, ни меры, ни вкуса, да и откуда, когда я, не разобравшись, огульно столь отвергаю и в системе Станиславского, что ни попадя, и в теории Эрика Бентли, и вообще

отношусь к театру по недоразумению, и что мне только и демонстрировать свое искусство, а вернее, его отсутствие, разве что вот именно перед волкодавами. Но то будет потом, не сразу, а на тот морозно-затруднительный момент, полагаю, моего верблюдства, видать, с невозмутимостью на все про все, оказалось, хватило с лихвой. А если Полупанов против того, чтоб с лихвой, так это уж дело вкуса. А о вкусах, как известно, не спорят.

— Так, значит, — пропихнул к нам морозные слова сквозь клубы пара старший патруля в звании сержанта. — Документики готовьте, товарищи, а нету, так пройдемте, — и направился со своим подчиненным с овчаркой прямиком не к нам, из чего стало ясно, что мы ему с его подчиненным с овчаркой, значит, на закуску.

Надо думать, всё и все тут, кроме нас, были этим двоим и их собаке знакомы до обрыдлости, даже с учетом их природной тяги к любимому занятию страшать и укрощать, так что нам, судя по всему, предлагался некий спектакль, который в иных обстоятельствах мог бы и развлечь не хуже любого другого спектакля, но иных обстоятельств, как водится, просто так не дадут, и если кто-то тут и мог послужить объектом развлечения, так это, как ни крути, хоть шуруп, хоть что угодно, были, конечно, мы с Полупановым сами, оба два, для любого, случись, количества зрителей. Полупанов, надо отдать ему должное, да и кто сомневается, времени тоже зря не терял. Он отнял назад картонки с мититеями, выстроил между нами из них мизансцену скорой трапезы и чревоущательно велел мне откусить от мититея хотя бы что-нибудь.

— Сам кусай. Я делом занят.

То, как Полупанов вращал во гневе утренними, с заревым отливом, белками глаз над страшными своими усищами, я передать не берусь ни словом, ни делом. Сюда бы к Босху хорошо бы еще и Пикассо. Пабла бау.

И опять же из чрева шепотом Альфред донес до меня:

— Побойся Бога, — это он сказал мне, и не было у меня свидетелей, кроме вышних. — Нигилист хренов, — провещал он, не шевелясь. — Ты что ж, не видишь? Я ж вот это, — ткнул он вилки алюминий в распростертый мититей, — без вот этого, — нахлобучил он усищи над моей рукою с ножичком с отверткой в пластмассовом стакане с винтом и водкой и повторил бесшумно, — вот то без вот этого, дядя, я в себя не пропихну, хоть бы ты что, хотя б даже во имя искусства, понял?

Я кивнул. А винт все скользил и не поддавался. Да и что бы я стал с ним делать, если б он сейчас вдруг пошел?

— Кусай, — потребовал Полупанов хоть и из чрева, но на правах главного, и в глазу у него сверкнула даже кочевничья степная слеза.

Я взял в левую руку вилку, умудрился отделить мититей от принавоженной картонки и укусил. Каков он был на вкус, я расскажу только внукам у камина по достижении ими совершеннолетия.

А милиция тем временем, порывкая овчаркой и побуркивая начальником, осмотрела всех не нас и установила, что ничего предосудительного и противоправного меж не-нами не наблюдается.

— Жуй как следует, — велел мне Полупанов. — Не балуйся.

А сам ухватил клочок туалетной бумаги и принялся отирать им себе усищи и так и эдак после якобы на одном дыхании проглоченной снеди.

— Сержант Яковченко, — козырнул по-тулупному наскоро старший патруля, а младший с овчаркой зашли Полупанову с тыла. — Ваши документики.

Больше всего мне не хотелось, чтобы Полупанов стал умничать, и он, разумеется, не замедлил это и сделать:

— А у нас что, комендантский час?

— Никак нет, гражданин, — сказал сержант ледяным, холоднее, чем на улице, тоном, и мне сделалось жарко. — Зато у нас, — сказал сержант, кашлянув, — как вы изволите, рабочее время в будний день. И всем положено быть на местах при исполнении. Если, конечно, они не калеки или на пенсии.

— А те добрые люди, — не унимался Полупанов. — Они у вас по какой категории?

— А вот этим, гражданин, вам интересоваться совершенно лишне. Это наша забота установить-выяснить, кто здесь почему, а не там, где ему положено. А не ваша. Ваши документы!

Полупанов долго рылся в своей дохе, а другой рукой с бумагой расцарапал себе таки щеку над усами.

— Вот и кровь у вас, — сказал сержант. — Нехорошо. Пройдемте.

Но тут Полупанов извлек и предъявил. Я это не столько увидел краем глаза, будучи всецело занятым собственной деловитостью, сколько почувствовал по набрякшей тишине.

— Гм, — сказал сержант, раскрыв темно-вишневые корочки. Молчал он долго, хотя листать там вроде было нечего — раскрыл-закрыл. — Что ж вы, товарищ Полупанов, заслуженный артист СССР, а не на работе?

Я чуть не булькнул от удивления, и первое, что представил, как Полупанов только что, копаясь в дохе, дописал на ощупь в свое обычное удостоверение главрежа еще и заслуженного, но чем, но как, и что за цвет?

— Спектакль вечером, — сказал Полупанов, и теперь в его тоне было столько же льда, сколько прежде в сержантском. — А репетиция, когда назначу. Так вот.

— Да вы не воспринимайте, — сказал сержант по-свойски. — Я же пошутил. Мы же понимаем. Мы ж не с Аляски.

Он строго глянул в мою сторону.

— Монтер?

— Монтер, — сказала мне Людмила Сергеевна, а я кивнул.

— Что ж ты, — сказал сержант, — при исполнении, а запах от тебя хоть закусывай.

— Это со вчера. Виноват.

— Рассказывай! Со вчера. Дураков, герой, знаешь где ищи? В зеркале! Понял?

— Да понял он, — сказала мне Людмила Сергеевна. — Никакой он не герой. Ну не совсем здоров человек в мо-

роз поутру, это правда, а понять всё понял. Правда ж?

Я кивнул.

— Не мешает? — спросил сержант Полупанова.

— Да нет. Даже наоборот.

— Ну давай, крути, — сказал мне сержант. — Чтоб намертво. Чтоб вся социалистическая собственность, да, была, одна, бл, к одному. Понял?

Я кивнул.

— А вот что я не понял, — сказал сержант, — и действительно удивительно, так это заслуженный артист, а едите черт знает что. Это как же?

— А мне нравится, — сказал Полупанов чуть ли не искренне.

Сержант козырнул, и патруль покинул заведение. Овчарка, выходя, несколько раз оглянулась на меня с большим подозрением.

— Все, — я бросил ножик. — Не крутится.

Я был выжат своей игрой в этом спектакле. И сказал Полупанову:

— Мне так не нравится. Я так не люблю, чтоб меня овчарками, понятно?

Мне никто не ответил.

— Все, — сказал я. — С меня довольно. Пошли отсюда.

И вновь тишина. И взоры всех, кто тут есть, и Людмилы Сергеевны, обращены к моей скромной издерганной персоне. Как они на меня смотрели, такое и внукам не передашь! Я сунул руку в водку и ухватил ножичек, и снова нащупал отверткой паз в головке винта.

— Да, — сказал Полупанов.

Потом он скажет другое, вы помните? А тогда он сказал вот что:

— А ведь ты, старик, похоже, сыграл монтера. Никуда не денешься.

— Не, — сказала Людмила Сергеевна. — Захотелось просто сержанту, чтоб вы монтер, вот и. Вы ж не наивные. Из уважения ко мне, если вам так подходит. А не захотел бы, так и.

— Нам все подходит, — сказал Полупанов, зажимая царапину на щеке изодранным в щепки клочком туалетной бумаги. — Но замечу, любезная хозяйка, что тут, однако, больше объема, чем

просто, при всем моем уважении, захотел, не захотел. Нет. Тут, понимаете, — он простер ко мне свою лапищу, — мой друг не только не сделал ничего лишнего, как положено артисту, да? Так нет! Куда там! Мой друг шагнул по ту сторону. Понимаете?

Думаю, Полупанов с его интуицией в сей миг уже вкушал недобытую еще водку и на глазах приободрялся.

— Да, он, мой друг, представьте, во всей этой вот тут действительности, среди нас с вами, не сделал вообще! ничего. Воплотил мечту, да? Ничего на фиг в действительности не делал. Грандиозно!

— Не спорю, — сказала Людмила Сергеевна. — Но только ментуру, мои дорогие, все равно не проведешь. И это тоже факт нашей жизни. И без него, скажу, тоже никуда.

А я сказал Полупанову:

— Я, между прочим, потел. Вот, до сих пор. Я пугался. Я, ёлки-палки, винт крутил. Если это безделье, так, может, Алик, рвануть нам отсюда лучше на БАМ?

Ответить мне Полупанов не успел, потому что винт наконец, скрежетнув, поддался, и мне удалось его полпраза провернуть. По всем, кто тут был, прокатилась предположительная волна.

— Стакан надо вверх тянуть.

— Вверх его, а не то прольется!

Полупанов ухватил розовую пластмассу своей лапищей.

— Да тише ты, — сказал я. — Мне ж еще крутить. И вообще смотри, не разлей на потолок.

Под одобрительные возгласы винт стал выворачиваться из прессованного щепня.

— А что за ксива? — спросил я, хоть и кряхтя, но между прочим.

— Так вручили ж. В министерстве. По пути в Альбион. А ты, думаешь, я что обмывал?

— Я не думаю, Алик. Я кручу.

И наконец счастливый Полупанов держал в одной лапище стакан на весу, а пальцами другой что есть силы тянул вниз винт за резьбу, дабы его головка плотно прилегала к розовому днищу.

Остальное в известном смысле труда не составляло. Пополам так пополам. Пока мы уплетали за обе щеки холодные мититеи с цвиркающими соленьями, публика, похлопав нас каждого по плечам и спицам, возвратилась восвояси. Внятное в ту минуту, пульсирующее чувство победы, одержанной вопреки коварным обстоятельствам, сплотило нас. В заведении в клубах пара воцарилась бессловесная эйфория. А Людмила Сергеевна, кажется, даже прослезилась от чего-то.

— Какой к черту Дали, — бурчал Полупанов. — Это ж Эсхил с Еврипидом. Классика.

— Какая ж классика? — я не соглашался. — По классике герои гибнут, сражаясь. А мы тут вроде как пока живы.

— Тут ты прав, буквоед, — бурчал Полупанов. — Но мы ж не в Древней с тобой, старик, Греции. Мы же тут дустом сыпаны, дефицитом морены. Мы ж ножом себе добудем аква виту, а туалетной бумагой вдруг возьмем да зарежемся. Ты согласен?

— Добыть — да, а зарезаться не хочу.

— Да нас никакой Софокл, брат, угробить уже по-своему не смог бы, так я тебе скажу. И не греки мы с испанцами, не французы с тобой с англичанами. Мы ж, старик, совки как совки, и нам их классика с их сюрреализмом, выходит, тесноваты будут. Лопнут в плечах. И на жопе лопнут.

Думаю, толкни он такую речугу на каком-нибудь съезде лет двадцать тому, так и не запрещали б его никогда, каталась бы себе его комсомолка по бульвару нагишом на самокате под «ура» и аплодисменты; судьба иной сложилась бы. Но было, как было. И оказалось, что даже в Кировограде, где все еще по инерции мнут за отсутствие в присутствиях и где, как и по всей великой империи, ничего нельзя достать до двух и после семи, все достать можно, если нужно.

А было нужно, и душа раскрылась. И мы, те, кому, по словам добрейшей Людмилы Сергеевны, все еще пока не-

льзя, чтоб по утрам и без документов, и те, кому, по ее ж словам, все уже давно можно, съели вместе много мититеев с цвирками и без цвирок и не раз пустили по кругу розовую чашу с необходимым в днище ее винтом. И не было в тот день репетиции. А спектакль вечером по Пристли прошел без сучка, без задоринки, а точнее, с большим задором. И, согласитесь, что же тут удивительного? Да, нет-нет да и попадетсЯ на глаза в старой записной телефончик Людмилы Сергеевны, но так, увy, ни разу и не пригодился.

А Полупанов давно обретається в Америке и даже мелькает там на Бродвее. Говорят, у него в мюзикле

участвует дрессированный мишка. Как бы это не он сам в шкуре гризли. Недавно после долгого, в семнадцать лет, перерыва он мне телефонировал. И под конец разговора сказал среди прочего своим проникновенным баритоном нижнего регистра:

— Старик, что ни говори, а все-таки мы его тогда одолели.

— Кого? Шкалик?

— Шкалик? Ну да, а с ним заодно и весь СССР.

И тогда, осмыслив, я повторил ему его давние слова:

— Альфред, — сказал я ему. — А как оно могло быть иначе? Мы ж с тобой советские люди.

Сергій Савін

Київ

1

запалив свічку навпроти твоєї,
щоб оберігати її сонце,
називаючи це моєю вірою.

...вона дихала приземлено,
немов семирічна дитина з будинку піклування

дихала так...
як світяться ребра на чорному фоні
після радіації.

дихала...-...-...
хотіла існувати
бодай в малій п'ятикутній квартирі,
яку люди називали церквою.

віра — не згасати.
щораз невідворотно скраплюючи воском.

віра — рятувати
прилегле сонце свічки...
хоча б в цю
писану воском
молоду осінь.

віра в твоє світло!!!
в безлюдних містах!!!
в заїжджених тролейбусах!!!
в прокурених залізничних вагонах!!!

віра в тебе
яка врятувала мою поминальну релігію.

2

любити італію означає грати в карти коли ти певен що програв
коли козир — серпень в колоді малої ведмедиці і зайвих шісток
коли кожна дама яка відбиває — більше ніж жінка вона сестра
яка приховує валетів — як італія римський куток

любити італію — це коли між вами може бути більше ніж шлюб
це коли всі карти биті, а до римського форуму ніхто не дійшов
коли остання гра складається з блефів як венеція із підземних труб
а ти розумієш що ти граєш на легені і національну кров

любити італію — це коли в Болоньї зникають всі обличчя, крім Джек
який відростив бороду філософії як Умберто Еко свою смерть
любити цю країну — це щоразу відпускати пречисту сльозу
як Мама Санта відпускала від себе Ісуса
не на життя а на його чверть.

любити її як любить «tu scendi dalle stelle»* національний бог
який щоночі перед молитвою хреститься в Адріатиці
любити італію — це любити біль який домінує в обох
це відчувати жінку,
з якою
заборонено кохатися.
<...>

8

Вона відчувала мільйони звуків серед мільярдів букв
як будівники — цигарку під вологим тонким цементом
дівчинко в арт-просторі акустики і розлук
ти як море втопилась від звуків
в своїй плаценті.

і скільки б ти не мовчала — в арт-хаузі чужих дощів
і скільки б не тримала цигарку — як небіжчика в останню північ
я чутиму твій голос ТАМ де бозя везе калачі
я чекатиму на твій голос
де ще не померли півні

дівчинко в арт-просторі часу де непритомні цифри мовчать
в технічних саркофагах двадцять першої епохи
ти продовжуєш вірити звуку
як в пастернака ще вірить свіча
напередодні інтуїтивно вивчивши його кроки.

дівчинко мила дівчинко цей вечір — музичний маршрут
незмонтований необрізаний де звуки твої і нічийні
і кожен фрагмент — унісон усіх спокут
і кожна ілюзія — рух на дев'ятій хвилі.
<...>

* tu scendi dalle stelle — найвідоміша італійська колядка в піріод святкування Епіфанії.

10

вона навчено дихала і стріляла в морози
одним дублікатом пульсу наче вілілім жестом
і кожен подих між нами — вшивався анабіозом
як звуки між аритмією — як слово між палімпсестом

між нами немає напрямку і колії заміновано
і хоч я щодня босоніж не хочу іти з вокзалу
зостанусь (навіть як виженуть) АЛЕ реабілітований
як той хто чекав відвертості і зазнавав провалу

вона навчено дихала, а я — ще слухав морози
як кардіолог серце записане на диктофон
де кожне биття — голос переслуханий під наркозом
де кожне биття — голос не записаний на мікрофон

Александр Самарцев

Киев

ПО ДОРОГЕ НА ПОЗИЦИЮ

От пота заскулит скула
бьет по бедру приклад
Дорога вязкая кругла
и ты в неё как вмят
Упал — накрыл (ни тпру ни ну)
с проплешинами луг
где одуванчики войну
рассыпали невдруг
Но вот сминая нежный взрыв
— невиннее нельзя —
взвод отряхнулся значит жив
зашаркала кирза
И все навтыжку стоит
вдоль тех бездонных лет
мальчишки стриженный старик
босой как в стельку дед
...Пыль отвердела запеклась
а он — прошли — все видит нас
удушью поперек
за пухом пух за разом раз
вниз по щекам — от слабых глаз
дорогой всех дорог

(1971, 1995)

* * *

...Изразцами печка в три угла скулила
сливой зарастала сдавленная сила

Ближе нет укромней — не для рек вскипевших,
в белый сад хоромы погрузить утешить

дни — куда же деть их? — множатся бодливы
Мы отпустим сети занебесной сливы.

Алексей Семеничев

Одесса

ВОР (09.05.2014)

Старый вор озирался по сторонам и входил во двор, почесывая потный затылок. Светило яркое солнце, и сквозь молодую листву ярко синело одесское небо. В этом районе города он не был целую вечность, но случай занес его сюда — внезапно подвернулось нетрудное «дельце».

Миновав полутёмную подворотню, он оказался посреди пустого двора. Ни души. Куда же все подевались? И звуки... Где звуки? Может, он оглох? Нет, вот опять на дальних улицах душераздирающе воют сирены неотложек — везут раненых. Этот вой не утихает уже много дней, кристаллизуя непривычную для города опустошенность и тишь.

Никого. Тем лучше. Можно легко влезть в распахнутое окошко полуподвальной квартиры, только что оставленной хозяевами. Он перешёл в тень на другую сторону двора к ржавой водосточной трубе, постучал по ней загрубелой своей ладонью. Забитая высохшей листвой труба не ответила своим обычным эхом. Вдруг почудилось — из-за оконных занавесок за ним следит пара колючих глаз и трясущиеся руки тянутся к телефонной трубке — вызывать милицию.

...В начале мая произошло страшное событие; к нему город не был готов. Улицы опустели. Во дворы пришел страх, и казалось — поселился там навсегда. К тому же невозможно было избавиться от тяжелого угарного запаха, стоящего

в воздухе всю эту неделю. Люди старались поскорее покинуть город, убежать подальше от этого безумного кошмара, подышать живым воздухом. Дома и улицы Одессы помнили многое, но её граждане, отвыкшие от потрясений, долго не могли прийти в себя. Вору было всё равно — заснувшая душа его была глуха к человеческим переживаниям.

Пожилые хозяева квартиры, погрузив в старый «Жигулёнок» сумки с провизией, укатили. Он видел это, наблюдая за ними с противоположной стороны улицы (лицо хозяина квартиры показалось странно знакомым). Уехать — уехали, но окошко не затворили. Он подошёл поближе. Чёрт, сетка! Издали он её не заметил. За сеткой показался полосатый жирный кот. Он невозмутимо потряс хвостом над горшком с геранью и насмешливо посмотрел на вора.

Где же он видел лицо хозяина? Сразу и не вспомнить.

Вор уже давно отошёл от «дел» по старости. К выходу на охоту его подтолкнуло необычное брошено-оставленное состояние города, обещающее лёгкую поживу. Но вору навязчиво казалось, что все идет не так. Гнетуще ныло под ложечкой, что неизменно предвещало беду. словно враг притаился поблизости. Но где же, где же враг? Лишь мертвая тишина вокруг!

Полуденное солнце нещадно буравило голову. Ни с того ни с сего нача-

ли жать давно разношенные ботинки. И сетка... Прочная сеточка, металлическая — нелегко её будет снять. Повернув направо от окна и спустившись по железной лестнице, он оказался в полумраке коридора. Здесь было прохладно, пахло сыростью и старой мебелью, выставленной из квартир за ненадобностью. Утирая пот со лба, вор неподвижно стоял и ждал, когда глаза привыкнут к темноте. Взгляд, скользнув по неровностям стены, задержался на рисунке химическим карандашом, проступившем синевой из-под нескольких слоёв побелки — чайка, на фоне скалы.

...В холодный апрель сорок четвёртого вору исполнилось семь. В город вошли советские войска, повсюду рыскали «смершевы». Из эвакуации повалили людские толпы. В этой неразберихе отцу и дяде нужно было поскорее забрать наворованное за время оккупации добро, запертое в пустующей соседней квартире. Добра было много, и они взяли мальчика себе в помощь. Подойдя к двери, они были неприятно удивлены — дверь была не заперта. Преодолев страх, они всё же вошли. На полу в передней стояло несколько пыльных чемоданов и большой фанерный сундук. Женщина в военной форме с красными от бессонницы глазами сидела на стуле и курила папиросу. В комнате рядом с кучей наворованного мальчик лет шести-семи играл с тощим котёнком. «Гости», сделав вид, что не видят ни женщины, ни ребёнка, вошли в комнату. Женщина заступила им дорогу и навела на них наган. Ее решимость не оставляла непрошенным гостям никаких шансов на дальнейшие действия. Покачав дулом нагана, она охрипшим голосом, но твёрдо произнесла: «Вон!». Пятясь, матерясь и проклиная шепотом «подлую суку», «гости» ретировались.

Одессу стали планово бомбить. Два мальчика, увезенные на север Одесской области в Саврань, подальше от налётов немецкой авиации, успели там подружиться. У взрослых свои дела, а у детей — свои. Возвратившись осенью из эвакуации в Одессу, они вместе играли.

Стаскивали крючками в голодном сорок шестом году кочаны капусты с полуторок на Греческой площади. Ловили в море бычков. И как-то раз, гуляя у моря, увидели умирающую чайку на прибрежных камнях. Чайка лежала у кромки воды, распластав крылья. Взгляд её был устремлён ввысь — туда, где птица провела свою крылатую жизнь. И даже застыв навсегда, глаза её отражали небеса. Мальчики всплакнули над умирающей чайкой, а потом похоронили её у большой скалы. Как-то, ожидая, пока выйдет гулять его приятель, вор нарисовал эту птицу на стене...

...Замки оказались не слишком сложными. Найдя на кухне большую хозяйственную сумку, вор машинально стал набивать её всякой всячиной, попадавшей под руку. Пройдя по коридору во вторую комнату, он отшатнулся, как от внезапного удара. На старом сундуке напротив окна с геранью сидела древняя старуха в полной отрешённости от окружающей действительности. Рядом с ней, как верный страж, сидел наглый полосатый кот и по-прежнему насмешливо смотрел на вора немигающим взглядом. «Что я здесь делаю?! Господи, что я здесь делаю?!» Вор, как во сне, покинул квартиру. Парадное плыло перед ним в неясном мареве. Ватные ноги не слушались. С трудом преодолев четыре ступеньки лестницы, он оказался во дворе сентября сорок четвертого. Соседний флигель был разрушен от попадания фугаса, на земле валялись кучи мусора и разбитого стекла. Друг Серёжка стоял посреди двора и удивлённо смотрел на него — теперь было понятно, откуда ему знакомо лицо хозяина квартиры. Двор стал быстро наполняться людьми в одежде сороковых. Они всё прибывали и прибывали, молчали и недобро смотрели на него. Теряя силы, вор пробирался сквозь невесомую людскую массу. Выйдя на улицу, он невероятным усилием поднял воспаленные глаза, словно пытаясь высмотреть что-то в нескончаемой небесной сини. Сделав ещё несколько неверных шагов, он стал медленно оседать на пыльный серый асфальт.

Виктор Сологучук

Одесса

БОЛЬШИЕ БАБКИ

Светлой памяти
Олега Валентиновича Сафронова

Большой художник Сережа Шишкин, здоровый и крепкий мужчина пятидесяти пяти лет, дождался вдохновения, подбежал к мольберту и стер мягким ластиком несколько спальных районов, а также убогие, но гигантские аттракционы Фрунзенской набережной. Теперь панорама города приобрела законченный вид, который поверх карандаша можно было закреплять черной китайской тушью. На холсте сгущались, клубились, тонко подтаивали и расступались облака. Даже в таком сером и только что зародившемся виде картина светилась и вибрировала. Чувствовалась рука мастера.

Шишкин писал небеса, сколько себя помнил, — и в станковой секции Союза, и в детской художке. Его облаками неизменно восхищались, совершенно не желая замечать что-либо другое. Со временем художник смирился с тем, что в неизбежный момент посетитель сообщит предсказуемое:

— Мы хотим, Сергей Александрович, ваше небо. Любое!

Треснула радуга восьмидесятых, пузыри девяностых исчезли под страшные хлопки на площадках элитных домов. Как на картине Брейгеля, протопали за кадром нулевые. Что бы кто ни говорил, но советский знак качества — человек с распростертыми объятиями (вот, мол, какое!) — есть и знак количества. Вон,

мол, сколько. Поднятый падением железного занавеса вихрь из тысячи небесных холстов разлетелся по планете, оседая в музеях и частных коллекциях. Друзья успели опуститься до уровня завистников, а потом и вовсе, как это ни банально, пополнили лагерь недоброжелателей, с годами окруживших Шишкина далекими и близкими кольцами тусклых костров. По вечерам враги пили чай или жарили мясо, передавали по кругу сосуды с кислым вином, а после тянули однообразную свою песню: «...ну ты же понимаешь, старик, при всем уважении, это не искусство, а халтура. Написал ты небо, ну еще раз написал небо, ну еще десять раз написал. Дальше что? »

Шишкин отошел от мольберта, долго чистил одну трубку и набивал другую, стараясь не смотреть, как над вечерней Москвой нависли сотканные из облаков три огромные зловещие фигуры с длинными волосами. Пускай искусствоведы ищут нужные слова, ничего, кроме картины, автор зрителям не должен. Художнику, подражающему языковому шелканью дискурсирующих мартышек, легко уподобиться мяукающему среди кошек птенцу! Да, это будет картина, которая надолго переживет и завистников, и критиков, и самого автора.

От мысли о себе накатило голод. Что же, можно пойти пообедать. Уже на пороге мастерской он украдкой лизнул

взглядом по холсту. Так в метро периферийным зрением следят за агрессивной настроенной группой граждан, в том числе несовершеннолетних, или поглядывают между фарфоровых коленок сопровождаемой родителями школьницы — стараясь не встречаться глазами, не тревожить, не будить лихо.

Не так уж просто встретиться глазами с теми, у кого их нет. Укрощенные Персеем седовласые грайи, описанные Эсхилом и Аполлодором, от рождения имели один глаз на троих. Передавая друг другу этот прообраз веб-камеры (данную, впрочем, параллель, вполне уместную для современного читателя, не смог бы провести сам Шишкин — его технические познания принципиально ограничивались кнопками телевизора, да и то далеко не всеми), грайи веками вызывали дрожь, внушали тревогу и наводили ужас. Собственно, так их и звали — Дрожь, Тревога и Ужас.

Сергей запер дверь и по слабо освещенному коридору прошел мимо мастерских Сурикова и Брюллова. Не то чтобы помещения в доме художников передавались по наследству. Но в данном случае все трое и в самом деле являлись родственниками знаменитых живописцев, причем сам Шишкин был **внучатым правнуком** Репина, синтетический полукубист Брюллов — потомком Левитана, а сюрреалист Шура Суриков произошел от скрещивания генома Ге и ДНК Дейнеки. Потомки художников часто хотят быть художниками, этим они сильно отличаются от внуков космонавтов и детей шахтеров... Развлекаясь подобными умозаключениями, Шишкин шагнул из подъезда в акварельный апрельский денек и сразу же увидел сидящий на лавочке приветливый Ужас в берлинском лазурном платочке, ахроматическом пальто и теплых черных ламповых бахилах.

Конечно же, в паспорте старушка называлась иначе, кажется — Анастасия Гедеоновна. Однако это сидящее в контражурной позиции сухонькое исчадие секретариата Союза, следившее за созданием идейных произведений, еще

когда Шишкин рисовал свою первую призму, он избрал для лица Эннио, то есть Ужаса, да так и стал ее про себя называть.

Лицо второй грайи, называемой Пемфредо, то есть — Тревога, Сергей нашел тоже неподалеку — между ушами галеристки из «Ungoogable Ноуhnhnm». Тревогу звали Елизавета, она редко пересекала Ла-Манш, носила бриллианты с огранкой «хайлайт-кат» и озибалась все три дня в Москве, пока Шишкин показывал ей город на примере любимых заведений полуресторанного типа, где кавказские повара прекрасно готовят суп из акулы, а вьетнамские — жарят шашлык. Третья старуха, в соответствии с описанием Овидия, носила имя Дейно, то есть Дрожь. Ее художник писал с себя.

Если вам однажды придется рисовать сациви (вряд ли кто-то не знает, что это такое, но все же — холодное блюдо грузинской кухни, волокна жареной индейки под сливочным соусом с тертыми грецкими орехами), ничего нет проще. Извольте размешать в белилах пимпочку охры. Белила берите титановые, а охру — желтую, не светлую. Не забывайте, что посуда, в которой вы подадите сациви в натюрморт, по тону — холодная, а сациви — теплое, хотя это и холодное кавказское блюдо. Индейку и орехи изображать нет необходимости, их не видно под сливочным соусом.

— Извините ради бога, — неуверенно-вежливый голос оторвал Шишкина от вымакивания соуса обрывком лепешки, — что отвлекаю вас от этого в высшей степени приятного занятия, но, может быть, у вас найдется немного денег? Мне очень нужно, правда.

Сергея не любил алкоголиков, хотя и уважал их — за силу духа быть не такими, как все, за вызов обществу, бесстрашие, изобретательность и даже за фиолетовую печать судьбы на лицах — этот королевский цвет, как всем известно, невозможно получить простым смешением синего и красного, он замыкает спектр и уходит в недоступные человеческому глазу инфракрасные зоны.

— Сколько вам нужно? — без энтузиазма поинтересовался Шишкин и впервые посмотрел на собеседника.

Аккуратно нависший над столиком молодой человек был похож на кого угодно, только не на пьяницу. Рыжий замшевый пиджак, русые волосы до плеч и медная бородка колебали гамму между коричневым и красным, как на академической гризайли.

— Что-то около тридцати тысяч, — произнес набросок, который Сергей уже заканчивал в голове. — Долларов. Но завтра может понадобится больше или меньше, не от меня зависит.

— Присаживайтесь, — сказал Шишкин, растирая умозрительную сангину между лобных долей незнакомца. — Как вас зовут?

— Михаил Эмбрионович, — портрет протянул ладонь с идеальным маникюром. — А вы — Сережа, я знаю. Вас все здесь так называют.

— Сергей Александрович, — дистанцировался Шишкин. Наглецов он любил еще меньше, чем пьяниц. — Вот что, уважаемый. У меня найдется тридцать тысяч долларов, но я их вам не дам. Самому нужны. Но я дам пятьсот рублей, если вы согласитесь два часа позировать в моей мастерской. Это рядом.

— Так вы художник? — задал Эмбрионович глупый вопрос. — Тогда можно я буду говорить стихами, мне так удобнее?

— Как угодно, — сухо ответил Шишкин.

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром здесь маслом пахнет, скипидаром? — спросил Эмбрионович, щурясь на стуле от прямого солнечного света.

Шишкин промолчал. Прошло около двух часов, но он не мог остановиться, потому что портрет определенно получился. Это было похоже на вылизывание новорожденного котенка.

— ...туманит запах мозг, — донеслось со стула. — Ведь были ж схватки боевые, да говорят, еще какие, за мастерские МОСХ?

Вообще-то натурщика давно уже надо было отправлять восвояси, но соvestливый Шишкин не любил так поступать без весомой причины.

— А почему, собственно, вы изъясняетесь стихами? — Сергей наконец отставил угревшийся на коленях планшет. — Вы поэт?

— Там, откуда я пришел, так общаться — хорошо, — объяснил Эмбрионович. — Можно даже вольной — рифмой отглагольной. КПД у мозга мал — почему? Осознания не хватает ему.

— Так-так, — сказал Шишкин. — Чайку на дорожку?

— Сконструирован пар как облако, — кивнул поэт на пиалы с зеленым жасминовым. — Распланирована жизнь как миг. Знание не определяется опытом, — продолжал он надтреснутым голосом Бродского, — бессознательное структурировано как язык.

— Сами-то откуда родом? — задал Сергей главный столичный вопрос. — Не из Тарту случайно? Произношение похожее.

— В мире тонких женщин и худых мужчин, — отвечал Эмбрионович, — был я словно птенчик из седых глубин. А теперь — среди звонких пидофраеров наблюдаю гонки катеров метро. Ах и сам я чтой-то нынче похудел...

— Пожалуйста, — попросил Шишкин, — не надо больше стихов.

— ...не дойти до дома, не уйти от дел, — закончил поэт. — Конечно, если сложно воспринимать поэтический язык, я могу и на вашем говорить.

Сколько раз, читатель, тебе пришлось отделяться от неожиданных знакомых, чье присутствие тяготило? Изящно, грубо ли обрываем мы связи, по причине спешки или отсутствия интереса, всякий раз вместе с этим гаснут солнца вероятностных миров, проводником в которые мог бы стать случайный собеседник. Будь осмотрителен, встречая незнакомца, но трижды осторожнее с ним прощайся!

— Мне надо уходить, — твердо сказал Шишкин, — вот пятьсот рублей, большое спасибо. Хотите посмотреть портрет?

— Ну, покажите, — неожиданно снисходительным тоном сказал Эмбрионович.

В последний раз так говорил с Шишкиным его преподаватель лет сорок тому.

— Неплохо, — пожал плечами поэт, мельком взглянув на рисунок. — Уголь, сангина и цветные карандаши. Жаль, живости маловато. Ну, это раз на раз не приходится. Зато — почти безупречная композиция.

— Почти? — опешил Шишкин. — Да что вы себе...

— Отношения тяготеют к монотонности, — вздохнул Эмбрионович. — Следовательно, страдает ритм. Не сбалансированы выходы. Не расстраивайтесь.

Самое ужасное, что, приглядевшись, Сергей обнаружил все перечисленные недостатки рисунка.

— Вы — художник? — теперь подошла шишкинская очередь задавать глупый вопрос.

— Увы, нет. Никаких способностей. Даже голову гипсовую не нарисую. Лишь кое в чем немного разбираюсь. Внутри сырой, снаружи подгорелый. Там, откуда я приехал, все такие. Ну, что же. До свидания.

— Одну секунду, прошу вас, э... Михаил Эмбрионович, — сказал Шишкин. — Не окажете ли честь глянуть (Сергея едва не сказал — одним глазком) на одну мою... идею? Я только начинаю, даже подмалевков не делал. Вдруг что подскажете...

— Эта? — Эмбрионович безошибочно указал на повернутый к нему спиной холст. — Извольте, гляну.

Он обошел мольберт и ждал, пока Шишкин включит дополнительное освещение. Вернувшись от выключателя, Сергей отметил в настроении гостя резкую перемену: лик его побледнел, глаза округлились, челюсть отвисла, руки вскинулись и застыли на уровне груди, будто у дирижера за четыре такта до первой ноты.

— Большие...большие... — хрипел он, — это же... большие бабки... — наконец выдавил Михаил Эмбрионович и рухнул замертво к ногам опешившего Шишкина.

За отсутствием ваты и наштавры Сергей поднес гостю смоченную в уайт-спирите беличью кисть. Эмбрионович поморщился, открыл глаза и, сбиваясь с верлибра на гекзаметр, немедленно продекламировал совершенно невероятную историю. По его словам выходило, что три дня назад он прибыл из будущего — не то из четвертого, не то из пятого тысячелетия.

— Туризм во времени. А я — отстал от группы. Все остальные в будущем давно. Догнать их нелегко, не попытаться — глупо, пока открыто вероятности окно. Но скоро уж захлопнется оно, — грустно объяснял Эмбрионович, сидя на полу перед мольбертом. — Только не это сейчас обстоятельство больше волнует, — гость из будущего как-то очень торжественно встал и скосил глаза в сторону холста. — Радость великая в сердце, бабки большие нашли! Кто бы поверил, что так совершенно случайно...

— Пойдите-ка, — перебил Сергей. Гекзаметр звучал очевидно не героический, а значит — долго еще пришлось бы ждать следующую цезуру. — Допустим, я верю. Но чем докажете?

— Ищите корни будущего в прошлом, а плоды настоящего — в своем кармане, — турист во времени цитировал что-то похожее на рекламу. — По девайсам узнаете их.

Эмбрионович скользнул ладонью в замшевые недра и достал нечто плоское и металлическое, величиной с книгу карманного формата. Сергея убедили в правдивости слов гостя отнюдь не теплое ультрамариновое свечение и даже не земной шар на экране, повинующийся прикосновениям, приближающий материки и острова. Не функции развеяли сомнения, но корпус удивительного прибора, а еще точнее — его цвет.

— И что же, в будущем все говорят стихами? — поинтересовался Шишкин. — Мне кажется, это не совсем удобно.

— В начале двадцать первого столетия, что будет названо потомками «очко», весь мир накрыло электронной сетью, — почти зашел Эмбрионович. — Как бабочку прекрасную сачком.

По случаю удивительного знакомства Сергей достал из холодильника отсвечивающую окисью хрома бутылку шампанского и теперь внимал катренам под холодное шипение в пиале. За раскрытыми окнами мастерской цвела весна, нигде, как в мегаполисе, так остро не ощущаемая заслуженной, честно заработанной наградой.

— Образовался новый Вавилон, где языки в один соединились, — продолжал вещать гость из будущего. — Во сне один всем снился общий сон и в унисон сердца живущих бились. Исчезли вкусы, стили и цвета в мелькании чудес однообразных, потом в сердца вселилась пустота, и красота накрылась медным тазом. За сердцем — опустела голова. На этом историческом отрезке забыли люди главные слова, исчез язык, остались эсэмэски. Семь миллиардов перешли ту грань, переходить которую не стоило. Элита жадно собирала дань, держа всех прочих в офисах, как в стойлах. Наука же все время развивалась. Росли фантомы, гибли снегири, потом возникла башня из металла, в которой непонятно что внутри. Так длилось долго, несколько столетий. Шунгит-века во всей своей красе. Исчезли представления о цвете, и даже свет доступен был не всем.

— Это какой-нибудь Нострадамус? — поежился Шишкин. По мастерской гулял вечерний ветерок, предвещающий скорую перемену погоды. — И что это вы, прежде чем потерять сознание, говорили о каких-то бабках?

— Всего лишь история Шунгит-веков, школьный курс, — Эмбрионович глотнул шампанского. — В соответствии с концепцией точного времени, позволяющей, кстати, в нем путешествовать, эпохи сменяются в непрерывности цветных переходов. Дослушайте до конца.

Он откашлялся и продолжил.

— Но вот однажды в день благовословенный неважно кто (его простыл и след) нашел картину, сделал снимок ценный и выложил в нейронный Интернет. И тут же все, кто ожидал лишь повод покинуть мир без лишнего труда, сошли с ума от шока цветового, а прочие — прозрели навсегда. Они увидели

закаты и рассветы и, дружно щурясь, выползли из сот. В Шунгите проявился фиолетовый, и мир стал синим лет через пятьсот.

— То есть ваша эпоха — синяя? — быстро сориентировался в теории Шишкин. — И что же это была за... извините — будет... картина?

— Синяя закончилась еще в тридцать пятом веке по вашему летоисчислению, — сказал Эмбрионович. — Путешествия во времени начались в эпоху лазури, а я родился еще позже — в конце бирюзового периода, век светлого изумруда. Но постойте же, мне надо сообщить вам кое-что важное. — Эмбрионович подошел к мольберту и в самом деле зашел.

— О той картине сказано так много, что записать не выдержит рука. Горит закат. Дрожь, Ужас и Тревога нависли над Москвой времен «очка». Их глаз не терпит солнечного света. Картина же — оттенками полна. От неаполитанской желтой светлой — до умбры натуральной. Все тона! В музей войдите и снимите шапки. Спасли наш мир от гибели за миг вот эти самые, сынок, Большие Бабки и люди, что уверовали в них. Конечно же, вначале было слово, но наша эра началась с пинка. Как жаль, что имя мастера святого не сохранили черные века!

Спустя час Шишкин и Эмбрионович быстро шли в направлении Белорусской. Небо уже начинало темнеть, краски его стали неразличимыми для пешеходов, ослепленных бесконечными фонарями. Порывы ветра пахли дождем.

— Это все современная мода не vizировать работы, — оправдывался Сергей. — А Большие Бабки — хорошо, я пока и не задумывался о названии, теперь буду знать.

— И ведь как совпало, Сергей Александрович, — удивлялся гость из будущего, оставивший по просьбе и без того вдохновленного Шишкина моду бирюзовой эпохи изъясняться в стихах. — Представляете, что я пережил, когда понял, что вы — это вы? Это как найти крылатые сандалии, волшебный мешок и шапку-невидимку Аида, а вдобавок — встретить и самого Персея! Теперь бы

только домой вернуться — все узнают о Шишкине! Жаль, вам со мной нельзя.

— Да я бы и не поехал, — смущенно сказал Сергей. — Мне работать надо. Так вы говорите, энергию для перемещения во времени дает золото?

— Совершенно верно! Грамм свинца — на год назад, золота — вперед. Все это научные тонкости, у нас ими мало кто интересуется.

— На счету чуть больше тридцати тысяч, — сказал Шишкин, — в банке на Лесной. Долларов. Можем купить золото прямо здесь.

— Я знаю другое место, — сказал Эмбрионович. — Там дешевле, на тысячу лет хватит.

— Поехать с вами?

— Нет необходимости. Я только туда и сразу обратно. Через час заеду попрощаться.

По небу прокатился громовой бильярдный шар, и сразу же в пыли показались черные горошинки, как если бы какой-нибудь Джексон Поллок вздумал капать тушью на картон. Шишкин без лишних слов сунул в руки смущенному Эмбрионовичу стопку денежных пачек, дождался, когда в их сторону вильнет такси, и побрел под мелким дождиком, посасывая любимую трубку. Картина требовала особо ответственного ее исполнения, прежде всего в части долговечности. Сергей Александрович все и всегда делал на совесть, он успел убедиться, что через двадцать лет небеса его не темнеют. Но тысяча? Две тысячи лет? Ради такого стоило постараться.

Не включая свет в мастерской, художник упал на диван и постарался скорее уснуть, а когда поймал себя на этом, стал считать до миллиона, чтобы не размышлять, потому что иначе мысли приведут к очевидному и неприятному выводу. Ну вот, уже привели.

Эмбрионович не вернется. Глупо было отпустить человека из века светлого изумруда одного в изобилующий опасностями мир мегаполиса. Шишкин не спал до утра, а потом ему приснился сон. Будто бы он снова мальчик семи лет, и ведет его ранним утром отец по умытому поливочными машинами городу —

той, бывшей Москве, где мир расцветал яркими полотнищами, во дворах играли в футбол, и никто еще не видел новые дома без балконов с микроскопическими кухнями. И будто поднимаются они от ВДНХ по белой мраморной лестнице, выше Кремля, выше башни Шухова, выше всех высоток. Одной рукой Сережа крепко держится за отца, а на палец другой намотана длинная нитка, которую тянет вверх пурпурный воздушный шарик, и получается, что они идут вслед за ним, а потом все же останавливаются. И видит Сергей облака под ногами, а далеко внизу — узкой полоской темнеет панорама прекрасного города, без уродливых спальных районов и убогих аттракционов Фрунзенской набережной. И так стоят они и смотрят вниз как будто одним на троих взглядом — отец, сын и красный шарик.

Резкий звонок в дверь разбудил Шишкина около десяти часов утра. На пороге стоял слегка помятый и опухший Эмбрионович, не утративший, впрочем, замшевого лоска.

— Все, старик, — сосредоточенно сказал гость из будущего. — Я уехал. Зайти не могу — машина ждет. Забыл вчера сказать. Первое. Делай акварельный подмалевок, не темперный. Второе. Не надо импортных красок, они хуже. Никаких Рембрантов и Ван Дюков. Мастер Класс — помилуй нас, понял? Дальше. Не подписывай работу, не надо. Я все о тебе расскажу, не переживай.

На площадке Эмбрионович обнял Шишкина и даже попытался поцеловать его в щеку, окутав коньячными облаками.

— Бывает все на свете — не поймешь, в чем дело — сразу хорошо? — пропел он на прощанье, и лифт закрылся.

Высидев вдохновение, Шишкин отложил трубку, подошел к мольберту, трижды перекрестился и на всякий случай дорисовал храму Христа-Спасителя еще один, пока не существующий в реальности купол. Потом обошел холст с обратной стороны и написал угольком:

Сергей Шишкин

«Не такие уж и большие бабки».

Оксана Стомина

Мариуполь

ПРИМИТИВНЫЙ СЮЖЕТ

Вечер цвета индиго... На шестом этаже
Приоткрыто окно и колышется штора.
Нелюбимая книга — примитивный сюжет,
Полбокала вина, бледный свет монитора...
Ей уже сорок лет. Но дают тридцать три.
И в груди, и в постели зияют пустоты.
Примитивный сюжет: от зари до зари
Ожиданье любви сверх отмеренной квоты.
Может, где-нибудь за паутиной гардин,
В тишине, со стаканом шотландского виски,
Самый лучший из всех ненадежных мужчин
Ищет повода, чтобы прийти по-английски?

РАЗГОВОР С НИМ

А прохожие трусили рысцой,
Все спешили по делам или так.
Ну а я, как я: в наушниках Цой,
В сердце — праздник, в голове — кавардак.
Справа, слева, впереди — красота!
Что бывает и получше — вранье!
Есть же, Господи, такие места —
Что ни девушка, то чудо твое!
Сколько глаз, коленок, бюстов и поп,
А особенно — вот этот живот!
Как сказал бы Юзик Вольфович, чтоб
Я так жил, как этот город живет!
Вон, гляди, какая краля, гляди!
Совершенство, просто глаз не отвесть!
Ты бы, Боже, тоже клюнул, поди!
Есть же Господи!.. Да! Вижу, что есть!!
Цок да цок по мостовой, цок да цок!
Динь да динь в моей душе, динь да динь!
Боже, сделай мне попроще лицо
И пошли мне ту блондинку! Аминь!

Анна Стреминская

Одесса

НЕМЕЦКАЯ КАСКА

Сергей нашёл немецкую каску с дырочками от пуль.
Ради смеха надел он её на голову, и вдруг его захлестнул
поток чужого сознания и речи нездешней лязг.
И он закричал: «Мою голову прострелили!», и разум его погас.

И снится ему, что лежит он в поле на чистом белом снегу,
пронзённый насквозь чужою болью: «Майне либе, я встать не могу!
Зачем я лежу на большом покрывале, холодном, как чья-то смерть?
Мою голову прострелили, майне Ленхен, майн херц!

Зачем я лежу здесь, подобно снегу, а мне ещё нет тридцати!
Ведь если время приказывает нам быть, то пространство
приказывает идти.
Но я умираю, и снег накрывает белой меня простыней...
Я был поэтом, а не солдатом, я хотел вернуться домой.

Всегда мне казалось: надо мною витают ненаписанные стихи.
Но смерть говорит — это были пули! Шаги её так легки...»
С Сергея сняли немецкую каску — зачем нам чужие грехи?
Он долгое время ходил, как блаженный,
затем сел за стол и начал писать стихи.

* * *

Капли дождя на папирусах высохших листьев.
В каплях миры отражаются, ярко и рвано.
Всюду костры — в них сгорают легчайшие жизни.
Дымная и хризантемная нынче нирвана...

Вечер, трамвай, психбольница, фонарь и аптека —
всё в этой части вселенной для счастья на месте.
За освещённым окном — силуэт человека.
Я же всё мимо — с листвою мне падают вести.

Не научилась я жить, и всегда я была такою,
что важнее всего была осень с её дыханьем.
И для меня мешок с опавшей листвою —
всё равно что наволочка Хлебникова со стихами.

Борис Херсонский

Одесса

* * *

о свободе небывалой сладко думать у печи
крематория в Освенциме где жертвы палачи
все прошли одной дорожкой всё сплелось в один клубок
не поймет сам Бог

так сквозь щель в двери барака в ожидании суда
смотрит жесткий глаз поляка на погасший взгляд жида
и никто из них не верит что судьба у всех одна
чашу пить до дна

и какой там вкус свободы если мозг в тисках зажат
если люди как колоды неподвижные лежат
если здесь такой порядок если ты звено в цепи
шагу не ступи

если завелось такое в чьей-то совести гнилой
не оставят нас в покое даже пеплом и золой
будут ждать пока остынет кочергою ворошить
низший суд вершить

ибо высший суд отныне отменен к чему вопить
глас вопящего в пустыне знает только слово пить
глаз лежащего на нарах видит только потолок
зубы на поллок

о свободе нестерпимой сладко думать у печи
крематория ты слышишь как в руке Петра ключи
тихо звякают и слышишь в тишине скрипят врата
дальше пустота

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Поет сиротка. Ходит старик с шарманкой.
Картина дополнена птичкой, собачкой и обезьянкой.
Собачка ходит на задних, птичка тащит билет,
обезьянка сидит на плече и старательно корчит рожи,
которые, как и положено, на зрителей столь похожи,
что все разбегаются, не бросив в шапку монет.

К тому же в билетах написано всякое непотребство —
шею свернешь, впадешь в несчастливое детство,
призовут в окопы, женишься на вдове,
которая через год опять овдовеет,
в огне соришь, и ветер твой прах развеет,
фронтная вошь прогрызет дыру в голове.

Всё правда, но зачем же писать так открыто,
вместо гроба можно писать «корыто»,
вместо войны написать бы «горячий спор».
У старика седая всклокоченная борода.
Собачка ходит на задних. Поет сиротка.
С небес подпевает сиротке ангельский хор.

Потому что сироты те же ангелы, если следом
нужно идти за несчастным пропитым дедом,
который и ручку шарманки крутит не так, как оно
положено, птичку не кормит, лупит собачку,
тянет к небу ладошку, просит подачку,
но судьба, поглядев из окна, закрывает окно.

* * *

в пространстве где человек имеет только армейский чин
и массу тела которое потеряло вес
куда до поры возносят только мужчин
откуда ни три сосны не видны ни тем более лес
корабль восток делает первый виток
глава государства кричит пилоту дурак завяжи шнурок

еще измеряли грудь достаточно ли широка
чтобы на ней поместились все ордена земли
еще проверяли чтобы до подневольного мужика
не до князя гагарина родословные корни вели

еще вызывали гадалку чтобы сказала останется жив
или останется мертв голову в шлеме сложив
за родину за хрущева за крейсер аврору за
широкие скулы улыбку за голубые глаза

еще букеты летели под ноги наш космос весь
с его планетами звездами кометами пустотой
еще хорошо что парень родился здесь
на равнинной местности прославленной смиреньем и простотой

городами почтовый ящик номер полный секрет
лесопосадками и прудами где карпы и караси
человек в абсолютном холоде такой теплотой согрет
которая сыщется только в московской советской руси

родина держит космодержавие как на параде малыш
несет воздушный шарик с надписью первомай
родина слышит родина знает что ни повелишь
выполним родина выше нас поднимай

до седьмого восьмого неба а небес попы говорят
девяносто девять и все ангельские как на подбор
и если глядеть с изнанки бездны огнем горят
и взлетают ракеты и кони скачут во весь опор

Александр Хинт

Одесса

ИЗ НЕМОТЫ

после печей Вавилона
за переправой
ущелел единственный дом на площади непонимания
едва различима пауза в хоре невозвращений
доступна одна только скорость — новой неустрахи

след самоходного посоха
сытость последнего взгляда
сорок четыре ущелья срослись в ожидании эха

видеть нельзя, не пытайся
видишь: нельзя

ледяные скульптуры воды
уложены в серый макет междутравья

но можно очнуться там, где приземистый север предместий
выйти наверх за миг до эксгумации радуги
можно родиться от голода тех, кто уже не вернётся
именно от них, поимённо
только там

где два бемольных полена
две бессонные клавиши в пекле мелодии
драпирующей тень от единственно верного облака
на твоём запястье

ИЗ ГРЕЧЕСКОГО: САПФО

Знай же, что опять расставляла тени
близкие, попарно, на крови с мёдом.
Правою струной подмешала в песню
восемь уловов,

левой же брала новый тремор сердца
для отдохновения, внутривенно.

ПАЛИСАДНИК

Девочки танцуют — должна и Сапфо
выдержать соло.

А восходит ночь, наполняя кровью.
А луна вливает свой мёд небесный.
Лишь обломок света, ступенька в храме
у Несравненной

я всегда была, и сейчас не время
изменять условие — на то и боги,
а они молчат. И сегодня в полночь
к нему бегу я.

Но терпи, Алкей, терпи, всё не вечно,
и ревность тоже

ИЗ ГРЕЧЕСКОГО: АЛКЕЙ

Читай меня чаще, милая.
Слышишь ли хохот Эриний?
Видишь: паденье пера на излёте строки.
Недоверие птица безлика,
ни рассвета не знает, ни крыльев,
столько лет укрывается в листьях,
появляется вмиг.

О, конечно, не столь откровенно,
как изменчива кожа твоих настроений,
и дрожит бахрома окантовки радужной
в момент зарождения ажи.

В этом — холод реки, что отвесен,
и стрела, что несёт последние вести.

А родиться вновь — всё равно, что песню сложить:

«Если бы не ведал твоих ущербов,
как своих — не знал бы: так песни Сапфо
неуклонны, как её сердце бьётся,
по трафарету.

Помнишь, у меня тоже было сердце
слева, для тебя наполнялось светом —
ты ж его взрезала сырым, без специй.
Веришь, то было

каменная боль: аппетит приятный,
с завтраком тебя! Вырастить два новых
мне пришлось — там нет твоего, их кормит
светлое небо».

Так читай меня чаще, милая.
Что бы там ни текло, вопреки погоде,
седина алкогольных промилле
не меняет сухую галантность ухода
на желание плакать свободой
от бессонной игры. И претит условность.

Всё, что есть — теорема о ливне
меж Несметным Продолженным и Настоящим.
И любовь, невесомая клинопись.
И возможность — смеяться, где прочие плачут.
Беззаветная брошенность лилии
в лиловатую дрожь эпоксидной чаши.
Ты должна ещё петь что-то, милая.
Читай меня чаще

Аюдмила Царга

Одесса

* * *

Чья-то боль проросла во мне
и болит, как своя, ночами.
Понимаю, что права нет
ни на крики,
ни на молчание.
В угасающих красках дня
дом далёкий кажется ближе,
там в печи языки огня
с лёгким треском поленья лижут...
А над домом — она, звезда,
только ей душа моя внемлет;
из земли растут города
и уходят туда же — в землю.
Но до неба — как до земли —
только жизнь...
и снова — дóма...
чтобы вспомнить, зачем пришли
и откуда,
и кто мы... кто мы...
А над нами — она, звезда,
вместе с нею по жизни шли мы.
Под землёю спят города,
на земле подрастает Шлиман...

МОЛИТВА О СЛОМАННОЙ ВЕТКЕ

Писать — это втайне молиться о ком-то...
Белла Ахмадулина

Пишется...
Только стихи
всё больше и больше напоминают молитвы,
ветви деревьев —
линии на ладони;
по одной из них тихо ползёт улитка.
На хрупких плечах покоится раковина —
домик.
В домике нет денег,
но есть свеча на столе,
два стула,
маленькая кровать
под пыльным шёлковым балдахином...
Казалось бы, что тут сложного,
чужую жизнь рифмовать,
бросать в лицо каждому встречному обрывки снов:
это мои стихи, мол...
А встречающих будет не меряно,
целующие уста
будут сочиться патокой,
в ней скоро увязнут ноги;
и вот тогда ты растерянно
посмотришь вокруг —
пустота...
и ни одного встречного,
с кем было бы по дороге.
И станешь о ветке сломанной,
что на ветру дрожит,
и о свече на столике
молиться —
ну... так уж случилось,
что снова тобой срифмована
чья-то чужая жизнь,
а для своей ни времени,
ни слов почти не осталось.
Но первый признак того,
что эти стихи — твои,
то, что они всё больше и больше
напоминают молитву;
как срывается ветка,
видно только двоим:
тебе и тому, по чьей ладони
тихо
ползёт
улитка.

Михаил Юдовский

Франкенталь, Германия

* * *

Берег дальний, свет вечерний.
Сколько звезд, но сколько терний
между нами и звездой!
Свет вечерний, берег дальний.
Будь со мной исповедальной
над священной водой

Иордана, Ганга, Рейна
и Днепра. Кувшин глинтвейна
между нами на столе.
Берег дальний, свет вечерний,
мы одни во всей таверне,
мы одни на всей земле.

Есть ли та на свете малость,
от которой нам осталась
малость меньшая? Всего —
свет вечерний, берег дальний
от твоей опочивальни
до бездомья моего.

Наш приют — не за горами.
Перекошен в темной раме
голубой проем окна.
Берег дальний, свет вечерний.
На потеху грубой черни
жизнь дана. А нам дана

эта песня, что печальней
Песни песней, изначальней
Книги книг. И, словно дым,
свет вечерний, берег дальний
над твоею наковальней
и над молотом моим.

Тем мы станем достоверней,
чем сейчас — многострадальной.
И откроются в ответ
берег дальний, свет вечерний,
свет вечерний, берег дальний.
Свет мой... Берег... Берег... Свет.

* * *

Твой маленький невзрачный городок,
окаменелый, словно диплодок,
и любящий свою окаменелость,
меня зовет — хотя б на полчаса,
найдя в себе такие голоса,
какими с колокольни не звенелось.

Я появлюсь и отыщу твой дом,
не знаю кем, не знаю чем ведом —
быть может, эху собственному внемля.
Моей спиной коснусь его стены,
как будто дом твой без моей спины,
лишенный сил, обрушится на землю.

Невидим глазу и неосяутим,
неуловим, как перелетный дым,
как летний воздух — невесом и тонок,
я встану на часах, чтоб ты могла
рукою гладить мгла, как будто мгла —
под руку подвернувшийся котенок.

И буду так стоять — пока к утру
от солнечного света не умру,
не посягая на твою свободу,
как тот рыбак среди застывших глыб,
что ловит в черных водах черных рыб
и всякий раз вылавливает воду.

* * *

Напиши на небі, твердому, як скеля:
«Тут буду я. Тут моя остання оселя».
Далі пиши, що хочеш — навіть слово з трьох літер.
Написав — і вітер, написав — і вітер
здує всі літери, наче макулатуру,
«Хто тут, — скаже, — пустує, в печінку цироз йому?»
«Ой, — злякаєшся, — Боженько, це я здуру...»
«Бачу, — той відповість, — що не від великого розуму.
Навіщо псувати небо? Чого тобі, хлопче, треба?»
«Мені нічого не треба — тільки шматочок неба.
Буду на ньому писати, буду його колисати,
як мати побіля тину колише малу дитину,
кататимусь, як у рибі
Іона». «Душе безгрішна, —
той відповість. — Спасибі —
давно не було так смішно.
Сердце аж груди топче,
наче орел лелеку.
Звідки ти взявся, хлопче?»

«Я тут... неподалеку».
«Годі, бо вже не можу —
от не було напасті...
Дай тобі щастя Боже...
Тобто це я — дай щастя!..
Очманієш од тебе,
ах ти Господня хиба...
Ось тобі, хлопче, небо.
Ось тобі, хлопче, риба».

Анатолий Юхименко

Канев

* * *

«о, птица, пьющая мороз»,
о, терпкий вкус густого звука,
о, как надменно и всерьез
к гортани прирастает мука;

сестра моя, каких кровей
твои испуганные речи,
о, как надменно в январе
служить для плакальщиц и певчих;

о, как щедротен этот снег
упавшего на землю неба,
почти библейский, будто снедь
воззавшим зрелищного хлеба;

мы — только тень воздетых крыл,
мы — дань с молчания для слога,
и мелкий бес от глаз сокрыл
все, что случается от Бога.

ИЗ ЦИКЛА «ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ»

* * *

Последняя осень дарует тепло.
от царских щедрот. и — хоть кланяйся в пояс.
посмотришь на горнее: там на табло
счет не в твою пользу.

а в нижнем: торгуются за наготу.
за толику тайной надежды.
и ветер-бесстыдник уже на ходу
срывает с торговцев одежды.

и лист невесом — как восторженный Лист.
и в падшем ни капли порока.
и слух, будто дух, подбирает регистр
для болевого порога.

ПАЛИСАДНИК

* * *

Умирание листьев радует глаз
в большей степени, чем допустимо
в час ухода, в тот трепетный час,
когда милость молчаньем хранима;

не насытиться взгляду листвою,
и в припадке изысканной хвори
спешно цедишь, как лекарь, раствор
едкой желчи и огненной крови;

это — заповедь вещей поры,
это — качество штучных изделий.
Грунт оранжев и свеж, как полы
накануне иных новоселий;

тополь вновь беззащитен и наг,
и бледнея от скорбного вида,
лист кленовый ниспущен, как флаг
с шестигранной звездой Давида;

и срываясь на кроткое «ах»,
принимаясь, что ныне и присно
жизнь продлится и в скудных тонах,
но уход должен быть живописен.

АВТОРЫ

Тина АРСЕНЬЕВА

Член Национального союза журналистов и Национального союза кинематографистов Украины. Автор стихотворных сборников: «Путь и дом», «Луна в колодце», «Под открытым небом».

Юлія БАТКІЛІНА

Народилася у Харкові в 1983 р. Пише вірші і прозу. Автор трьох друкованих книг («Старая башня», роман, Москва: АСТ, 2006; «Песни мельничного колеса», 2013; «Более другое», Мінськ; «Клан Росوماхи», фантастична повість, Одеса: Stellar, 2016).

Наталя БЕЛЬЧЕНКО

Народилася 7 січня 1973 р. в м. Києві. Авторка збірок віршів «Смотритель Сна» (1997), «Транзит» (1998), «Карман имен» (2002), «Зверек в ландшафте» (2006), «Ответные губы» (2008), «Бродяга/Беглец» (2010), «Зримородок» (2013). Лауреатка літературної премії Губерта Бурди (Німеччина, 2000), літературної премії ім. Миколи Ушакова (2006), премії ім. Леоніда Вишеславського «Планета Поета» (2013), перекладацької премії «Метафора» (2014). Перекладає з української на російську і навпаки.

Юлія БЕРЕЖКО-КАМІНСЬКА

Народилася на Херсонщині. Навчалася у Київському національному університеті ім. Тараса Шевченка (Інститут журналістики). Авторка книжок «Є задля чого нам жити», «Контрасти», «Між видихом і вдихом», «Так хочеться жити». Володар Гран-прі Всеукраїнського фестивалю поезії і авторської пісні «Лицарі слова» (Дебальцеве, 2011), переможець Всеукраїнського літературного конкурсу «Просто на Покрову» (Коростень, 2015), Міжнародного поетичного фестивалю «Синани-фест» (Ялта, 2009), Київського молодіжного поетичного конкурсу «Королі ліри», дипломант міжнародного конкурсу кращих українських творів молодих літераторів — «Гранослов-2008».

Евгения БИЛЬЧЕНКО

Поэт, прозаик, переводчик. Философ, культуролог, религиовед. Арт-куратор. Доктор культурологии. Профессор кафедры культурологии

Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Киев). Член Конгресса литераторов Украины. Автор 11 сборников поэзии и более 150 научных и литературно-критических публикаций. Стихотворения Евгении Бильченко переведены на 23 языка мира. Победитель ряда международных и всеукраинских поэтических фестивалей и конкурсов.

Станислав БОНДАРЕНКО

Народився 17 грудня 1954 р., на Дніпропетровщині, в сім'ї вчителів. Закінчив філологічний факультет Київського держуніверситету ім. Т. Г. Шевченка (1976–1981). Лауреат кількох всеукраїнських та міжнародних премій (ім. Бориса Нечерди, ім. Василя Стуса, ім. Максиміліана Волошина, ім. Антона Чехова, ім. Івана Кошелівця, Дмитра Нитченка та ін.). Твори для дітей відзначені високими нагородами — першою Корнійчуковською премією та премією «Коронація слова» (2015). Серед книг для дорослих — збірки «Я сам із дат печалі», «Бенкет під час Кучми», «Нова Енеїда, або Дер-жа-вою», «Євангеліє від тюрми», «Кирилиця київських вулиць», «Нічна розмова з Європою», «Пікнік із мільярдером» та ін.

Дмитрий БУРАГО

Поэт, издатель и культуртрегер. Родился в Киеве. Окончил филологический факультет Киевского педагогического института (1990). Автор поэтических книг «Эхо мертвого города» (1992), «Здесь» (1996), «Поздние времена» (1998), «Шум словаря» (2002), «Спичечный поезд» (2008), «Киевский сбор» (2011). Издатель современной научной и художественной литературы (Издательский дом Дмитрия Бураго), журнала «COLLEGIUM», книжной серии «И свет во сне светит,/ И тьма не объяла его». Член Национального союза писателей Украины. Лауреат литературной премии им. Леонида Вышеславского (2007), премии НСПУ им. Н. Ушакова (2008), Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2011).

Галина ВДОВИЧЕНКО

Українська письменниця. Закінчила філологічний факультет Львівського національного університету ім. Івана Франка. Живе у Львові. Де-

ПАЛИСАДНИК

бютувала у 2008 р. — з романом «Пів'яблука». Відтоді побачили світ романи «Тамдевін», «Хто такий Ігор?», «Бора», «Купальниця», «Інші пів'яблука», «Маріупольський процес» та книжки для дітей «Мишкові миші», «Ліга непарних шкарпеток», «36 і 6 котів», «Засинай. Прокидайся».

Анатолий ВЛАСЮК

Народився на Львівщині 10 липня 1960 р. Закінчив філологічний факультет Дрогобицького державного педагогічного інституту імені Івана Франка. Автор декількох романів, низки повістей і оповідань. Вийшло дві збірки віршів, дві збірки оповідань, дві пісенні збірки, роман «Інтуїція» та ін.

Георгий ГОЛУБЕНКО

Писатель, драматург, сценарист. Комедийные спектакли, поставленные по его пьесам, шли в театрах страны и за рубежом. Лучшие из них составляли репертуар знаменитого одесского шоу-театра «Ришелье». В «Доме клоунов» причерноморского города с успехом идет комедия «Одесский подкидыш» по пьесе Георгия Голубенко. Сюжеты из его книги «Рыжий город» стали литературной основой популярного телевизионного цикла «Новые одесские рассказы». Совместно с режиссером Владимиром Алениковым по ним написан сценарий фильма «Улыбка Бога, или Чисто одесская история». Заслуженный деятель искусств Украины.

Сергій ДМИТРІЄВ

Народився 4 серпня 1971 р. у м. Березівка Одеської області. У 1988 р. вступив на філологічний факультет Одеського національного університету імені І. І. Мечникова. З 1993 р. викладає на кафедрі загального та слов'янського мовознавства рідного вузу. Кандидат філологічних наук за спеціальністю «українська мова», доцент. Член Національної спілки письменників України з 2004 р. Новеліст, пісняр. Голова Одеської обласної організації Національної спілки письменників України з листопада 2013 р. Автор збірок новел «Крик», «Вісті з минулого», кіноповісті «Робота над помилками», повісті для середнього шкільного віку «Цвиндрики», двох десятків піснених текстів. Окремі твори внесено до програми з літератури рідного краю.

Василь ДОВЖИК

Український поет і прозаїк, перекладач, драматург; актор театру і кіно; ведучий літературних програм Національної радіокомпанії України (передачі «Антологія сатири і гумору», «Веселий всесвіт», «Сторінки української класи-

ки»), член Національної спілки письменників з 1980 р., Національної спілки театральних діячів України. Народився на Сумщині у 1943 р. Освіту здобув у Київському театральному інституті імені І. Карпенка-Карого. У творчому доробку поета поетичні збірки, збірки акровіршів-загадок, повістей («Втеча», «Перерваний урок», «Підкувати блоху»), а також повісті-казки, п'єси. Лауреат літературних премій ім. О. Копиленка, Остапа Вишні, премії ім. Лесі Українки, М. Старицького та ін. Заслужений діяч мистецтв України (2008).

Ирина ЕВСА

Поэт, переводчик. Родилась 15 октября 1956 г. в Харькове. В 1987 г. окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 12 поэтических книг («Отзвук», «Дыхание», «Август», «День седьмой», «Наверное, снилось», «Изгнание из рая», «Лодка на фаянсе», «Опись имущества», «Трофейный пейзаж», «Юго-Восток» и др.). С 1978 г. — член Национального союза писателей Украины. Член Всемирного ПЕН-клуба. Лауреат премии Международного фонда памяти Б. Чичибабина, премии «Народное признание», лауреат конкурса «Литературный герой», лауреат премии журнала «Звезда», премии НСПУ им. Николая Ушакова. За книгу стихотворений «Трофейный пейзаж» награждена Международной литературной премией им. Великого князя Юрия Долгорукого. Лауреат «Русской премии» 2016 г. за книгу «Юго-Восток». Живет в Харькове.

Алексей ЗАРАХОВИЧ

Поэт, художник. Родился в 1968 г. в Киеве. По образованию — филолог (КГПИ им. Горького). Автор книг «Машины и озера», «Табукатура», «Шаббат» (книга в сборнике «Дом с химерами»), «Река весеннего завета», «Чехонь». Отдельной книгой выходила шуточная поэма-тавтограмма (все слова на букву «А») «Аберрация Акакия». Стихотворения публиковались в Украине, России, Белоруссии, Азербайджане, Германии, Сербии. Автор и режиссер поэтических клипов по мотивам украинской поэзии 20–30-х гг. Автор и ведущий программ на Радио Вести.

Сергей ЗЛЮЧИЙ

Народився 15 червня 1953 р. в м. Дніпродзержинськ. Український письменник, громадський діяч. Член Національної спілки письменників України. Закінчив Дніпродзержинський індустріальний інститут. Нагороджений орденом «За мужність» III ступеня, нагороджений Святійшим Патріархом Київської і всієї Руси-України

медаллю «За жертвність і любов до України», нагороджений медаллю «За значний внесок в розвиток Дніпропетровщини».

Твори: книга оригінальних поезій «Білий час» (1999), книга перекладів Йосипа Бродського «Мовою дітей» (2000), книга перекладів Чеслав Мілош «Небо народжених щойно» (2011), книга оригінальних поезій «Мідні леви» (2013).

Ирина ИВАНЧЕНКО

Поэт, журналист, родилась и живёт в Киеве. Главный редактор нескольких «толстых» журналов, посвящённых вопросам права. Стихи публиковались в журналах, альманахах, антологиях Украины, России, Германии, Бельгии. В апреле 2014 г. вышла из печати пятая книга стихотворений поэта «Прощёное воскресенье».

Член Национального союза писателей Украины. Лауреат Всеукраинской литературной премии им. Николая Ушакова (за книгу «Бесомнений», 2010), дипломант Международной литературной премии им. Великого князя Юрия Долгорукого (2011), Международной премии им. Андрея и Арсения Тарковских (за книгу «Соблазны Город постирать», 2012). Победитель Всемирного поэтического конкурса «Эмигрантская лира — 2013» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, Франция, 2013).

Александр КАБАНОВ

Главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры», один из основателей украинского слэма. Лауреат «Русской премии», Григорьевской поэтической премии, Международной Волошинской премии, премий журнала «Новый мир» и «Antologia» с формулировкой: «За высшие достижения в современной поэзии». Автор 10 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», в «Новой газете», «Литературной газете» и др. Стихи переведены на украинский, английский, немецкий, нидерландский, финский, грузинский и др. языки.

Владислав КИТИК

Родился 15 декабря 1954 г. Окончил Одесское высшее мореходное училище и заочное отделение филфака Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова. Был моряком, мастером, слесарем, кочегаром, преподавателем. Последние годы — на журналистской работе. Стихи публиковались в журналах «Радуга», «Работница», «Смена». В 1990 г. стал одним из трех авторов сборника «Встреча». В 1992 г.

вышел самостоятельный сборник стихов «Сиреневое ЛЯ», затем «Небесные виноградины» (1994), «Иное счастье» (1997), «Гречишное поле» (2000) и т. д. Член Национального союза писателей Украины.

Анатолий КИЧИНСКИЙ

Поэт-лирик, поэт-живописец, поэт-мыслитель... — универсальный мастер, который в процессе поэтического развития достиг значительного успеха в поэтических мотивах, формах и экспериментах. Он отлично владеет фольклорными и песенными интонациями, культурой классической версификации, поэтикой размышлений, а также — современными приемами и формами. Анатолий Кичинский известен также и многим поклонникам живописи как автор настроенных пейзажей и натюрмортов, многие из которых занимают ведущие места в частных коллекциях не только в Украине, но и за ее пределами.

Лауреат Национальной премии им. Тараса Шевченко 2006 г. (за сборники «Пролітаючи над листопадом» и «Танець вогню»).

Олександр КОСЕНКО

Народився 13 квітня 1957 р. в с. Доніно-Кам'янка Знам'янського району Кіровоградської області. Лауреат літературної премії «Сокіл степів» (2009, за сумою публікацій) та Літературної премії імені Євгена Маланюка (2010, за книгу «На сьомий день»). Також у різний час його твори з'являлися у періодиці та часописах. Колективні поетичні збірки «Євшан» (Кіровоград: МАВІК, 2000), «Золоте поле» (Спілка письменників України, Кіровоград, 2009), хрестоматія з літератури «Блакитні вежі» (Кіровоград: МАВІК, 2011). Окремі книги — книга поезій «На сьомий день» (видавництво «Степ», 2009) та «Гартування води» (Київ: Український пріоритет, 2012). Член Національної спілки письменників України.

Евгения КРАСНОЯРОВА

Родилась 21 октября 1981 г. Живет в Одессе. В 2003 г. окончила Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова.

Автор сборников стихотворений «Серебряные монгольфьеры» (2009), «Водяные знаки» (2012), «Мера вероятности» (2012).

Любовь КУПЦОВА

Родилась в 1969 г. По образованию учитель начальных классов. Победитель 23-го международного поэтического конкурса «Пушкинская Лира». Член жюри Всеукраинского конкурса на лучшее произведение для детей «Корнейчуковская премия» и Детского литературного конкурса «Море талантов», член редакционной коллегии детского литературного альманаха «Море талантов», сборника произведений победителей Всеукраинского конкурса «Корнейчуковская премия». Руководитель детской литературной студии «Серебряное пёрышко». С 2011 г. — вице-президент филиала Пушкинского общества в Одессе.

Сергей ЛАЗО

Родился в Житомире, там же окончил филологический факультет педагогического института. Автор 19 книг, куда вошла его поэзия, проза, драматургия, эссеистика, переводы. Пишет на русском и украинском языках. Широко печатается в периодике, альманахах как в Украине, так и за рубежом. Произведения С. Лазо переведены на английский, немецкий, итальянский, польский, грузинский языки. Среди исполнителей его песен В. Зинкевич, Т. Повалий, Н. Сумская, В. Павлик, Гайтана, А. Глызин и многие другие. С. Лазо не только автор, но и исполнитель собственных песен — им записано шесть дисков. Член Национального союза писателей и союза журналистов Украины. Лауреат международной литературной премии им. Г. Сковороды. Заслуженный деятель искусств Украины.

Мирослав ЛАЮК

Поет, прозаїк, драматург, есеїст. Народився 31 липня 1990 р. у Карпатах. Закінчив Національний університет «Києво-Могилянська академія», навчається на PhD-програмі «Філософія і література» цього ж університету. Автор поетичних книжок «Осоте!» (2013), «Метрофобія» (2015), роману «Баборня». Лауреат премій «Літакцент року», Фундації Ковалевих, «Смолоскип» тощо.

Леонид ЛЕЙДЕРМАН

Родился в 1937 г. в Калинин (Тверь). Выпускник Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова. Автор книг «Морозный дым» (сборник стихотворений, 2008), «Что наша жизнь? Журнал!» (сборник публикаций, 2014), «Ветер перемен» (сборник рассказов, 2014).

Элла ЛЕУС

Родилась в 1964 г. в Одессе. Прозаик, беллетрист. Пишет на русском языке. Автор повестей и романов «С юга на юг», «На тридцатом меридиане», «Високосный дневник», «Город стар», «Палач», «Антипадение», «Сферы», а также ряда рассказов и пьес. Книги выходили в издательствах журнала «Радуга», «Украинский приоритет» и др. Публикации в журналах «Радуга», «Южное сияние», «Фаворит удачи», «Артикль», «Таллинн», альманахах ОМК, «Золотая Ника», газетах «Порто Франко», «Литературная Украина» и пр. Член Национального союза писателей Украины.

Мария ЛУЦЕНКО

Свободный киевский музыкант, поэт и фотограф. Родилась, училась и проживает в Киеве. Получала дипломы и Гран-при различных конкурсов. Автор многих публикаций. Публиковалась в журнале «Радуга», альманахе «Каштановый Дом», а также в других украинских и зарубежных изданиях.

Елена МАЛИШЕВСКАЯ

Окончила кинофакультет Киевского государственного театрального института им. Карпенко-Карого. Сотрудничала с газетными и журнальными изданиями, работала на телевидении. Автор нескольких документальных фильмов.

В 2014 г. — поэтический сборник «Хроника среды». В 2016-м — публикации стихов в журналах «Крещатик» и «Радуга». С 2015-го ведет литературный проект «Вход с веранды» в Доме-музее Михаила Булгакова на Андреевском спуске, 13.

Наиль МУРАТОВ

Родился в г. Баку в 1951 г. Окончил Одесский политехнический институт, где и работает по настоящее время, совмещая научную и преподавательскую работу. Кандидат химических наук. В литературу Наиль Муратов пришел достаточно поздно, его первый роман «Королева эльфов» был опубликован в 2008 г. Позднее обратился к жанру психологической драмы. Наиболее известной читателю является повесть «Психопат», изданная в Киеве в 2014 г. в переводе на украинский язык. Член Национального союза писателей Украины, ответственный секретарь жюри Международного конкурса литературы для детей «Корнейчуковская премия». За литературную деятельность награжден в 2016 г. медалью «Трудовая слава».

Алексей НИКИТИН

Родился в Киеве 7 января 1967 г. В 2000 г. в Киеве вышла книга прозы «Рука птицелова». В том же году книга получила премию Союза писателей Украины им. Вл. Короленко за лучшую русскую прозу года. В 2002 г. ушел из бизнеса и 6 лет занимался IT-журналистикой. Автор нескольких повестей и романов.

Віктор ПОГРІБНИЙ

Корінний степовик. Закінчивши Київський державний університет імені Т. Г. Шевченка, не залишився в столиці, а повернувся до великих степів, які його зродили. Тут він очолив гурт кіровоградських літераторів — літоб'єднання «Степ». З такою назвою В. Погрібний видає й літературно-мистецький та громадсько-публіцистичний журнал. Лауреат літературних премій ім. Євгена Маланюка, ім. Остапа Вишні, ім. Юрія Яновського, ім. І. Нечуя-Левицького. Автор двох книг поезій «Напис на шибці» та «Прости мій гнів», прози — «Царина» і «Куца», публіцистики — «Серед українців», сатири і гумору — «Маркове пекло». За книгу новел 2015 р. присуджено літературну премію імені О. Гончара.

Олекса РІЗНИКІВ

Народився 24 лютого 1937 р. у м. Єнакієво-му, на Донбасі. Вчився на заочному відділенні філологічного факультету Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. Був двічі репресований: 1959 р. (півтора року таборів) і 1971 р. (п'ять з половиною років). Після звільнення Олексі Різниченкові було заборонено повертатися до Одеси, і він деякий час жив у Первомайську. 1990 р. став членом Спілки письменників України. У 1995 р. переїхав до Одеси.

Автор багатьох книжок. В 1990 р. побачила світ його перша збірка поезій «Озон». За другу — «Терновий вогонь» — у 1993 р. письменник був відзначений літературною премією України ім. П. Тичини. У 1998 р. вийшла третя збірка поезій «Наодинці з Богом». Його мовознавчі твори «Складівниця», «Одноримки (словник омонімів та схожословів)», «Спадщина тисячоліть. Чим наша мова багатша за інші?» є новим словом у вивченні української мови.

Сергей РЯДЧЕНКО

Родился в Одессе в 1952-м. Преподавал в университете английский язык. Несколько лет служил переводчиком в Африке. Участвовал в качестве автора в играх одесской команды КВН, ставшей чемпионом сезона 1986–1987 гг.

Печатался в московских литературных журналах. В 1979 г. участвовал в VII Всесоюзном совещании молодых писателей. Значился самым молодым из написавших свой первый роман. Выпускник Высших курсов сценаристов и режиссеров при Госкино СССР.

Автор романов «Полоса препятствий» и «Укротитель баранов», сборников повестей и рассказов «Время мира», «Аборигены наших берегов», «Суббота для человека», повести в стихах «Приземление».

Сергій САВІН

Народився на початку травня 1997 р. на Вінниччині в м. Могилеві-Подільському. Після отримання шкільного курсу знань у 2014 році вступив до Київського університету імені Бориса Грінченка на спеціальність «журналістика», потім перейшов до Київського національного університету ім. Тараса Шевченка, де донині і навчається. Працював піарником, екскурсодом, літературним агентом. Любить британівецьке поняття «сюрреалізм» у всіх його межах: від Фріди Кало до Емми Андієвської, захоплюється **венеційними** дахами і паризькою архітектурою. Сподівається на утвердження у світі екзистенційної психології Віктора Франкла.

Александр САМАРЦЕВ

Родился в Москве. По первому образованию — инженер-двигателестроитель, затем учился 2 года заочно режиссуре в Щукинском театральном училище. Среди прочего работал в журнале «Юность» перестроечного периода консультантом отдела поэзии. В этом журнале впервые напечатан. Дальнейшие публикации — «Золотой век», «Новый мир», «Дети Ра», «Олимп», «Южное сияние», «45-я параллель» и др. В конце 2014 г. переехал в Киев.

Алексей СЕМЕНИЦЕВ

Актёр, музыкант. Одессит. В репертуаре более 3000 песен, баллад и романсов. Пишет рассказы.

Виктор СОЛОДЧУК

Поэт, прозаик, сценарист. Родился в 1971 г. в Одессе. Публиковался под псевдонимом «Виктор Мбо». Написал роман «Совпалыч», вошедший в длинный список Русской премии. Увлекается живописью и растениеводством. Живет на Большом Фонтане.

Оксана СТОМИНА

Финалист и дипломант поэтических конкурсов «Лужарская полночь», «Пушкинская осень в Одессе», финалист конкурсов «Пушкин в Британии» и «Эмигрантская лира», лауреат фестивалей «Славянские традиции», «Новая эпоха» и конкурсов «Парнас», лауреат литературной премии им. Юрия Каплана, литературной премии «Славянские традиции», лауреат 3-го литературного конкурса «Новые сказки», победитель конкурса «Писатели — детям». Победитель конкурса «Не повторяется такое никогда» и «Наш адрес — Советский Союз» Международной гильдии писателей «Золотой фонд» премии «Народный поэт».

Анна СТРЕМИНСКАЯ

Родилась в Одессе 21 марта 1970 г. Окончила филологический факультет Одесского государственного университета. С 1996-го — научный сотрудник Одесского литературного музея, Произведения публиковались в журналах «Октябрь», «Дети Ра», «Южное Сияние», «Зинзивер», «Крещатик», «Дон», «Меценат и мир», «Дерибасовская—Ришельевская», в «Литературной газете», в интернет-альманахах «Гостиная» (США), «Literra» (Польша) и др. Автор поэтических книг «На древнем языке» (2000) и «Умение говорить шёпотом» (2014). Член Южнорусского союза писателей.

Борис ХЕРСОНСКИЙ

Поэт, эссеист, переводчик. Автор многих сборников. Наиболее значительным считают «Семейный архив», где отдельные биографические стихи складывают эпическое полотно. Эта книга издана на английском, немецком и нидерландском языках. Перу Бориса Херсонского также принадлежат книги — стихов «Пока еще кто-то», прозы — «Кладезь безумия». Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Крещатик», «Арион». Стихи Бориса Херсонского переводили на украинский, грузинский, болгарский, английский, финский, итальянский, нидерландский и немецкий языки. Лауреат «Русской премии», международных Волошинских конкурсов, фестиваля «Киевские лавры», стипендии фонда им. И. Бродского. Входил в короткий список престижных премий. Член жюри первого поэтического конкурса имени И. Бродского. Входит в редколлегия журнала «Крещатик».

Александр ХИНТ

Родился в 1962 г. в Одессе. Закончил мехмат Одесского государственного университета. Работает программистом. Автор двух стихотворных книг. Публикации в печатных и онлайн-новых изданиях. Первое место на Всемирном поэтическом фестивале «Эмигрантская лира» в 2012 г. Живёт в Одессе.

Людмила ШАРГА

Живёт и работает в Одессе. Поэт, прозаик, публицист. Автор сборников прозы и поэзии «Адамово ребро» (2006), «На проталинах памяти» (2008), «Билет в осенний день» (2010), «Рукой подать...» (2011), «Повесть о падающих яблоках» (2013), «Яблоневые сны» (2014), «Ночной сюжет новостей» (2015). Автор многочисленных публикаций в печатных и электронных периодических изданиях, лауреат международных литературных конкурсов и премий. Редактор сайта и основатель творческой гостиной «Diligans».

Михайло ЮДОВСЬКИЙ

Народився 13 березня 1966 р. в Києві. Навчався в художньо-промисловому технікумі та інституті іноземних мов. У 2009 р. в Україні вийшла книга «Поєми і вірші». Поезію і прозу автора опублікували літературні журнали і альманахи в Україні, Росії, Німеччині, Великобританії, Фінляндії, Ізраїлі, Австралії та США. У 2013 р. видавництво АСТ (Москва) випустило книгу прози «Повітряна кулька з вагою свинцевою», у квітні того ж року американське видавництво «POEZIA.US» опублікувало поетичну збірку автора «Тіла і тіні», а в 2014 р. у видавництві «Петіт» (Латвія) вийшла книга віршів «Напівсередні віки». Влітку 2016 р. в харківському видавництві «Фабула» вийшли російською та українською мовами прозові книги «Наволоч» і «Богиня». Юдовський є лауреатом кількох літературних премій, його живописні роботи знаходяться в музеях, а також приватних колекціях п'ятнадцяти країн світу. Пише як російською, так і українською мовою. У 2015 р. закінчив роботу над перекладом на російську та українську мови всіх сонетів Шекспіра.

Анатолий ЮХИМЕНКО

Поэт. Родился в 1960 г. Биолог, кандидат наук. Печатался в журналах и альманахах «Радуга», «Соты», «Юрьев день» (Киев), «Белый ворон», «День и ночь», в антологиях «Киев. Русская поэзия. XX век» (2003), «Библийские мотивы в русской лирике XX века» (2005). Автор книги «Притчи и другое» (2007). Живет в Каневе.

Содержание

Тина Арсеньева.....	3
<i>Богема. Цыганская Магдалина</i>	
Юлія Баткіліна.....	5
<i>Вічна історія. Сон про Почайну</i>	
Наталка Бельченко	7
<i>«Ти різнобарвніший за біль...». «Ой, що то воно за ріка?..».</i> <i>«Деся кров тече: від злаку і до знаку...».</i> <i>«Вкраїна-мама мила рану...». Софія Київська</i>	
Юлія Бережко-Каминська	9
<i>«Різдво в смереках тихе і м'яке...». «Там, де немає нас, у снігах Карпат...». «У чужому місті, що пахне кавою...»</i>	
Евгения Бильченко	11
<i>Монолог Джордано Бруно. Мистика для собак</i>	
Станіслав Бондаренко	13
<i>«Збігає час — як молоко на плитці...».</i> <i>Одесную Одеса. Будинок Бетховена</i>	
Дмитрий Бураго	15
<i>Из цикла «Поздние времена». Признание. «Я просыпаюсь в чудо-пустоте, никто не ждет и никому не должен...». «В чернильных заводах бумага хладнокровна...»</i>	
Галина Вдовиченко	18
<i>Не бігай за білками</i>	
Анатолій Власюк	21
<i>Секс у будинку біля колії</i>	
Георгий Голубенко.....	37
<i>Кепка с характером. Моя спортивная жизнь</i>	
Сергій Дмитрієв.....	40
<i>Бесілячко</i>	
Василь Довжик.....	46
<i>«Мовчу, щоб розповісти про життя...». «Верби, верби! А ви не застудитесь?..». «Чому час цей такий красивий до болю сумний такий?..»</i>	
Ирина Евса.....	48
<i>Береговое</i>	
Алексей Зарахович.....	52
<i>Стеклодув. «Тополиного пуха медлительный снег...»</i>	
Сергій Злючий	54
<i>Морячка. «осіннього ранку прокинувшись...».</i> <i>Декілька днів</i>	

ПАЛИСАДНИК

Ирина Иванченко	56
<i>Зима. Чужинка. Ялинкова рідня</i>	
Александр Кабанов	60
<i>«Солнцем снег занесло: каждый метр — солдатский, погонный...». «Почему нельзя признаться в конце концов...»</i>	
Владислав Китик.....	62
<i>На кухне. Бужварь</i>	
Анатолій Кичинский	64
<i>«Ти в пам'яті моїй — немов іржавий цвях...». «Накинй на плечі плащ...». «Це небо чи ріка?..». Українська пісня</i>	
Олександр Косенко.....	66
<i>«Облиш печаль...». «Коли вночі не спиться січню...».</i> <i>«Без нас у пеклі вичахає спека...»</i>	
Евгения Красноярова.....	68
<i>«Платаны плакали. В тумане...». «Ты спал под аркадами Трои...». «Бурьян заполонил курсивом...»</i>	
Любовь Купцова.....	70
<i>Здравствуйте, я ваша совесть!</i>	
Сергей Лазо.....	74
<i>Рыбный суп</i>	
Мирослав Лаяк	78
<i>Я загубив свій капелюх. Гарні дерева. Сніг землі і сніг неба.</i> <i>Шкільні дерева: тополя</i>	
Леонид Лейдерман	81
<i>Ривчек</i>	
Элла Леус.....	94
<i>Очередь</i>	
Мария Луценко	98
<i>Сторож сирени. Городу детства</i>	
Елена Малишевская	100
<i>Зелёное платье. «Нас выдали...». «Река бежала от меня, а я бежала за рекою...»</i>	
Наиль Муратов.....	102
<i>Качели</i>	
Алексей Никитин	114
<i>Судоку из старой газеты</i>	
Віктор Погрібний	123
<i>Геній Петра</i>	
Олекса Різників	127
<i>Море. «Якісь дощі пішли сором'язливі...». «Браму городища цього...»</i>	

Сергей Рядченко 129
Человек в среде культурной

Сергій Савін 139
1. «Запалив свічку навпроти твоєї...». 2. «Любити італію означає...». 8. «Вона відчувала мільйони звуків...». 10. «Вона навчено дихала і стріляла...»

Александр Самарцев 142
По дороге на позицию. «...Израдцами печка в три угла скулила...»

Алексей Семенищев..... 143
Вор (09.05.2014)

Виктор Солодчук 145
Большие Бабки

Оксана Стомина 151
Примитивный сюжет. Разговор с ним

Анна Стреминская 152
Немецкая каска. «Капли дождя на папирусах...»

Борис Херсонский 153
«О свободе небывалой сладко думать у печи...». Печальная повесть. «В пространстве где человек имеет только...»

Александр Хинт 156
Из немоты. Из греческого: сапфо. Из греческого: алкей

Людмила Шарга 159
«Чья-то боль проросла во мне...». Молитва о сломанной ветке

Михаил Юдовский 161
«Берег дальний, свет вечерний...». «Твой маленький невзрачный городок...». «Напиши на небе, твердому, як скеля...»

Анатолий Юхименко 164
«О, птица, пьющая мороз...». Из цикла «Последняя осень». «Последняя осень дарует тепло...». «Умирание листьев радует глаз...»

Авторы 166

Літературний альманах «ПАЛИСАДНИК» — українське видання, яке надає можливість знайомства з текстами сучасних авторів українською та російською мовами. У дайджесті представлена поезія і мала проза. Для тих, хто вивчає тенденції розвитку сучасної української літератури, викладачів, студентів, критиків. А також для широкого кола читачів.

Свідоцтво про державну реєстрацію
друкованого засобу масової інформації
Серія ОД № 1821-692Р від 10 травня 2016 року

Українською та російською мовами

Технічний редактор *Т. В. Іванова*
Дизайнер обкладинки *А. Чаура*
Коректор *Н. І. Крилова*

Формат 70×108/16. Тираж 210 прим. Зам. № 110 (28).

Адреса редакції: ??????????

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.stranichka.in.ua
e-mail: astro-print@ukr.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

Підписано 2 вересня 2016 року 17 вересня